

РУКОПИСИ СНОВА ГОРЯТ

(Литературные размышления кота Бегемота и других духов из свиты Воланда)

Содержание

ПРОЛОГ

СКАЗКИ ГОРОДА СНОВ И ИЛЛЮЗИЙ

Глава 1 ШУТКА КУКЛОВОДА или МЕРТВЫЕ ДУШИ.

Глава 2 Кошачья соната или Грустный леопард

Глава 3 Общество мертвых Писателей. Рукописи не горят?

Глава 4 ЭПИЛОГ СТОРЕВШЕГО РОМАНА

Глава 5 СОДРУЖЕСТВО МЕРТВЫХ ПОЭТОВ

Глава 6 ОСТОРОЖНО, СКАЗОЧНИЦА! УЧИТЬ И ЛЕЧИТЬ

Глава 7 ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ ДОБРОГО ДЯДИ

Глава 8 ДЕМОН В ШОКЕ, БЛОНДИНКА В ШОКОЛАДЕ СВИТКИ

АБАДОННЫ

Глава 9 ЗВЕЗДОНУТЫЕ СВАХИ ЗАПИСКИ АЗАЗЕЛЛО

Глава 10 МОДНЫЙ ПРИГОВОР

Глава 11 СМЕРТЬ В ЭФИРЕ ЛЕТОПИСИ КОРОВЬЕВА

Глава 12 КАТАСТРОФА НАЧАЛО КОНЦА МЕМУАРЫ БЕГЕМОТА

- Глава 13 **МАРГАРИТА ВОСКРЕСЛА. ОБРАТНАЯ СТОРОНА МИФА**
- Глава 14 **МАСТЕР СРЕДИ МЕРТВЫХ ПИСАТЕЛЕЙ**
- Глава 15 **БУНТ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ.**
- Глава 16 **ОПЕРАЦИЯ « СЕТЕВОЙ ТРОЛЬ»**
- Глава 17 **Я - ПИСАТЕЛЬ, СПАСАЙТЕСЬ, КТО МОЖЕТ**
- Глава 18 **ДЕВЯТЬ НЕБЕС ДЛЯ ТВОРЦОВ** Бегемот и Вергилий
- Глава 19 **ВЕРНИТЕ ГРАФОМАНОВ НЕМЕДЛЕННО...**
- Глава 20 **ОЗАРЕНИЕ - ПОЭЗИЯ ТОРЖЕСТВУЕТ** 21 мая - конец света или
Тьмы СНЫ И ГРЕЗЫ В ГОРОДЕ ИЛЛЮЗИЙ
- Глава 21 **СТРАШНАЯ ТАЙНА ПРОРОКА**
- Глава 22 **Бессмертный Автор или мертвый Писатель? Кто ты**
- Глава 23 **Извлечение Люцифера. Рукописи горят-10**
- Глава 24 **СПАСИТЕ СКАЗКУ. ОСТАНОВИТЕ СКАЗОЧНИКОВ**
- Глава 25 **Три Великих Поэтессы и два кота. Они идут к нам.**
- Глава 26 **ГЕНИЙ, Он и на Прозе Гений!!!!**
- Глава 27 **Даная в темнице своих заблуждений...Первая Сказочница**
- Глава 28 **КОЛЮЧКИ, ЖАЛА, ШИПЫ НАШИХ ЛИТЕРАТОРОВ**
- Глава 29 **Да здравствует моя дурная слава.**
- Глава 30 **Летели Витязи в Сибирь. Просто мистика**
- Глава 31 **ВАШ ТЕКСТ НЕБРЕЖНАЯ ЗАБАВА? Прощай, макулатура**
- Глава 32 **НЕИЗВЕСТНАЯ ПРИМА. ШУТКА ПИАНИСТА**
- Глава 33 **СГОРЯТ ПОЭТЫ БЕЗ СЛЕДА**
- Глава 34 **НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ПАРОДИСТА**
- Глава 35 **МОИ ДОСТИЖЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ. МЕЧТЫ ИДИОТКИ**
- Глава 36 **. КАК УБИТЬ СВОЙ ТАЛАНТ**
- Глава 37 **Зачем Мефистофелю Души? Мифомистика 21века**
- Глава 38 **Лолита торжествует ДУРНАЯ СЛАВА МАСТЕРА**
- Глава 39 **Пленники иллюзий.. Тайна Незнакомки**
- Глава 40 **ЗАКРУЖИЛИСЬ БЕСЫ РАЗНЫ**
- Глава 41 **ЭТО ПРОСТО ПЛАГИАТ. Турнир поэтов**
- Глава 42 **Литературный маньяк. Никаких собак**
- Глава 43 **Не сотвори себе тирана. Хочу замуж!?**
- Глава 44 **МЕСТЬ АНГЕЛА ЭГОИСТА. УПЫРИ ЗА РУЛЕМ.**
- Глава 45 **Никогда не разговаривайте со злыднями**
- Глава 46 **Не ради званий и наград? Народный или настоящий?**
- Глава 47 **Не кормите троллей, господа поэты. Будни чата**
- Глава 48 **Кое-что о плагиате. Дальний умысел**
- Глава 49 **Злых критиканов и в ад не берут. Грустная сказка**

Глава 50 Кикимора разбушевалась. Скандалисты начинают и проигрывают.

Глава 51 ЗОЛОТОЙ ВЕК НА ПОРОГЕ, СПАСАЙТЕСЬ, ПОЭТЫ

Глава 52 О чем говорят в чате. Красавицы - чудовищ

Глава 53 Счетоводы на сайте Стихи ру. Записки кота Бегемота

Глава 54 Рейтингисты оборзели. Бегемот против Лаврентия

Глава 55 Отвечать или не отвечать Лаврентию? Кот Бегемот

Глава 56 ЛАВРЕНТИЙ ВЫХОДИТ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Глава 57 Пенальти для Лаврентия. Критикана на мыло.

Глава 58 Лаврентий славы не хотел А судьи кто?

Глава 59 Добрый, щедрый, порядочный. Служба знакомств

Глава 60 Спасите наши души. Последнее свидание в Старом кафе

Глава 61 Как выжить в клубке змей и поэтов

От АВТОРА

О сколько же открытий чудных подарил нам Мастер в романе века.

Одно из них о том, что рукописи не горят или горят ясным пламенем, в зависимости от того какие это рукописи.

Нашим любимым героям их свиты Волагда, наверное, теперь всегда придется проверять на прочность и рукописи и литературу, которая пришла на смену той, классической.

И что же выясняется? Горят рукописи, и горят они ясным пламенем у нас сегодня.

Перед вами записки кота Бегемота с житейскими и литературными его размышлениями о том, что творится в современном литературном процессе, там, где сам Коровьем ногу сломит.

О странных и порой страшных реалиях действительности вовсе не литературной, но той, которая станет литература завтра, размышляют Азazelло, Коровьев, иногда в самых тяжелых случаях, когда пора бы снять очки и навести порядок – Абадонна.

А ведь казалось людям добрым и не очень, что хуже уже не будет, но будет, еще как будет, в том можно и не сомневаться

Перед вами не чудные, а печальные и порой страшные моменты литературного процесса, протекающего и в сети в том числе, за которым внимательно следил наш кот и его компания. Мнение их конечно страшно субъективны, но это взгляд со стороны, порой спорный, иногда точный и пронзительный... Читайте и пронзайтесь, в что нам всем еще остается?

СКАЗКИ ГОРОДА СНОВ И ИЛЛЮЗИЙ

Где-то есть город, тихий, как сон,
Пылью тягучей по грудь занесен,
В медленной речке вода, как стекло,
Где-то есть город...

Р.Рождественский

В городе снов я забытые сказки искала,
Долго терялась за серым туманом разлук,
В том переулке надежд не забыла сначала,
Как ускользнула синица из трепетных рук.

В городе снов натыкалась на прелесть иллюзий.
И не искала ответа, и вас не ждала,
Но приходили то звери смешные, то люди.
И улыбались, не знавшие горя и зла.

Пух одуванчиков, словно снежинки ловила,
И растворялась, забыв о заботах чужих.
Как-то загадочно в городе праздничном было.
В тихой печали хотелось полетов иных.

Вот и встречаю тебя в тишине у порога,
И никакая чужая эпоха не светит.
Только в тумане то весело будет, то строго
Песню внезапно споеет нам порывистый ветер.

Грустная песня любви в тишине зазвучала,
Город иллюзий наполнился музыкой вновь.
Только во мраке иллюзий меня обнимала,
Тихая - тихая, звездная - звездная ночь.

Глава 1 ШУТКА КУКЛОВОДА или МЕРТВЫЕ ДУШИ.

Сначала треснуло зеркало в прихожей.

Но я рванулась на улице, потому что опаздывала, и подумала о том, что и в моей квартире может поселиться кто-то из разбитого зеркала.

Как же прочно живет в нас каждая фраза, каждое слово романа века. Недаром ли пугливые, полуживые души так не любят это повествование, оно приводит или в шок, заставляет почти терять рассудок?

Я люблю роман.

Сейчас я спешу на свидание и почти счастлива.

Но можем ли мы знать, кого встретим на пути, что случится с нами к вечеру, через час, да что там, через мгновение?

До места свидание я добралась без происшествий, успела забыть про треснувшее зеркало и даже любимый роман.

№№№№№№№№№№

В большом торговом центре мой спутник останавливается, ласково берет меня за плечи и поворачивает в свою сторону. Он хотел сказать что-то важное, о напомнить чем-то, может быть поцеловать(мечта идиота), но произошло невероятное.

Прямо за его широкой спиной я вижу прекрасное создание в одном купальнице и столбенею. Опасность? Соперница?

Только через минуту становится ясно, что это не моя прекрасна соперница, это манекен, дорогой, хорошо сотворенный, так что сразу и не понять, что это не человек, а кукла.

Думаю о том, что могла переживать, в какие стороны шараться, если бы мы оказались, скажем, среди восковых фигур в знаменитом музее.

Наверное, так и рождаются фильмы ужасов.

Но куклы остаются куклами, а люди все-таки не куклы, на первый взгляд хотя бы. Почему у меня создается впечатление в том самом огромном

торговом зале, что здесь есть манекены неподвижные и двигающиеся в разные стороны.

Все, кто двигается - живые, если к ним прикоснуться, они вероятно, теплые.

И все-таки это впечатление не исчезает.

Мой спутник, философ и по образованию и по отношению к жизни, и потому остается только рассказать ему, о чем я в этот момент думаю.

Просто, наверное, выражение лица у меня какое-то странное, не очень понятно, что меня так волнует. Хочу ли я дорогой подарок, или что-то иное не дает покоя.

Правы мудрые женщины - мужчинам надо объяснять все, что мы хотим сказать, почему они должны догадываться, а то еще бог знает, до чего догадаются.

Мы спускаемся на первый этаж в кафетерий, чтобы поговорить немного. Выслушав меня, он улыбается.

- А ты только сейчас догадалась о том, что половина тут мертвых душ?

Хороший поворот, он издевается или на самом деле это так?

А он не унимается.

- Ну, посмотри на мужчину за тем столиком, думаешь, он жив?

Не знаю, человек поднимается и идет куда-то, вероятно, скорее жив, чем мертв.

- А вот это девица, - не унимается философ, - думаешь, она что-то чувствует, мы все для нее не бесцветные тени? Она не наткнется на тебя, когда пройдет мимо, но в ней с самого начала не было никакой жизни.

Я понимаю, что сейчас он мне расскажет какую-то историю, чтобы доказать собственную правоту, потому что я не особенно ему верю, хотя в глубине души подозреваю, что он прав. Просто озарение какое-то. Хотя в голову это все-таки не укладывается.

- Понимаешь ли, в чем дело, - начинает он, - мы привыкли думать о том, что при рождении, когда младенец делает первый вдох, душа в него вселяется, кто-то говорит, что она появляется еще в утробе матери, когда плод начинает шевелиться, а здесь только просыпается окончательно.

- А это не так?

- Это так, - соглашается он, - интересно то, что происходит потом с душой, которая принадлежала уже дюжине людей до нас и накопила столько всего в своей оболочке, как она приживется на этот раз, как будет развиваться, сможем ли мы ее оживить окончательно, чем наполним, сделаем ли своей или она будет отторгнута.

- И что же происходит?

- Вот и происходит развитие, она должна попасть в это время, в это пространство, она должна комфортно себя здесь чувствовать и развиваться, а не сбежать от нас, как неверная жена, к другому мужчине. Ты думаешь, что такое клиническая смерть, как ни побег души из тела? Если найдется подходящая душа поблизости и успеет вселиться в еще не остывшее тело – человек оживает, если же нет, то увы....

- Не повезло бедняге...

- Недаром, люди, которые возвращаются, не любят рассказывать о пережитом, а если рассказывают – одно и то же, о коридоре, свете, то, что они наверняка до этого читали или слышали от других. А на самом деле ничего они не помнят и не знают, сбежавшая душа вряд ли вернется назад, а совсем другая только пытается прижиться к этому телу, она ничего о нем не ведает, все начинается сначала, вот и молчат, бедолаги.

- Но ты говорил о живых людях, у которых мертвые души, - напомнила я ему, капризно поджав губы.

- Да, конечно, прожил человек половину жизни в тумане, ничего не хотел, ничего не делал, что же ты думаешь, душа еще жива у него? Нет, формально, она может и трепыхается, но это мертвая душа. Ведь люди порой умирают еще задолго до своей физической смерти, им не обязательно для этого лежать в коме и не шевелиться. Он может и шевелиться, но душа - точно мертвая.

- И что же делать? - спросила я, вспомнив все больные вопросы наших революционеров, которых разбудили несчастные декабристы.

Он молчал, разглядывая кого-то, наверное, пытаясь определить, мертвая или живая у него душа.

- Что делать, чтобы душа не умерла раньше срока, и вообще оставить ее в целостности и сохранности – учиться, развиваться, забыть о покое, пусть он только снится, музыку, стихи писать, кино снимать – творить одним словом, - с пылом говорила я.

- Ну, это банально, хотя для начала не мало. Но есть еще одна тайна во всем этом действе. Желательно бы узнать, кому принадлежала душа прежде, совпасть с теми, кто уже владел ею, кто пытался развивать и сохранить то, что он накопил за свою жизнь, ведь без их помощи и без их опыта мы не сможем много сделать и снова все начнем сначала. Если успеем начать, - он таинственно замолчал.

- Узнали, а потом?

- А потом подумать о современном мире, в который мы ее бросаем, вот с поправкой на изменившиеся реалии и развивать ее дальше, все время неустанно, восстанавливать, оживлять, поддерживать тот огонь, которым она питается, конечно, не при помощи вина, азарта, а то и наркотиков. Так ее только и можно умертвить раз и навсегда.

Около нас остановился человек, на диво красивый, странно похожий на Александра Блока в молодости.

Вероятно, это сходство замечали с самого начала многие, и повторяли ему все время о том, что он удивительно похож на поэта.

Но я заметила и другую особенность – он был мертвецки пьян, нет двигался почти не раскачиваясь в стороны, но он до такой степени был выключен из реальности, что если бы другой человек шел к нему навстречу, то он бы не смог свернуть, отстраниться в сторону, и просто бы врезался в него.

- Вот, лучший способ умертвить душу, о наркотиках я не говорю, ее просто выключают, усыпляют, и назад вернуться она едва ли сможет, да мало ли способов, как можно убить душу. Если она и была бессмертной, то с этим давно покончено, еще до нас постарались.

-Куклы и кукловоды, - я снова вспомнила о красивом манекене, который заставил меня до такого додуматься.

- А самое главное, что мы сами и куклы и кукловоды одновременно, каждый в своем мире и кукла и кукловод. Пока душа не умерла, человек может все, но стоит только ее потерять или убить, и он уже остается просто куклой, тогда и появляются другие кукловоды, вот это настоящая беда. Но стоит ли жалеть о том, кто уже успел погубить свою душу, и передает себя в руки другого, прекрасно понимая, что ничего хорошего ему не дадут, а скорее наоборот, отберут даже то, что еще осталось, тот мизер, который у человека еще был, чтобы окончательно швырнуть его в пропасть.

- Тогда бес забирает его душу? – спросила я, вспомнив знаменитый сюжет.

Мой спутник рассмеялся.

- А теперь я открою тебе величайшую тайну, а на кой ему нужна такая душа, несчастная, измотанная, затравленная? Ты веришь, что Мефистофель - это тот старьевщик, который тащит с помойки все к себе в дом и захламляет его изношенными мертвыми душонками? Господин Чичиков хотел за них хотя бы монеты получить, а ему зачем это нужно?

На этот раз я и удивилась и встревожилась по-настоящему. И на самом деле, как глубоко сидят в нас те самые заблуждения, которые кто-то и когда-то внушил нам.

- Тогда почему он возится с ними? – не сдавалась я.

- Догорая, а не ты ли писала о чертях в Пекле, кочегарах и тружениках, которые не видят белого света, в отличие от твоих забавных бездельников сатиров из заповедного леса.

- И что? – невольно вырвалось у меня.

- И то, что когда-то он был наказан, проиграл в кости Велесу – богу всего живого на земле, твоему любимому богу, и с тех пор он должен собирать эти мертвые души и бросать их в топку, чтобы они не возродились больше, чтобы на свет не смели показываться. Заставь Мефистофеля души собирать, он много чего натворить может, творческая личность. Ну, самовольничает, конечно, когда ему кажется, что душа уже никчемная, ее пора сжигать, а человек упрямится, не отдает душу, но это не значит, что она нашему Мефи нужна, просто он так считает, а уж упрямства у него – сама знаешь. Но самое главное, что он редко ошибается, если человеку и удастся защититься, отстоять свою душу, та самая душа очень скоро все равно у него оказывается. Тогда в морозную зиму становится немного теплее – мертвые души – это самое лучшее топливо, да и для чертей передышка, можно перекурить, она ведь горит очень долго, пока все жизни не выгорят, не обратятся в прах. Вот на это только и годится мертвая душа, но хоть какая-то польза.

- Странно, а я все пыталась понять, зачем ему нужны эти души.

- Вот затем и нужны. Но какое же преступление совершает человек, который не может сберечь душу, он уничтожает надежды на возрождение, все то доброе и светлое, что успела душа накопить до того, когда пришлось ей вселиться в это тело и сделаться мертвой.

№№№№№№№№№№

Мы все еще сидели в старом кафе, перед глазами у меня мелькали какие-то люди. Но не они мне были интересны, а мои знакомые, близкие и дальние. Хотелось узнать, понять живые или мертвые у них души?

-Хочешь научиться определять это безошибочно? - спросил мой спутник

Я подумала немного.

- Нет, не хочу, боюсь. Пусть остается надежда на то, что они скорее живы, чем мертвы. Не хочу думать, что они годятся, только для растопки и обогрева космоса.

-Но ты ведь хочешь спросить о тех, кто еще живы?

- Да, скажи, как они живут?

- Они неустанно совершенствуются, стремятся вверх, занимаются наукой, творчеством, и тогда те, кто были до них, они появляются в нужный момент и помогают им, конечно, если род занятий угадан и Сократ может помочь такому человеку, да еще в современной обстановке. Все это почти на грани шизофрении, недаром же гениев объявляют сумасшедшими, именно те, с мертвыми душами, когда лопаются от ярости, зная, что им этого не дано.

- А зависть? – вдруг догадалась я.

- Зависть мертвых к живым – это вечная проблема, - только такая зависть и возможна. Вот мы и подошли к самому главному, если кому - то и в чем-то завидуешь, если это сжирает тебя и не дает покоя, то ты скорее мертв, чем жив, потому что живые не завидуют, у них напрочь отсутствует такое чувство. Только смерть может завидовать жизни, помнишь, какой тьмой наполнена первая и каким светом – вторая. Вот тогда Смерть при помощи зависти и злости и пытается бросить тень на жизнь, мертвая душа на живую, для этого особенно годится сквернословие, пустые стихи по случаю, смерть всегда считает, что рифмованным словом можно сильнее воздействовать на жизнь.

- Но ведь Словом можно убить...

- Да, конечно, можно, только убивает такая душа окончательно себя саму, мертвые слова, исторгнутые из мертвой души, да еще сложенные в стихи причиняют вред только тому, кто их исторг из своей утробы. Поэтическая змея кусает и травит только саму себя – это еще одна тайна творчества, оно не может причинить вреда другим, только творцу, ведь про идею бумеранга тебе не надо рассказывать.

- Все так страшно?

-Все так серьезно, а когда это творчество было игрушкой – это бомба, которая разрывается у нас в руках, если мы нарушаем какие-то негласные заповеди и законы, впрочем, как и везде.

-Пусть они пишат, это лучше, чем пьют водку или издеваются над близкими.

- Лучше? - спросил мой спутник и усмехнулся, - а ты не помнишь случайно, за что Берлиозу голову оторвали, ну отрезали, отрезали, не морщи так носик, но ему легче от этого не стало. Ну не хочешь Берлиоза, тогда вспомни, почему освободили разбойника и казнили того, кто только словами

бросался, и храм веры разрушить собирался, чего это они все так против него настроились, если слова безобидны, и нести можно всякую чушь?

Мне становилось страшно.

Мой кукловод, тот, который во мне, рванулся прочь, кажется, я еще была жива, и могла управлять собой сама. Или только кажется?

Слабым жестом философ предложил мне прогуляться.

Я поднялась, чтобы последовать за ним.

Незнакомец загадочно улыбнулся и растворился в воздухе.

Глава 2 Кошачья соната или Грустный леопард

Кот Макар заснул и увидел во сне какой-то неведомый мир.

Нет, никогда прежде не видел он таких деревьев и таких диковинных зверей. Волшебная страна была прекрасна.

- Куда это я попал? Что будет? - немного запаниковал Макар

И вдруг послышался странный шорох, к нему шагнул огромный пятнистый кот. Каким же он был громадным...каким сильным и красивым, просто жуть или восторг? Это с какой стороны посмотреть, но чудо-чудное, диво-дивное точно.

Макар аж зажмурился от явного восторга и тайной зависти. Пятнистый смотрел на него удивленно и немного иронично...

- Откуда ты, Малыш? – спросил Пятнистый взрослого, солидного кота Макара – издевается, видать..

Макару стало обидно до слез. Так его даже матушка в детстве не называла, а уж потом, никто и никогда не смел бы мяукнуть даже в шутку, что он Малыш, ведь он был довольно крупным, солидным котом, а с годами стал еще весомее, только не в своем странном сне.

- Никакой я не Малыш, - мурлыкнул Макар обиженно, и только потом подумал, что с таким здоровяком не стоит спорить, он его одной лапой раздавит, мокрого места не останется.

- Ну, хорошо, хорошо, не Малыш, не обижайся сильно, только все-таки мелковат ты для взрослого Леопарда.

Так кот и узнал, как называется этот пятнистый зверь. А тот между тем продолжал:

- Ты не обижайся, это я от зависти так рывкнул.

- От зависти? - искреннее удивился кот, - только не говори, что ты мне завидуешь.

- А что скрывать - то, если бы я уродился таким маленьким и шустрым, как хорошо было бы мне прятаться, я бы жил в птичьем дупле на самой вершине вон того дерева (леопард показал лапой в небо), и горя бы не знал.

- А птица бы тебя терпела, и так спокойно свой дом тебе отдала?- удивился Макар

- А на что мне лапы и хвост, вон когти какие, нет, я бы справился с ней, - мечтательно размышлял Леопард.

- Тогда давай меняться, - предложил кот Макар.

- Давай, - согласился Лео.

Макару когда-то говорил кот Баюн о том, что нужно бояться своих желаний, они сбываются. Но кот Макар в своем экзотическом сне сразу забыл об этих наказах, ему так хотелось стать леопардом.

И вот уже громадный, сильный, пятнистый, зашагал он по лесу, и все звери стали оглядываться на него с уважением, никто не рискнул задирать мощного зверя.

Но кот скоро понял, что все льстят ему явно или шарахаются от него в страхе – а это так неприятно, поговорить ему по душам было не с кем. И он заскучал в этом прекрасном и чужом мире, ему захотелось стать маленьким и спрятаться в гнезде какой-нибудь птицы, чтобы никто не видел, как он печален и одинок.

Но что же стало с Леопардом, когда они поменялись телами?

Леопард оказался в каком-то невиданном для него городе

Сначала он опешил оттого, что было вокруг, и все время думал о том, как он такой громадный тут уживется, и сколько он тут проживет, сколько опасностей и тайных и явных поджидает со всех сторон.

Потом понял, что он совсем маленький, и легко может спрятаться в этих строениях – лабиринтах, из которых порой просто не мог выбраться, блудил и скулил потихоньку, прятался в разных местах.

Правда, он познакомился скоро с другими котами, стало немного веселее, и радостнее жить.

Когда он попросил кого-то из приятелей, они проводили его в лес, где все-таки не было этих странных сооружений, машин, и людей было меньше.

Обрадовался наш Лео, только скоро ему стало тоскливо и одиноко, хотя и к своим приятелям-котам, он возвращаться не собирался, нет, ему хотелось вернуться в свой лес, туда, где все было обычно и привычно.

- И зачем только я согласился становиться другим, - тяжело вздохнул Лео и в тот же миг он оказался на берегу озера.

Желания сбываются, и не всегда их надо бояться.

Но ведь этого озера не было в том лесу, куда ему удалось сбежать из города, зато оно было в его родном лесу. Что же с ним снова приключилось?

Леопард взглянул в воду, чтобы убедиться в том, что все это настоящее. Там он увидел пятнистого зверя, хотел сбежать, помня, что он стал маленьким и беззащитным, но что-то заставило его помедлить.

Зверь в упор смотрел на него.

А потом подошли другие леопарды и радостно приветствовали своего вожака.

- Где же ты так долго был? Куда ты пропал так внезапно.

- Сам не ведаю, - признался он, - но мне никогда больше не захочется попасть в тот странный мир, нет ничего лучше и краше нашего леса. Только убеждаешься в этом, когда поживешь маленьким и чужим среди чужих.

Леопард стал спрашивать о том Малом, который сыграл с ним такую злую шутку, где он и как ему живется? Но никто Макара больше не видел, он пропал куда-то, как только появился леопард.

№№№№№№№№№№

А кот Макар пропал в одном месте, зато появился в другом – на балконе того дома, где он всегда и жил.

Он потом долго рассказывал своим знакомым котам, как случилось ему побывать в шкуре леопарда, каким большим и сильным он был в волшебном лесу.

- Да ладно тебе, и ты вернулся, чтобы снова стать котом, - не поверили его приятели.

- Вернулся, - признался он.

- И поменял тот мир на наш суматошный?

- Поменял, - согласился Макар, - потому что самый лучший мир тот, где ты родился, и не нужна мне никакая пятнистая шкура, и громадным я быть не хочу, ничего в этом нет хорошего.

Коты не поверили ему. Ну и пусть не верят, каждый же на своих, а не на чужих ошибках учится. Макар все испытал на своей шкуре, он знал, о чем говорит. Когда ему снова в душную летнюю ночь приснился сон о

неведомом лесе – сны иногда повторяются, кот поскорее постарался проснуться.

Он не хотел становиться львом, тигром, пантерой, леопардом, ему хотелось остаться самым собой и не примерять на себя чужую шкуру.

А что снилось в это время Лео? А кто его знает, но леопард растянулся на ветке и улыбался во сне...

№№№№№№№№

Когда кот Баюн услышал от Макара эту историю, он сочинил свою былинку то ли про кота, с душой леопарда, то ли про леопарда, который был котом, а потом куда-то исчез.

О чем задумался, мой юный леопард?
Тебе приснился берег и пустыня,
А ты в лесу, здесь осень, листопад,
И ежик с медвежонком здесь грустили.

Ты здесь чужой, но что же делать нам?
Чужой среди чужих, как это страшно.
И только лист порхает по волнам
Лесного озера, а где-то там, у башни

Опять царевна Василиса ждет.
Тебя купец привез дитю в подарок,
А ты сбежал, и только дождь идет,
Ты у костра погреешься, пожалуй,

Обсохнешь, снова станет веселей,
И девочки рука тебя ласкает.
Я знаю, очень грустно без зверей,
Но что же делать, раз судьба такая?

О, это одиночество в глуши!
Мой леопард, тебе нужны просторы,
Но ждет она, ты лучше поспеши.
И помирись с ней, и привыкнешь скоро.

Пусть в листопаде скрыться так легко,
Остаться в одиночестве так просто.
Но стоит ли? Пусть дружба - плен оков,
Она ребенок, ты почти что взрослый.

И вот шагнул, пусть листья зашуршат,

Она тебя увидела, так рада.
И ежик веселится, малышам
Быть одинокими в лесу не надо.

Ты во дворце красивый сильный зверь,
Служанки верещат, тебя завидя.
Ты не один, с царевной ты теперь,
Ее никто с тобою не обидит.

А если будет сниться дивный мир,
И звери поспешат к тебе навстречу,
Ты не грусти, что ты расстался с ним,
Везде есть небо, всюду звезды светят.

Глава 3 Общество мертвых Писателей. Рукописи не горят?

Если рукописи не горят, то они бессмертны?

Но среди бессмертных попадают и мертвые рукописи такая вот беда...

(Дневник кота Бегемота)

Писатели собираются в полночь в нехорошей квартире.

На том свете, где они вроде бы жили, литераторы называли себя громко писателями или тихо сочинителями увлекательных историй.

Но это было давно, очень давно. Тогда они были еще живы, или казалось, что живы: двигались, ели, пили, иногда занимались сексом со случайными и не случайными женщинами, а все остальное время писали и писали, свято веря в то, что они прорвутся в мир, их будут читать, ими будут восхищаться. Восторженные толпы не будут давать прохода, а каждый из них станет богатым и знаменитым, да что там просто Пророком, Мессией проснется в один прекрасный день.

Какой-то умник твердил, что прорвутся к своим читателям только единицы, и каждый из них мнил себя той самой единицей, которая обязательно станет Мыслителем и Пророком, Пророком и Философом...

Ни один не стал, хотя тогда они этого знать не могли, потому и умерли еще при жизни, забыв сначала о женщинах, потом о вине, а потом и пище реальной, осталась только пища духовная, но была она скудна и убога, потому и исчахли творцы окончательно.

Но они продолжали делать вид, что живут и что-то сочиняют. Ведь все очень просто, сначала нужно создать текст творения, потом скрепить его мертвой водой (в любой приличной сказке описано, как это делается), потом, а вот потом надо добыть каким-то хитроумным способом живую воду, чтобы вдохнуть в плоть творения, явить миру его энергетику. Оно должно манить, притягивать, зачаровывать, не отпускать от себя читателя, взять в плен раз и навсегда - всего то ничего.

Но на мертвой воде у самых лучших из них все и обрывалось. Ткань повествования дорабатывалась, вычищалась, приводилась в какую-то определенную форму, порой очень приличную форму, с этим не поспоришь, и тогда писатель, подобно древнему Пигмалиону любовался своим почти совершенным творением. Казалось, еще чуть-чуть, одну искру, и вспыхнет костер, который осветит тьму и согреет душу... Но ничего не случилось.

Теперь писатель мечтал только об одном, чтобы оживить это творение, и с ним живым и прекрасным и оставаться, ведь никто и ничто другое в том мире ему и не было нужно.

А вот здесь все рушилось и рассыпалось в прах.

Они спрашивали друг у друга, собравшись вот так же в полночь, что же нужно сделать, чтобы творение ожило и задышало.

Кто-то вспомнил старинный миф (писатели получили классное и классическое образование), они говорили о том, что древний скульптор обратился к самой Афродите, и она оживила творение, в которое он был влюблен, и Галатя шагнула к нему, чтобы остаться с ним навсегда.

- Но где же нам взять богиню любви, если они все давно превратились в Магдалин? Они тоже стали мертвыми.

Это случайное признание и открытие привело в уныние многих, но они не теряли надежду.

Тогда кто-то вспомнил о Бабе Яге, она была вечной ведуньей, жила на границе миров, и уж она –то точно могла им помочь.

Они долго скитались по заповедному лесу, давно превратившемуся в дремучий, ведь никто не следил и не ухаживал за ним, но не нашли там никакой древней старухи, и вернулись в свой мир с пустыми руками.

Какими бы учеными не были наши писатели, но они не могли знать, что Баба Яга была сорокапятилетней красавицей, Царевной лебедью на заповедном озере. Она никогда не была той безобразной старухой, какой рисовали ее злые и коварные люди.

Кто-то из них даже полюбовался ею издалека, но они боялись русалок, не ведая, что те вовсе не в воде, а не деревьях у славян селились.

Еще больше писатели боялись чертей, которые были только зеркальным отражением самого человека, и это черти должны были их испугаться, потому что люди превратили их в чудовищ и пугал, стали обзывать бесами, творцы боялись всех духов, потому что для мертвых поэтов страшен любой живой дух, будь то Леший, Кикимора, Домовой.

И духи сторонились их в те времена. Духам не нужны были мертвяки, они стремились к живым, только с ними и оставались всегда.

Так и пришлось вернуться Писателям с пустыми руками назад. Они смотрели на свои прекрасные, но мертвые творения и понимали, что жизнь прожита зря, что ничего они не смогли сделать в этом мире, и пора было уже покинуть его, забыть о той неудачной попытке жить и творить...

Так и ушли чуть раньше или позднее...

Уже встретившись на том свете, Мертвые писатели узнали друг друга и создали свое общество.

Они мечтали только об одном – оживить свои мертвые творения и вернуть их в тот мир, чтобы труды не пропали даром.

Разве не объяснял им Таинственный профессор, что рукописи не горят... А если они не горят, то их нужно оживить, не могут же бессмертные творения оставаться мертвыми.

Тогда они и узнали о литературных сайтах, и решили прорваться в сеть, понимая, что это последняя возможность оживит своими творения.

- Они станут известны всему миру.

- У каждого творения найдется свой читатель.

- Кто-то запомнит их и оставит навсегда, передаст своим детям и внукам.

На разные лады повторяли эти слова окрыленные писатели, посылая нам в сеть свои творения, замирали в ожидании их оживления и своих читателей. Но мертвым грузом висели произведения в сети, никто никогда не открывал их, словно на каждом стояла черная метка.

Какой-то чудака собрал все творения на одной странице, а сверху подписал: «Общество мертвых писателей»...

Когда писатели увидели это, сначала они обрадовались, им казалось, что это может привлечь к ним внимание. Они помнили старую истину о том, что человек умирает во второй раз, когда о нем забывают, и не хотели снова умереть...

Но читатели и другие писатели обходили стороной эту странную страницу, никто ни разу не открыл творения.

Живые старались держаться подальше от мертвых..

- Они думают, что их творения живые, - усмехнулся самый старый и самый несчастный из мертвых писателей.

- Они живут надеждами на то, что это так, а надежда умирает последней.

В нехорошей комнате на том свете повисло молчание.

- Если бы знать, что так все обернется, - вздохнул седовласый Пигмалион, писавший очень интересные рассказы, они были почти живыми, им не хватало только одной какой-то искорки. И если бы она попала на рукопись, то текст бы ожил, задышал, наполнился светом и энергией.

В это время ветер распахнул прозрачные шторы и начался звездопад.

Но разве могут падать все звезды сразу? Так не бывает ни на этом, ни на том свете?

- Это не звезды, это искры из небесной кузницы Сварога...

- Они сотворят пожар в мире?

- Нет, они упадут на некоторые творения, которые создают живые писатели, и вот тогда и родится то, что задышит, засверкает, обретет бессмертие.

- Почему же этого не случилось ни с кем из нас?

- Потому что писателей слишком много, на всех искр не хватило...

- Но ты знал об этом, почему же не остановил нас.

- А зачем? Если бы вас не было, мы бы никогда не узнали живые творения, не смогли бы отличить одни от других...

Таинственный Профессор был невероятно жесток. Но впервые мертвые писатели узнали, что они были только массовой толпой, только теми неизвестными мертвыми писателями, на фоне которых и должны были засверкать те избранные, живые, вечные, которым досталась искра из небесной кузницы Сварога, потому что они и смогли сварганить свои

произведения, так, что те запылали, задышали, ожили....
№№№№№№№№

Печальный ангел рассказывал эту историю почти знаменитому писателю, у которого было издано уже несколько книг.

Тот оторвался от очередной своей рукописи, прислушался...

-Ты хочешь сказать...

- Позвони любимой женщине, сходи с ней погулять на набережную, такая чудесная погода.

-Ты хочешь сказать.

- Я хочу сказать, что жизнь прекрасна, и она быстро проходит.

- Нет, нет, мне нужно дописать мое творение, ты увидишь, оно будет самым лучшим, оно будет живым.

Он замолчал, взглянул на то, как сорвалась и упала звезда или искра из кузницы Сварога... Почти знаменитый писатель позавидовал каком-то неведомому, далекому счастливчику, который работал не зря.

- Если искры падают, значит, у кого-то появится шедевр, - говорил ангел,- но ночь страсти с любимой женщиной, разве это не прекрасно?

Писатель опомнился, пелена спала с его глаз, чары растаяли, и он потянулся за сотовым телефоном.

Только бы она была дома...

Если не везет в творчестве, то ведь должно повезти в любви, иначе зачем мы пришли в этот прекрасный мир...

Глава 4 ЭПИЛОГ СГОРЕВШЕГО РОМАНА

На камин наплыла громадная тень – глыба мрака.

Арсений помедлил мгновение и швырнул рукопись, а потом диск в огонь.

Охранник, огромный детина и страстный почитатель таланта Алины, поморщился и сжался... Он не мог поверить, что министр (так они между собой называли патрона) на это решится.

Не мог же он так просто уничтожить ее лучший роман, лучший, Арсений в том не сомневался, и его вкусу можно доверять, сколько их гениальных было на его веку.

Значит все напрасно, зря он терпел этого тупого, грубого, жестокого министра, и все ради того, чтобы как-то если не защитить, то предупредить его милую жену, а все романы, которые она писала все эти годы, а он читал, читал первым, потом приобщался весь остальной узкий круг их друзей и знакомых..

То, что именно этот роман сожрет пламя, такое Охранник и представить себе не мог. Ведь они вместе с Алиной были почти у цели, еще один шаг, один миг, и можно праздновать победу.

Диск, этот осел догадался, что нужно сжечь и диск, а он как герой известного романа готов был броситься в камин, чтобы достать, спасти, уберечь...

Но стоял неподвижно.

Да и как можно было ревновать Алину, их Алину к этому юнцу, да еще футболисту, да вратарю.

Нет, вратарь, он конечно, хороший, в футболе охранник разбирался не хуже, чем в литературе. Особенно после того, когда его любимый олигарх купил футбольную команду, пришлось разобраться, чтобы миллиардер не стал миллионером в один миг.

Но Алина просто издевается над ними над обоими и над своим тупым мужем и над литературно одаренным охранником...

Диск корчился в огне, от бумаги (накануне Охранник заботливо распечатал только что законченный роман) осталась гора золы. Сгоревший роман даже не смог согреть огромного холодного зала, в котором оставались эти двое одиноких, брошенных мужчин.

- Она вернется, - прохрипел Охранник, который готов был задушить своего шефа, но что-то его пока удерживало от решительного шага, не уголовный кодекс, плевал он на УК, руки коротки у милиции-полиции.

- Пусть попробует, - подпрыгнул от ярости тот.

- Не попробует, не ждите, - раздался рядом странный голос, хотя никого не было в замке, или кто-то все - таки проник.

Охранник и Арсений посмотрели друг на друга, оба потянулись за оружием, но друг в друга ли они собрались стрелять или в кота Бегемота,

неожиданно оказавшегося с ними (а кто еще мог сюда пробраться, дураков не было), этого нам никогда не узнать.

№№№№№№№№№№

На берегу Иртыша, вдали от людей и машин, там, где когда-то тонул Ермак, а потом задумчиво стоял самый красивый адмирал, стояли двое, высокий парень и стройная дама лет сорока – последнюю дюжину лет не отрывавшаяся от компа и строчившая романы.

Она писала не ради славы или заработка – и в том, и в другом она никогда не нуждалась.

Она писала, чтобы отключиться, вырубиться из реальности, если можно совсем и на всю оставшуюся жизнь. Ее нельзя было назвать праздною бездельницей, как многих подруг ее круга, продавцы дорогих бутиков ждали ее напрасно, местная тусовка понятия не имела, кто она такая, некоторые вообще сомневались в том, что жена Арсения существует в реальности, а те, кто не сомневались, махнули рукой и забыли о ней навсегда.

Она писала свои романы, чтобы вырубиться из жизни, в которую ее бросил отец, задолжавший Арсению огромную сумму и погибший при странных обстоятельствах, и как княгиня Рогнеда, оказавшаяся в руках проклятого князя Владимира, которого она в шутку называла Святым, там и Алина, должна была как-то существовать в предполагаемых обстоятельствах. Своего мужа она тоже называла Святым, а себя Гореславой.

К реальности она возвращалась несколько раз, в первый, когда у мужа появился Охранник, и она заметила, как он тайком читал одну из дюжины рукописей, уверенный, что она ничего никогда не заметит, даже того, что он пришел на службу обнаженным, и из всех вещей на нем только часы.

Это правда, она могла не заметить и этого. Но в тот день, что-то отвлекло ее, и она увидела, как Макс читает рукопись.

- Тебе нравится? - спросила она, - не смей лгать, хвост вырву, рога обломаю.

- Это лучшее из всего, что я читал, - признался он.

- После Колобка, или Курочки Рябы?

- После «Тени ветра» и «Игры ангела»

Алина смогла оценить уровень, тем более, когда он начал цитировать творения дивного испанца, которые и она запомнила почти наизусть...

С тех пор так и повелось, он читал рукописи- то одну, то другую...

Она приобрела единственного реального читателя. Но писала все равно только для того, чтобы подальше уйти от мира и от реальности.

Во второй раз она врубилась в мир, когда Макс притащил пачки книг, уже изданных на бумаге, он как-то уговорил Арсения издать ее романы.

Как ему это удалось, скорее всего, шантажом, или тот проиграл ему крупную сумму. Впрочем, Алину это не интересовало, как все остальное, что вокруг нее в этом замке теней происходило.

Она посмотрела на изданные книги и поняла, что из ее охранника выйдет классный издатель, конечно, если они с ее мужем поменяются местами, на что не стоило надеяться.

И в третий раз она очнулась и врубилась в реальность, когда на темной дороге, возвращаясь из магазина, - раз в год она все-таки туда отправлялась, не голой же ходить по дому, так вот в тот раз она сбила высокого светловолосого парня, который непонятно как там у нее на пути оказался.

Ничего серьезного, несколько царапин, но когда она бросилась к нему, чтобы выяснить, что с ним случилось, не погиб ли он, не ранен?

Она просто вцепилась в него, и не разжала объятий, пока не убедилась, что он цел и невредим.

По праву пострадавшего, парень пригласил ее в кафе, и она не смогла ему отказать, хотя Макс уверял, что это еще парень ей должен, а не она ему..

Они встретились в тот день, когда был дописан только что сторевший роман.. Роман и на самом деле был лучшим, может быть, потому что писался в предчувствии страсти, в преддверии любви... Только похоже, что кроме Макса никто никогда этого не узнает...

Роман просто принесен в жертву реальности, а что еще мог сделать ее муж?

№ № № № № № № №

Охранник яростно набирал ее номер.

- Он сжег и рукопись и диск, Алина, ведь ничего не осталось, -хрипел в трубку Макс.

- Осталась жизнь, - услышал он в ответ.

- Но что мы будем делать?

- Жить...

- Ты совсем ничего не понимаешь, ты меня слышишь, черт тебя побери, идиотка.

- Я счастлива.

- Проклятие, да как же так можно, ты погубила шедевр...

Но на той стороне уже отключились, даже он больше ничего не смог сказать. С фанатами всегда так поступают безголовые писательницы, он не первый и не последний...

Макс подошел к камину, заглянул за решетку, ему хотелось поверить в чудо и убедиться, что рукопись не сгорела.

Чуда не свершилось, или все-таки оно произошло? Нет, он вызовет программистов, говорят, что сейчас можно восстановить даже стертую информацию, Арсений не настолько умен, чтобы затереть все следы. У него все получится, она ему еще спасибо скажет...

Нельзя же быть такой безголовой и счастливой, особенно если у тебя есть дар, рукописи должны гореть, но не сгорать, разве в мире есть что-то более значимое и дорогое, чем литературный шедевр? Для него точно не было, а для нее? Она еще пожалеет обо всем или не пожалеет?

Да что вообще творится с этим миром, раньше они жгли деньги, теперь рукописи? А что ему скажут в небесной канцелярии, ведь он должен был сохранить и эту рукопись, но не смог. За то, что она стала живой и счастливой, вряд ли его по головке погладят.

Охранник почесал рог, взглянул в старинное зеркало, в котором на этот раз не отразился, и исчез.

Как и его Алина, он покинул это пустое место, в котором даже Домового не обнаружилось, ушел навсегда, не получив расчет от шефа. Ничего, рассчитается с ним потом угольками.

Вот вам и эпилог сгоревшего романа...

Остается только эпилог:

На мосту в шальном сиянье лунном

Юноша и женщина, кто б мог

Их соединить? Но так бездумно

Сходятся, и сводятся мосты,

В мире этом все неповторимо.

А роман у этой высоты

Полыхает дерзкий и любимый.

Знаю, если рукопись гореть

Будет долго, то любовь продлится,

И пред нею отступает смерть,

Выхватил прожектор эти лица.

Счастливы, наверное, и все ж,

Пусть шипят завистники в тумане,

Остается только эпилог,

Снова интуиция обманет.

Где-то в суматохе бытия,
Средь друзей и близких в час расплаты
Остается женщина твоя,
Знаю, вы ни в чем не виноваты.
Страсть, любовь, ей оправданья нет,
Это для романа лишь сгодится,
Только тот неугасимый свет
Освещает радостные лица.

То, что мы писали в час потерь
Пусть огонь так яростно терзает.
Тот, кто проживает без страстей,
Эту жизнь, нет, он не понимает.
Осуждает. Что нам этот суд,
Есть иной вот там мы и ответим,
Лишь на миг, на несколько минут,
Нас прожектор ослепит, и ветер

Унесет куда-то в пропасть боль,
И умножит призрачную радость.
В этом мире мы еще с тобой
Поживем, пусть он не станет раем,
Но и ад влюбленным нипочем -
Эпилог сгоревшего романа.
Без любви мир страшно обречен,
Он погибнет поздно или рано...

Глава 5 СОДРУЖЕСТВО МЕРТВЫХ ПОЭТОВ

Разве вы сомневаетесь в том, что люди летают по ночам?
Душа отделяется от тела и уносится куда-то в иные времена и миры.
Выше и дольше всех летают души поэтов, конечно, если они живые.

Сказ о мертвых душах возник не случайно, и не на пустом месте, а уж Николай Васильевич знал, о чем он писал, он видел дальше и больше многих.

Вот и наш современный Чичиков, фамилия которого была впрочем, Оболенский, вот именно Захар Оболенский, скупал по дешевки души. Ну не совсем мертвые, когда он их покупал, души были еще живые, хотя и дышали на ладан, и творил Захар из них литературных рабов. Тех, кто напишет достаточно книг под брендом Донцова, чтобы на те самые деньги издать все, что ему захочется, но прибыли вряд ли получить...

Захар Оболенский был издателем от бога, а может и от Дьявола, но не в этом суть, в его Издательстве среди прочих выходили самые лучшие книги, и работали самые быстрые и самые умелые литературные рабы.

Сам Захар успокаивал себя, говоря, что еще у Дюма были такие ребята, а кто интересно коней и природу дорисовывал его любимому художнику Рубенсу.

Именно Рубенс осветил личность нашего гениального издателя: широта, мощь, красота и оптимизм вселяли и в его душу радость. Захар был уверен, что он станет королем издателей и издателем королей.

И то и другое было сложнее, чем стать художником королей и королем художников для его любимого Живописца, особенно если вспомнить о дикой конкуренции в этом бизнесе.

Со мной будет спорить только тот, кто никогда и близко даже к маленькому издательству не подходил, а у Захара было большое, очень большое.

И никто не сомневается, надеюсь, что он стал и тем и другим.

Главный литературный консультант, угадайте с трех раз, кто это был из нашей любимой свиты Таинственного Профессора – правильно Абадонна – это он питал слабость к классической литературе, и терпеть не мог макулатуры, расправляясь с ней безжалостно.

Так вот, заглянув в ИД (почти Ад) Захара Оболенского, Абадонна был потрясен (оказывается его еще что-то могло потрясти) тем количеством и тем качеством книг, которые там были. Что греха таить, у других - то на тысячу макулатуры выходила одна приличная книга, а у Захара каждая седьмая, такая, что не хочешь - купишь или украдешь.

Абадонна прихватил с собой целый рюкзак для первого знакомства, и знал, что зайдет еще без всякой навязчивой рекламы.

Реальность превзошла все ожидания, и скоро таинственный читатель в черных очках поселился в одной из уютных комнат, где днем работали литературные рабы, а ночью Демон читал вышедшие в свет книги.

Это вам не нехорошая квартира и не библиотека даже, это самая пуповина зарождения и появления на свет книги – место уникальное, таинственное, и правит там Книжный дух, Домовые отдыхают и нервно курят свою махорку.

Вот с одним из таких, особенно влюбленных в Захара Книжных духов и столкнулся однажды Абадонна.

№№№№№№№№№№

Что случилось между духами, сказать трудно, но ничего плохого точно не случилось, уж поверьте.

Только с той поры наш Захар окрылился, и стал он писать стихотворения, очень хорошие стихотворения, в каждом из них была та искра, которая заставляет поэтический текст жить и дышать, чаровать других.

Захар сначала не поверил в то, что такое с ним могло случиться, и ненароком подбрасывал рукописи со стихами то одной, то другой из своих сотрудниц.

А потом слушал, уединившись в кабинете, что они говорят о прочитанном. Захар мог им доверять, потому что нигде не было намека на то, что это его рукописи.

Да за глаза о своем патроне, особенно Поэте, девицы говорят такое. Уж если даже их обожаемый Булгаков поэтов не любил, то, что говорить об остальных...

А все они любили Булгакова, и все им сотворенное, по такому принципу Захар их и набирал.

Одним словом, все единогласно решили, что появился новый гений, пророк, властитель дум.

Эти слухи дошли и до Кота с Фаготом, которые не могли остаться в стороне от такого события.

- Что ты о том думаешь? - спросил Бегемот у Фагота, листая рукопись.

- Думаю, что Абадонна хорошо поработал, а Книжный дух ему помог.

- Да уж знаю, не дурак, но что мы будем делать с отличным издателем, который Пушкиным себя считает?

Бесы переглянулись, и решение приняли тоже единогласно.

Им никто не мог помешать, даже Абадонна, да он в то время глотал один из последних шедевров, творение великолепного испанца, названного: «Игра ангела»

Все газеты и другие СМИ в полдень сообщили о том, что в самом центре города на метромосту, новенький Лексус потерял управление, машине как-то удалось, не задев другие автомобили, перелететь через ограждение и рухнуть в Иртыш на полной скорости.

Этот полет удалось зафиксировать камерам наружного наблюдения, которых там был значительно больше, чем ГАИшников в городе.

Как выяснилось, за рулем машины находился успешный издатель Захар Оболенский, и тело его из машины вытаскивали водолазы...

Но это все суровые будни, а вот душа Поэта тут же поднялась на небеса, постаравшись забыть о том, что только что происходило на земле.

Захар поднимался все выше и выше, ощущая упоение в полете и понимая, что вот сейчас он и напишет свои лучшие строки.

Но пока он просто наслаждался простором, голубым небом и белыми облаками, которые становились все ближе и ближе. Радостно подумал о том, что не нужно до позднего вечера сидеть в кабинете, а можно отправиться на свидание с Ксюшей, его самой талантливой лит.рабыней на которую он положил глаз, да все никак не мог заняться делом. Вернее, делами они оба занимались, а вот тем самым, из-за которых рождаются стихотворения, а то и целые поэмы – не мог, времени катастрофически не хватало.

А ведь теперь его было больше, чем достаточно.

Мертвые Поэты разбрелись каждый в свой домик, увитый плюющим, их там днем с огнем не отыскать, все пытаются бедняги шедевры написать, уверенные, что им на земле просто времени не хватило. И наткнулся Захар на писателей из того самого Общества Мертвых Писателей, с которым мы с вами уже сталкивались.

Писатели приняли его радушно, они помнили и знали, сколько прекрасных книг он издал, и хотя там не было их книг, они просто не совпали по времени, но у каждого была надежда на то, что если бы совпали, то обязательно бы Захар их издал.

Правда, последнее его увлечение Поэзией вызвало у них легкую иронию, переходящую в глубокий сарказм, но они считали, что это так, случайные черты, прихоть, которая не воплотилась даже в книге, а значит, и нет никакого Пророка Захара, а есть издатель Оболенский, который и на небесах продолжит заниматься своим делом, а значит...

Надежды умирают последними, и им скоро пришлось умереть даже в душе самого доверчивого из писателей.

Захар строчил свои стихотворения и поэмы, и на воле, на том свете, они были еще выше, еще краше, еще лучше...

Только запал его быстро закончился, потому что ни его Музы Ксении, ни Вдохновения больше не оставалось. А место его заменила горечь и сожаление, о том, что могло быть, да не случилось.

Да, да Захар думал много и мучительно об эротике, и что греха таить о сексе.

Вот тут и на улице писателей, чьи надежды обманул Захар, наступил праздник, опережая друг друга, они заявили ему о том, что секса здесь нет, и больше никогда не будет.

Он усмехнулся, вспомнив старую передачу и тетку, которая говорила то же самое, но потом приуныл, понимая, что мертвые писатели, скорее всего не врут, его тут действительно нет, он весь остался на земле.

Это оказалось самым страшным открытием для души молодого, но гениального поэта, который только теперь и собирался сотворить все, что было задумано.

Но как это сделать? Если нет страсти, нет вдохновения, что это за любовь такая, которая поднимает все выше и выше, но не дает ощутить настоящего соединения с женщиной.

Нет, может быть, Данте это и нравилось, и приводило в восторг, а Захара привело в уныние...

Видя, как он бродит, ничего не видя и не слыша, натываясь на других, и ни строчки не написал, добрый сказочник МагАлиф не выдержал, зная, что его могут изгнать из сообщества, отлучить мертвые писатели, он все-таки пошел к Захару, кое - как расшевелил его и поведал тайну.

О чем они говорили, кто его знает, только в первый раз за все время Захар улыбнулся, а потом, на закате он и вовсе исчез, словно его и не было.

№№№№№№№№№№

На берегу реки, у полыхавшего костра оставались девушка и юноша, они, не отрываясь, смотрели друг на друга и ничего и никого не замечали...

Одежды медленно сползали с их тел, они были уже обнажены и прекрасны, Захар следивший за каждым движением, любовавшийся каждым изгибом юных тел, чувствовавший их дыхание, слитое в единый поток, наконец, понял и ощутил то, что с ними творилось. Их энергетика слилась с его страстным желанием пережить еще хотя бы раз высшее наслаждение, быть причастным к страсти и нежности, достичь экстаза чувств..

Захар ликовал, его стихотворения останутся живыми, они будут полыхать и не гаснуть, потому что, как и древние славяне, он познал главную тайну мира – живые должны быть вместе с мертвыми, шагнувшими за черту, они не могут и не должны разлучаться, только тогда в мире будет гармония и лад.

Нас нельзя отрезать от них, их нельзя отрезать от нас костер небесный и земной сливаются в один огонь, и он полыхает все выше и выше.

Нас всех умертвил князь Владимир, когда начал крестить огнем и мечом, тогда и появились мертвые души, а живые провели всю жизнь в бесплотной борьбе с мертвыми, и эта битва происходила и на земле и в небесах.

В тот момент и влюбленные, заряженные его силой и энергией, чувствовали особенное вдохновение, благодаря ему, они навсегда останутся вместе, потому что этот мужчина не сможет оставить эту женщину ради любой другой, только она одна, только единственная будет царить в его душе.

И лишь он будет по настоящему счастлив, ведь ему не надо миллион менять по рублю, чтобы всю свою жизнь искать и не находить что-то новое, что-то совершенно особенное, заранее зная, что он этого не отыщет.

№№№№№№№№№№

Абадонна чувствовал свою вину перед любимым издателем, плохой из него получился хранитель, если он позволил коту и Фаготу совершить такое.

И все, что ему оставалось, пробраться в домик поэта и забрать оттуда рукопись дивных стихотворений, а потом издать их – пусть получат несчастные люди этот великий дар живого ПОЭТА, узнавшего величайшую тайну творчества.

На каждой странице этого сборника полыхал огонь, рукопись горела и не сгорала, и пламя ее зажигало любовь и страсть в душах тех, кто прикасался к этому огненному сборнику....

Демон заглянул к Мастеру:

- Мессир, вы по-прежнему будете утверждать, что не любите поэтов? А загляните сюда...

Мастер молча листал Огненную книгу, и слабая тень улыбки освещала его лицо...

- Этот просто познал тайну бессмертия, - услышал Абадонна.

Ну что же, значит и их труды и хлопоты не прошли даром...

Когда угасает эротики трепет,
И песня любви, поднимаясь все выше,
Тебя не задев, мир далекий осветит,
Я больше биения страсти не слышу.
И прелесть уже обнаженного тела,
Волну вдохновения больше не дарит.
Какой становлюсь я открытой и смелой,
Да только унылая дума терзает....

Что больше не будет ночей и объятий,
Что где-то в тумане не встречу другого,
Весь мир перед нами, но в трепете клятвы
На верность друг другу так значимо Слово.
Мы больше уже изменять не посмеем,
Нам эта эротика только приснится,
Поэты, поэты, над пропастью реем,
Вольны, только вольность беспечная птицы

Совсем не прельщает, и где-то кострами
Притянуты снова к земле наши души.
Там двое во мгле, что случается с нами?
Когда мы, запреты шальные нарушив,
В том мареве страсти находим отраду,
И с ними во тьме, повторяя движенья,
Вопим от восторга, и рядом и рады,
Отдаться любви, о бесплотные тени....

Пусть таинство страсти растает к рассвету,
Пусть будет потом одиноко и больно,
К огню и влюбленным стремятся поэты,
И снова на землю вернутся неволью.
И будут чужие так страсти воспеты,
Как прежде, при жизни у них не бывало.
Прости им, пусть выдали наши секреты,
Но, кажется, все начиналось сначала...

И строки дрожали от трепета снова,
Огонь полыхал, и горели творенья,
Лишь в небе узнали земное по-новому,
И там продолжалось в тумане паренье...
Нас дерзко задев, мир далекий осветит,
Биения страсти так ясно я слышу,
Оно умножает эротики трепет,
И песня любви поднимается выше

Глава 6 ОСТОРОЖНО, СКАЗОЧНИЦА! УЧИТЬ И ЛЕЧИТЬ

Над городом нависла небывалая для Сибири жара, закат алел и казался кровавым.

- Из всех пролетариев самыми противными бывают дворники, а из всех писателей - сказочники, - размышлял самый циничный из котов, правильно, кот Бегемот.

Прогуливаясь вместе с Фаготом по набережной и заглядывая туда, в черную бездну, где когда-то тонул атаман Ермак, словно его еще можно было спасти – но не спасли.

Фагот попытался защитить тех самых добрых, милых и очаровательных Сказочниц, на которых незаслуженно напал его невыносимый спутник.

Но в тот самый момент к ним навстречу побежал малыш лет 5, а может и меньше, и Фагот едва успел его на руки подхватить – еще миг и он мог бы перекатиться через невысокое ограждение и полететь прямо с крутого берега Иртыша.

Наши герои оглянулись – кто был с малышом, но к ним уже подлетела дама, худая и длинная, с не лишенным увядающей привлекательности, но таким унылым лицом, что кот невольно зевнул – Не королева.

У него вообще все дамы средних лет делились на королев и не королев.

- Слушайте, мамаша, вы за ребенком смотрите, сколько можно ворон считать, вон сколько опасностей вокруг, - повернулся к ней Фагот.

- Она не мамаша, она сказочница, - зевая во второй раз, заявил Бегемот.

- Чего ты несешь, полосатый, - отмахнулся от него Фагот.

- Так и есть, сказочница, и что в этом плохого, да меня в сборниках печатали, мне премию детскую дали, все дети слушают, раскрыв рты.

- А этот чего бежал? – допытывался Фагот.

- Заслушался, видать, очумел, - вместо дамы пояснил кот.

Он вообще любил вмешиваться и отвечать за других, хлебом не корми, только дай врезаться в чужой разговор.

В глазах у Татьяны, а она звалась Татьяна, как же могло быть по-другому, появились слезы, она потянулась за ребенком.

- Нет, уж , ведите нас к его родителям, мы его спасли и вам отдать на растерзание сказками никак не можем.

- Да что вы понимаете, сказки учат добру, без них нельзя ребенка воспитать.

- А вам в детстве видеть про Красную Шапочку рассказывали, чтобы любой волк испугался и сбежал без оглядки.

Кот становился невыносим, Фаготу было жаль Сказочницу, он знал, до чего может дойти кот со своими шуточками, но он стоял на своем.

Правда, мучиться им пришлось недолго, к ним бросилась бабушка ребенка, судя по всему, и ей дитя и было передано.

- Что ты опять творишь, почему его снова приходится ловить, - обрушилась заслуженная учительница на Сказочницу, - вот привела неладная гувернантку, уходи и не возвращайся больше, а с этими безголовыми родителями я сама разберусь, и попробуй еще явиться. А вам спасибо люди добрые, что бы с дитем без вас было.

Сказочница пошла прочь.

Фагот и кот посмотрели ей вслед, и пошли за нею, ощущая легкие уколы совести и вины перед беднягой.

- Ну и что ты натворил, лишил девицу работы, сказочница все-таки.

Они догнали девицу и усадили ее на лавку.

- Колись, чем так перепугала ребенка, ужастики что ли рассказала,

- Да вы что сказки должны быть добрыми и обязательно чему-то учить хорошему.

- Ну этот Максимка пока только бегать хорошо научился, может хоккеистом или футболистом будет, футбол поднимать надо.

- А может тебе более взрослых детей взять.

- Нет, я малышей люблю, пойду в детский садик работать, с этими избалованными детьми толстосумов каши не сварить.

- Там мы их всех не переловим, - озадаченно говорил кот и чесал лапой за ухом.

Татьяна посмотрела на него и снова готова была разрыдаться или поколотить кота, но увидела, как чешет ухо и как-то смирилась.

Они попрощались , стали спорить, пойдет ли Сказочница в детский сад или не пойдет.

Наша героиня несколько дней занималась важными делами, а потом вспомнила про Сказочницу и заглянула в детский сад, куда она уже в то время пристроилась работать.

Она рассказывала свою очередную сказку, про ежика и медвежонка, которые грибы в лесу искали, и показывала им грибы ядовитые и съедобные.

- Послушай, пригодится, - говорил кот,

- Думаешь, мы можем отправиться грибами? – спросил Фагот.

- Думаю, нам придется травить Сказочницу, иначе ее не задушишь, не убьешь.

Вот и пойми, когда Бегемот шутит, а когда нет.

- Ты полегче на поворотах, она все-таки доброе дело делает, как умеет, конечно.

- Адвокат нашелся, а коту все время то палачом, то прокурором быть остается.

Пока они так препирались, все дети постарались куда-то улизнуть, и напрасно наша Татьяна их пыталась собрать и усадить на место.

Фагот хихикнул, вспомнив, как кот их убеждал, что все они не догонят.

Но перед растерянной воспитательницей сидела девочка с косичками и огромными зеленоватыми глазами.

- Дашенька, тебе ведь было интересно, - ласково произнесла Татьяна

- Не очень, - призналась та и тяжело вздохнула.

- А почему ты так внимательно слушала.

- Меня бабушка учила, что надо слушать, даже если и не нравится, - произнесла девочка, - и мне вас было немного жалко.

Больше она ни о чем не сказала, ни спросить не успела, старые знакомые, лишившие ее престижной работы, снова нарисовались перед Сказочницей.

Дети же стали спорить злая она или просто одинокая и несчастная.

Кот Бегемот тер лапой глаз, что вероятно означало, что он готов разрыдаться.

- Ребятишки бы тебя смогли чему-то научить, только видно бесполезно, - наконец вынес свой суровый приговор он...

- До встречи вечером, - говорил Фагот, намекая на то, что они придут в гости, конечно, Фагот с Бегемотом на пару хуже любого татарина, но у Сказочницы не повернулся язык запретить им это делать, а может быть поняла, что ничего не выйдет, что только хуже будет.

В общем они сидели втроем в саду или огороде, пили чай и мятой, тут уж наша Сказочница была мастерица, ничего не скажешь, и размышляли о том, какими могут быть сказки:

- Да никого и ничему не научишь, а что это за новая мода про добрые сказки.

- Сказки должны быть добрыми и светлыми, не надо детишек пугать, никакого зла.

- Ты нарушаешь закон, а как с вечным правилом, где добро побеждает зло, и что останется, если того не будет?

- Не нужно никакого зла, его и в жизни хватает.

На коленях у Татьяны лежали рукописи, и какие-то книжки самопальные, которые издают за свой счет, а потом кричат о том, что их печатают во всех издательствах страны.

Кот поднес к ним лапы, растопырив когти, и произнес приговор:

- Не горят.

Татьяна с подозрением взглянула на него, и с мольбой повернулась к Фаготу, по сравнению с котом черт был олицетворением самой доброты.

Он расправил ладонь с длинными и тонкими пальцами пианиста и с грустью повторил:

- Не горят.

- Да что вы мне голову морочите, вы меня с ума хотите свести, каждый филолог знает, как надо писать сказки, и что каждая сказка должна чему-то учить маленького ребенка.

- Ну, это мы на деле видели, как у тебя круто получается, только упрямство твое до Пекла доведет.

- Я буду делать то, что должна, и никто мне не указ.

Вдруг из терпеливой, даже старавшейся улыбаться хозяйки Сказочница превратилась в настоящую Горгону, даже змеи, кажется, зашевелились в темных волосах.

Кот и Фагот упали бы замертво, если бы они были смертными, но они и с Абадонной рядом уцелели, какая же сказочница их может испугать?

Непрощенные гости раскланялись учтиво и двинулись прочь.

№№№№№№№№№№

Но беда одна не ходит, а Велес любит троицу, который рыжий парень, какой неотразимый и обаятельный присел на лавочку около палисадника, где сидела наша Сказочница и листала свою книжку. Ту самую, за которую ей дали какую-то премию... Он погладил ее по руке и улыбнулся.

- Не переживай, и чего котов и чертей слушать, а мне нравится, хорошая сказка, поучительная. Только кто тебе сказал, что сказки для детей пишут? Их как раз взрослым надо, хотя они не всегда признаются и под пытками, но сказки читают.

- Я не умею ладить со взрослыми, не получается, мне кажется, что с детьми легче и проще.

- Да кто тебе такую чушь сказал... Сам знаю, моя бабушка была похожа на тебя, и в детстве она меня так терзала сказками, тогда же видео и компов не было, только сказки, так я с ней намучился, что долго еще книжку открыть не мог, а потом открыл и мне понравилось, когда я все понимать начал... Сказки ведь очень сложные, дети не смогут их понять и разобрать.

- Но я люблю детей, и хочу рассказывать им сказки.

- Начни со взрослых, взрослые не так категоричны, они могут сидеть и слушать просто из вежливости, даже, когда не интересно, с детьми такой номер не проходит, они еще не научились лицемерить.

Татьяна отпрянула от непонятно откуда взявшегося третьего за эти сутки гостя.

- Нет, не уговаривай, я пойду к детям, я найду таких детей...

№№№№№№№№№№

Кот и Фагот поджидали Рыжего за углом.

- А я что говорил, это тебе не Марго уговаривать к Воланду на бал отправиться, ничего у нас тут не выйдет, хоть ты тресни.

- Я умываю руки. Включил все свое обаяние, но упрямство ее непобедимо, делайте, что хотите...

Но все закончилось как в сказке, добро победило зло на этом поле битвы за детские души.

Был объявлен конкурс сказок на одном литературном сайте. Он длился долго, так, что сказочница ушла с работы и писала, писала все новые сказки, критиковала в пух и прах всех своих конкурентов, так, что они все разлетелись кто куда, даже спорить с ней не стали, уж если кот Бегемот отступился, то куда остальным, простым смертным.

Татьяна победила в том самом конкурсе, а кто же еще мог победить.

Ей достался какой-то красивый диплом и не один, а несколько. Кот Бегемот выпросил даже для нее диплом за победу в конкурсе зрительских симпатий.

И главная путевка – круиз по Средиземному морю тоже достался ей, а кому же еще – других и не осталось.

Пусть путешествует, нет, нет, корабль назывался не «Титаник», нечего издеваться над Сказочницей, корабль назывался «Адмирал Нахимов»..

Так и закончилась эта поучительная история...

Впрочем, она нас ни чему не научила, потому что мы тоже сочиняем сказки. Правда, перестали рваться детей учить, порой сами не знаем, чему наши сказки собственно должны учить, а может и хорошо, что не знаем, а то кот Бегемот и Фагот всегда на страже, они быстро придут к вам, если что не так пойдет.

Я сама встретила девушку, которая спаслась с того корабля, говорит, что вытащил ее в последний момент кот Бегемот..

А потом она начала писать сказки, хорошие сказки, дети слушают их с удовольствием....

Глава 7 ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ ДОБРОГО ДЯДИ

Незнакомец снова шагнул в книжный магазин «Светлый путь», и на этот раз прошел напрямик в отдел детской книги.

Откуда у него возникла такая любовь к детской литературе, сказать трудно.

Но в этом был свой резон. В мире, где заявляют, что все лучшее должно быть отдано детям, детские книжки должны быть какими?

Правильно, самыми лучшими.

И если где-то нужно искать спасителей гибнущего мира, то именно там, ну не на телевидении же, где только и остается похоронить все доброе и светлое и осиновый кол вбить хорошенько тем самым деятелям мировой культуры, да еще пару раз провернуть.

Нет, детская литература – это последний оплот веры и надежды и любви.

Когда высокий и худой гражданин рядом с ним улыбнулся загадочно, Абадонна не сразу узнал того, кто был категорически с ним не согласен и решил на всем этом мире поставить крест, именуемый концом света.

Вероятно, они должны были играть в одной команде, но из вредности Абадонна решил спасти мир, ну если не в полном смысле спасти, то количества зла немного уменьшить, дать шанс Сказочнице и коту Бегемоту, спасти его.

Самой большой загадкой для Абадонны было то, что на этот раз кот прямо яростно рвался спасти этот мир, то ли в сказочницу влюбился, что для Бегемота было маловероятно, то ли из каких иных соображений, но спасал он его до последнего издыхания.

Так и сказал, что спасать будет до последнего вздоха.

Абадонна ему поверил, хотя старался не верить даже себе самому, а коту вот поверил, и так как никакого более близкого создания в мире для него не было, то он и старался ему помогать по мере сил.

Конечно, кот Бегемот это не прирученный лис, никто никогда даже не пытался его приручить, попробовал бы, но с Абадонной у них были хорошие отношения.

Вроде коту и не надо было бояться того, что этот парень снимет очки, и нечто с ним произойдет, но он все равно немного побаивался.

Так они и подружились, один слегка побаивался, другой немного привязался.

А что, лучшего повода для этого не было.

Абадонне даже нравилось то, что кот настроил его против самого Воланда.

А что мелочиться, и теперь он бывал часто там, где и Мессир, только если тот искал подтверждения своим самым пессимистическим прогнозам, то Абадонна противодействовал и искал оправдания в тех же самых не особенно культурных, хотя и считавшихся очагами культуры местах.

Им повезло, потому что в том самом отделе детской литературы была встреча с самым знаменитым детским писателем того времени.

Богдан Постер широко улыбался, окруженный толстыми и тонкими, маленькими и большими своими книгами и целым классом детишек, которых привела на встречу пышная блондинка учительница.

Дети переминались с ноги на ногу, хихикали, а гений раздавал свои Вредные советы.

И в прямом и переносном смысле раздавал.

Так назывались те самые книжки, которые его окружали, и именно об этом он твердил с приятной улыбкой.

Такое вот несоответствие, улыбка приятная, а советы вредные.

Абадонна замялся.

Ему показалось, что он чего-то не понимал, не слышал и не мог врубиться.

Ну нет, в оригинальности этому парню не откажешь, с чувством юмора у него было все в порядке, но Абадонна сначала напрягся, потом расслабился и все никак не мог понять, какое отношение его творения имеют к детской литературе.

Он даже боялся смотреть в сторону мессира, и тайком думал, что тот куда-то ушел, вдруг его какое-то более крутое зрелище привлекло и тогда он не заметит того, что тут творится.

Но надеяться на это особенно не стоило.

- А может, начнем исполнять его советы? – заговорщицки спросил тот, немного склонившись к Абадонне.

Хотя милый писатель в это время читал и говорил, и махал руками, но он умудрился услышать то, что предложил Мессир и странно побледнел. Ему показалось...

Впрочем, кто его знает, что кажется взрослому человеку, который всю жизнь писал исключительно книжки с вредными советами.

Но где-то сбоку появился экран. И с невидимого компа на него транслировались какие-то сценки, довольно уродливо нарисованные, где появлялось то, о чем он говорил.

Все очень просто, такое не раз было прежде, слова материализуются, и появляется то, о чем ты успел сказать.

Кажется, умный лысый дядька уже догадывался о том, что последует, но еще не до конца в это верил, и напрасно.

Стоило только ему прочитать свое знаменитое и довольно веселое повествование, один из тех самый вредных советов

**Никогда вопросов глупых
Сам себе не задавай,
А не то еще глупее
Ты найдешь на них ответ.
Если глупые вопросы
Появились в голове,
Задавай их сразу взрослым.
Пусть у них трещат мозги.**

Как уродливый человечек на экране схватился за свою кривую голову, словно она собиралась лопнуть, и стал кривиться.

И это полбеда, сколько у нас таких мультиков было. Только и все взрослые вокруг стали хвататься за головы.

Кажется, они заболели у них сразу у всех, включая и учительницу тоже, она кривилась особенно живописно.

Только головы детей и самого писателя остались невредимы.

От его веселия не осталось и следа, напряжение готово было разорвать беднягу на части.

Дети стали поворачиваться к гражданину в очках и другому, у которого кажется, голова не болела.

Им было интересно посмотреть, что же с ними происходит.

- Не надо, я умоляю Мессир, дети вокруг.

Но тот только молча смотрел с высоты своего роста на происходящее вокруг и ничего больше не говорил.

Писатель терялся все больше, и скорее из упрямства, не ведая, что вторит, он прочитал второй свой шедевр, широко известный в то время. И уже даже не смотрел на экран, где все повторялось в точности так, как он и читал.

Вредные советы стали на самом деле вредными, от юмора как-то не оставалось следа. Его не воспринимали, весело, так как было еще недавно. У нас так бывает, когда советы юмористов мы начинаем исполнять точно, с большим рвением, чем наставления начальников и сам уголовный кодекс, с этим всегда труднее

Бейте палками лягушек.

Это очень интересно.

Отрывайте крылья мухам,

Пусть побегают пешком.

Тренируйтесь ежедневно,

И наступит день счастливый -

Вас в какое-нибудь царство

Примут главным палачом.

Дети визжали уже не от восторга, они и прежде не особенно восторгались, а теперь просто какой –то бес в них вселился, и они разбегались, словно спасались или боялись стать теми самими палачами.

Словно опомнившись, за ними бросилась учительница, с ужасом думая о том, что она не сможет собрать в огромном магазине всех детей, и что тогда будет?

Но на этот раз Мессир сменил гнев на милость, при входе детей встретили наши доблестные охранники и всех построив, посадили в автобус, ни один не потерялся.

Учительница рухнула на переднее сидение, когда убедилась, что все они на месте, никто не пропал.

И только кошмар вредных советов все еще звенел у нее в ушах.

- Что это было?- спросила она у водителя автобуса, который ни о чем не имел понятия.

Видя, что он ничего не отвечает, она попросила, чтобы он скорее уехал подальше от проклятого места.

№№№№№№№№

А в опустевшем зале детской литературы – люди поспешили уйти, стоял только бедный писатель, незнакомец в черных очках (он даже догадывался, кто это был), и иностранный профессор.

Писатель растерялся, никак не мог понять, что же ему делать, как быть.

- Почему? – только спросил он обреченно.

- Что почему? - удивился профессор, я просто попытался проиллюстрировать то, что Вы читали милостивый сударь, вашим деткам.

- Но ведь не просто, - прошептал писатель, - вы перевернули все с ног на голову.

Он оставил на столике книжки и медленно пошел по залу мимо каких-то чужих книжек.

- Ты тоже считаешь, что я перегнул палку? - спросил Воланд у Абадонны.

Тот понял, что в тисках оказался он, что бы ни сказал теперь не в том месте оказавшийся Демон, все равно все будет не в его пользу.

Потому он молчал и только разглядывал носки своих башмаков.

Мессир больше ничего не сказал, развернулся и пошел в другую сторону.

- Я часть той силы, - прошептал Демон Смерти...

Он понял, что проиграл, хотя не мог понять почему: один ноль, но не в его пользу.

И это детские писатели, а что будет дальше.

Хотя кто его знает, где найдешь, где потеряешь. Может в той самой попсе герой найдется.

Верилось с трудом, но его любимая литература, да еще детская их не спасала. Первый блин оказался комом.

Вот тебе и вредные советы доброго дядюшки...

Глава 8 ДЕМОН В ШОКЕ, БЛОНДИНКА В ШОКОЛАДЕ СВИТКИ

АБАДОННЫ

- А теперь я тебе покажу их передачи, - заявил Воланд, понимая, что пора бы ему уже показать бесу, пытавшемуся защитить этот мир и его культуру от жестокости его Мессира.

- В Дом два потащишь, папаша, - визжал, передразнивая другого героя бес, - только не к этим уродам, умоляю. Все, что угодно, только не их дом терпимости.

Визг его становился таким сильным, что казалось, он мог и умереть от разрыва сердца, конечно, если бы был человеком, смертным. Притворялся он или кричал на самом деле, сказать трудно. Но Мессир оставался серьезен, как никогда.

- И там мы с тобой побывать успеем, хотя туда тебя лучше с котом отправить, там от вас будет больше пользы, а я не могу на этот кошмар смотреть, это уж слишком даже для меня, профессор все-таки, хотя и иностранный. Снесу все к чертям, не глядя, а возможно пострадают невинные.

- И с Бегемотом не отправляй,- попросил смиренно Абадонна, - они же там нас изнасилуют, ты видел участников этого шоу. Урод на уроде и уродом погоняет.

- Не видел, уволь меня от такого зрелища, хотя и это будет не лучше, и персонажи все те же, только вывеска другая...

Да, дорогие мои, с Мессиром был не Азazelло или Фагот и даже не Бегемот, а невозмутимый Абадонна, вот до чего даже Демона - убийцу может довести наше современное телевидение.

№ № № № № № № № №

Тем временем эти двое зашли в студию, где носились, визжали, пищали какие-то люди.

- Что это такое? - спросил Мессир.

Кажется, на этот раз даже он не знал того, что творится. А ведь ему всегда и все было известно.

- Ксюша в шоколаде снимается, - прокомментировал Абадонна, - он, кажется, первым разобрался в том, что там происходила.

Знаменитая девица, они уже видели ее накануне на Модном приговоре, так вот здесь все крутилось вокруг нее. Ее голые кривоватые ноги на этот раз торчали из ванны, она произносила раскованно и непринужденно такие странные реплики, шутки звучали так двусмысленно и дерзко, были сдобрены такими матерными словами, что поэтическая встреча с вредными советами и на самом деле казалась детскими шалостями рядом с этим творением телевизионщиков.

- И это все будут показывать по всей стране? – спросил Мессир пробежавшего мимо почти голого парня, хотя это могла оказаться и девица, кто там поймет так сразу, даже в голом виде пола уже не различить.

- Прямо сейчас в эфир, народ ждет и требует.

- Ты слышал, чего ждет и требует народ? – спрашивал Мессир. Его узкие губы скривились в странной улыбке.

-Слыхал, звезда в шоке, - задумчиво произнес Абадонна.

Он даже и не подозревал, что произнес случайно название еще одной передачи, которая была, пожалуй, круче этой. И хорошо, что Демон смерти был значительно симпатичнее того, кто целый час там кривлялся перед публикой.

Там цирюльник пел, плясал и показывал всему миру, как и с кем кому жить следует.

Хорошо, что в тот день очередной серии этой передачи не снималось, два таких шедевра сразу сведут с ума не только рядового беса, но и самого Воланда.

Они ушли не оглядываясь.

Была такая примета, что если оглянешься, то снова сюда вернешься, а то и остолбенеешь, и будешь смотреть все время на то, как снимаются такие шоу, и уж тогда бессмертие твое покажется настоящим адом.

- Не верю, - вернувшись в нехорошую квартиру, говорил Абадонна, - я не верю в то, что ванную, блондинку, шоколад они покажут по телевизору. Словно желая подтвердить или опровергнуть его слова, Воланд нажал на пульт. Он попал на тот самый канал, где эти шедевры и шли именно в то самое время.

Часть той самой уникальной передачи, которую они не застали в студии, они посмотрели на голубом экране, но как только пошло то, что они уже видели, Мессир снова нажал на красную кнопку.

- Ну и что ты скажешь об этом? – спросил Воланд.

- Хорошо, что мы там не отразились, такого позора я не пережил бы, как здорово иногда не появляться и не проявляться в кадре, - бормотал Абадонна, кажется, это было единственной радостью того трудового дня.

- Ты не уходи от ответа, ты по-прежнему считаешь, что нам нужно спасти этот мир?

Абадонна молчал.

- Тогда нам придется отправиться на съемки твоей любимой передачи, твой любимый Дом -2 как раз сейчас снимают.

- Не надо, я тебя умоляю, только не Дом -2, - взревел Демон Смерти. - И я там взорву все ко всем чертям. Не доводи до большой беды, туда кота с Фаготом отправим, не хочу в дом терпимости...

- А чего ты боишься, увидеть то, что они там на самом деле делают, или боишься, что случайно можешь оказаться на той самой пленке, где и эти brave самцы и сексуальные гиганты проявляются?

- И того и другого, уроды, они и в Африке уроды, а эти особенные, - изрек Абадонна.

И он так тяжело вздохнул, так жалобно взглянул на мессира, что нечто похожее на жалость шевельнулось в его всегда черствой душе.

Нет, пожалуй, это уж слишком даже для этого парня, но туда можно отправить кота вместе со сказочницей, может они не такие впечатлительные, что-то еще придумают. Алина вообще привыкла ко всему, что им впаривают телевизионщики, у нее уже на этот кошмар иммунитет выработался...А Абадонну надо пожалеть немного, что-то он совсем сдал после их последнего вторжения, а ведь такой brave был парень...

Так волевым решением Мессир избавил Абадонну от Дома -2, туда предстояло отправиться Бегемоту и Алине.

Трудно сказать зачем, что там забыла наша любимая парочка, но обойти вниманием эту народную передачу они никак не могли.

Уж если появилась тут наша компания, то и в Доме этом, который был настоящим кошмаром, длившемся не один год, там тоже следовало побывать. Но не сейчас – не все сразу, немного позднее, пока они искали что-то позитивное, но никак не могли найти, к своему удивлению, хотя чему там было особенно удивляться?

Но позитив должен быть, кто ищет – тот всегда найдет, разве не так, мир не так сильно меняется, чтобы переписывать основные законы бытия.

Когда Мессир оглянулся на Абадонну, тот уже крепко спал и улыбался во сне, наверное, ему снилась какая-то блондинка в шоколаде....

Сны бывают на диво прекрасные в мире, где реальность так ужасна...

Глава 9 ЗВЕЗДОНУТЫЕ СВАХИ ЗАПИСКИ АЗАЗЕЛЛО

Мессир и его свита с завидным упорством пытались найти хоть какую-то передачу на первом канале, которая могла бы стать оправданием для телевизионщиков, чтобы подождать с концом света. Ну, ведь должно быть хоть что-то более менее профессиональное.

К тому времени они прошли все модные и немодные приговоры, все самые справедливые в мире суды, от которых волосы дыбом вставали даже у видевших виды Демонов.

Кажется, они были везде, и после гибели звездного мальчика на передаче «Пусть орут, переживем», когда Мессир не выдержал и все-таки явился не под прикрытием странного профессора, а в своем истинном облики, не устоял, как Семела перед Зевсом, самый звездонутый из телеведущих.

Парень он был начитанный, быстро сообразил, кто перед ним находится, и как когда-то Иван Бездомный, бросился бежать с телевидения, куда глаза глядят. Но спешу успокоить поклонников всенародно любимой передачи, далеко он не убежал, и даже в психушку не попал, в отличие от другого Звездунова. Наоборот, скоро его туда послали брать интервью у Филипика, с чем он прекрасно и справился, потому что как мы видели, и сам недалеко от него ушел.

Но пусть они сами с собой разбираются, а мы тем временем отправимся вместе с Мессиром и Азazelло – на этот раз свободным оказался он, а Абадонна куда-то улизнул. Демон Смерти все боялся оказаться ненароком в публичном Доме -2, потому что еще не разобрался и не понял, что тот находится не на первом, а совсем на другом канале.

Мессир не стал ему этого объяснять, решил недолго подержать в страхе и в черном теле. Не найдя Абадонну днем с огнем, Воланд и захватил с собой

Аззелло, который кажется, вообще ничего не боялся, или как истинный восточный бес хорошо скрывал свои настоящие чувства. Он был в меру весел и чертовски обаятелен в тот странный день. Не потому ли их пригласили шустрые тетки на передачу, а наши герои даже не удосужились спросить, что за передача, что им там делать придется. Вдруг эта врачиха, которой черт не брат, какое обрезание на них показывать начнет? Но врачихи поблизости не оказалось, вышла толстая тетка в лосинах и объявила о том, что она будет избавлять их от одиночества.

Мессир и Аззелло переглянулись. Фраза, брошенная Маргарите о том, что с ним хотели бы провести ночь все женщины в мире, но этого не будет, могла бы стать эпитафией для той самой передачи. Абадонна бы сбежал, как только попал туда. Уж жениться ему вовсе не хотелось, Аззелло ничего – сидел, то ли надеялся на то, что его не выберут, или наоборот решил, наконец, жениться, кто его знает. Но вместо него жениться пришел дед в валенках. Судя по всему, он был постарше наших героев. Попал явно не на ту передачу, но вида не подавал, крепился, даже хихикал, наверное, молодость вспомнил. Зато Аззелло не мог сидеть на месте и смотреть на это безобразие. Он решил спасти деда от цепей и пут брака. Вот и рванулся туда.

- Оставьте старика в покое, какой жениться, ему о душе пора подумать. Старичок взглянул на Рыжего и стал креститься, он понял, что это сама смерть за ним пожаловала. Какая незадача, прямо на эфир явилась. С Фаустами всегда так бывает.

Василиса что-то лепетала о неблагоприятно для них для всех сложившихся звездах. Сваха вспомнила про собственную потасовку с молодым мужем, и поняла, что там были только цветочки, а ягодки будут тут. И только Лариса Огудалова рванулась с Рыжему, наверное, Маргаритой себя почувствовала. Решила выпросить приглашение на бал. Все равно, какой, лишь бы дали. А там и подружку послать можно, пусть развлечется.

Только Аззелло, озабоченный судьбой деда, не видел в ней никакой Маргариты, ну разве что Пиковую Даму разглядел, чтобы как-то отвлечь ее, стал требовать назвать те самые три карты....

Наверное, решил отправиться да и выиграть миллион, как только старика спасет. Врубившись, за кого ее принимает этот рыжий наглец, наша бедная бесприданница, лишенная еще и иллюзий о собственной неотразимости и всенародной любви, наконец, лишилась чувств, а так как удержать ее Аззелло не мог, даже если бы и захотел, а он не сильно и рвался, то рухнула она прямо на ковер.

Зрители, собравшиеся в зале, чтобы заработать на кружку кофе и бутерброд, взвизгнули еще до того, когда поступила команда, а потом почему-то захлопали. Мессирю ничего не оставалось, как только схватить своего помощника да и тащить его из этой студии, пока туда милиция - полиция не пожаловала. А то ведь потом снова придется просить о помощи Аффрания, а изучать жизнь и быт временно задержанных Воланду вовсе не хотелось.

- Подожди, - верещал Аззелло, - надо деда с собой прихватить, а то они его снова женят, когда очухаются.

- Сегодня не женят, - заверил Мессир.

- Это еще почему?

После такого потрясения Рыжий соображал особенно плохо, мысли его разбегались в разные стороны, и никак не могли вернуться в узкую черепушку. И тогда слабым манием руки Мессир показал на трех убегавших теток, они обгоняли друг друга, словно бы решили марафон пробежать.

- Это невесты, - догадался восточный бес, - а чего они так бегут?

Ему стало немного обидно за своего старичка, с которым он уже почти сроднился.

- Ну, ты его как бы уколошил, а каждая теперь думает, что именно ей и хоронить придется. И что еще до встречи выпала разлука.

Аззелло остановился.

- Не понял, как бы или уколошил?

- А Бегемот его знает, - махнул красивой рукой Воланд.

Видя, что его спутник решил повернуть назад, он подхватил его и поволок к выходу...Какие заботливые и сентиментальные бесы пошли, надо будет

Мефистофеля срочно вызывать, с этими кашки не сварить. Ночью Рыжему снились Пиковая Дама и Старичок, оба они тянули к нему руки и уверяли, что хоронить их будет он сам, больше некому.

- Надо бы с ними осторожнее, мы все время забываем, что они смертные. А так только похоронами и придется заниматься...

Мессир так и не пустил его на телевидение, чтобы посмотреть, чем там все закончилось.

И только когда на следующий день Пиковая Дама уже в широкой юбке объявила о том, что они снова будут лишаться девственности, вернее одиночества, Аззелло уже в мягком кресле перед телевизором облегченно вздохнул...

Какая-то молодая девица кричала о том, что она очень хочет выйти замуж и исключительно за иностранного профессора.

Аззелло взглянул на Мессира:

- Вот на какую передачу нам надо было идти.

Но тот так на него взглянул, что бес присмирел, как-то сдулся и все никак не мог понять лишили ли эти трое девицу одиночества или так и не нашли ей иностранного профессора...

Они конечно, на дороге не валяются, но чем Фагот не шутит, вдруг мечта девицы сбудется.

Только все-таки надо бояться своих желаний, они порой так сбываются, что потом не будешь знать куда бежать и кому что сказать.

Наверное, девица услышала его мысли, она выбрала молодого программиста и кажется, была счастлива...

И только три свахи казались немного пришибленными, и все озирались по сторонам...

И правильно делали, там могли оказаться Фагот с Бегемотом, а те им такой праздник устроят, что мало не покажется.

Глава 10 МОДНЫЙ ПРИГОВОР

Мессир вместе с Абадонной отправились на этот раз на телевидение. После того, когда стало понятно, что детская литература с ее вредными советами мира не спасет, они решили попытать своего счастья на телевидении.

Мы с вами помним, как печально в прошлый раз все закончилось там для звездного мальчика, когда в разгар эфира он увидел иностранного профессора, но на этот раз оба они обошли такие странные шоу, где все орут, топают ногами и никто никого не слышит – стороной.

Дело все-таки серьезное, мир спасти надо.

- Хорошо, - уже в телестудии согласился профессор, - передачу ты выбираешь сам.

Абадонна заволновался. Он не мог понять, все ли передачи там такие, что какую бы он не выбрал, все равно проиграет, или есть еще какая-то хитрость. Но волнение его нарастало, когда они увидели список тех самых передач.

- Господи, - простонал Абадонна, - ведь я же им хочу помочь, но как можно помочь, если они сами с собой такое творят. Мессир торопил, и на самом деле глупо было тут стоять, уже охранники стали оглядываться на них.

- Хорошо, модный приговор, - выпалил Абадонна, - и они безошибочно отправились в ту самую студию.

Что это такое, Абадонна представлял себе смутно. Он решил, что это один из судов, которые над ними совершаются на каждом канале. Вряд ли там что-то новое могло быть, возможно, это им как-то поможет уберечь мир. Он давно убедился, что в нашей столице никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Но с самого начала бес понял, что он ошибся. Там если и был суд, то какой-то странный

Действо было списано из классического их романа, где они переодевали дам в новые наряды.

- Удивительно, - заявил он, - неужели они просто решили в жизнь воплотить то, что там происходило?

Мессир молча улыбнулся.

На его месте в новом варьете сидел модный модельер в кричащем наряде, и легко непринужденно критиковал наряды тех несчастных дам, которые решили за чужой счет переодеться да еще по сцене пробежаться и на ТВ засветиться.

Ему помогали две девицы, одна из которых была липовым адвокатом, а вторую можно было в прокуратуру отправить без всякого. Вот так все и разворачивалось, приглашенная на казнь за их деньги выбрала какой-то отвратительный прикид, и снова все кому не лень отыгрались на ней.

- Но в чем состоят тенденции их моды, - наклонился к Абадонне Мессир. Шутил он или говорил серьезно, кто его знает, скорее иронизировал.

- Беги и покупай, покупай, всего побольше и подороже, - выпалил Абадонна, - ничего другого придумать он не смог.

- Люблю тебя за то, что ты не хитришь, не выкручиваешься, - похвалил его Мессир.

Они вскоре выяснили, что переодевали на этот раз какую-то модную балерину – откуда им было знать, кто там был у них модной балериной теперь.

И эта дева, после того, как с ней поработали дизайнеры, выглядела просто ужасно.

Сама она тоже не скрывала разочарования и что-то лепетала про то, что в таком наряде ей лучше отправиться утром на ферму.

- И что теперь? – спросил удивленно Мессир.

Но Абадонна не успел ответить. Обаятельный ведущий, немного обиженный из-за того, что не оценили их труд ни подсудимая, ни зал, объявил о голосовании.

Здесь было все еще хуже, чем в классическом варианте. Если сам Мессир тогда подарил девицам все наряды, и растаяли они только на улицы – ну шутка такая у мессира была, то зал, вероятно по знаку самого ведущего дружно проголосовал за последний комплект дорогого и ужасного наряда, который и достался в награду за все унижения и издевательства несчастной модной балерине.

Надо было видеть ту вымученную улыбку, с которой уходила счастливая девица назад.

Одно было понятно, те наряды не исчезнут. Они останутся теперь с ней навсегда. И уж этот час позора тоже.

- И что это за передачу ты выбрал? – встал и направился к выходу Мессир?

Ты считаешь, что это для них оправдание, ради этого шоу нам стоит спасти этот мир.

Абадонна молчал.

А что тут скажешь. Мимо них пронеслась та самая несчастная балерина, которая так и не сняла комплект того чудовищного одеяния, в которое ее обрядили, похоже было на то, что оно и на самом деле приросло к ней, как бы глупо это не звучало.

Ее лица было покрыто красными пятнами, она готова была лопнуть от злости. Модельер и ведущий говорил о дурном вкусе, о том, что не понимают и не ценят их тонкого искусства.

И только наши герои забыв о таком позорище думали о том, какие еще культурные мероприятия посетить, и где найти то единственное и неповторимое действо, ради которого стоило бы сохранить этот странный мир, летящий в пропасть.

Но пока они ничего такого не находили, сколько не искали.

Глава 11 СМЕРТЬ В ЭФИРЕ ЛЕТОПИСИ КОРОВЬЕВА

Фагот, Абадонна и Бегемот смотрели книгу судеб. У них была на этот раз нелегкая задача. Они должны были найти того единственного шоумена, который отведет беду от других, но сам собой и пожертвует.

Спор разгорелся не шуточный. И хотя логично было выбрать самого скандального, всем надоевшего, и того, кому смерти желают все, раз уж так вопрос стоит, как в фэйс-контроле у кота было, но этого они делать не собирались.

Убить такого, конечно, можно, только толку от этого кот наплакал. А развлекаться просто так у них времени не оставалось.

Хотя кот настаивал, что прихватить надо и черненького, а не только белого и пушистого, но Фагот был против, и не только из вредности. Он не хотел марать руки и тратить сил Спор прекратил Абадонна, как всегда он это умел делать, резко, без лишних слов:

- Роман,- задумчиво произнес он, - ткнув острым ногтем в список тех, кто должен был умереть молодым, чуть раньше или позднее.

- Но ему еще год жить, - возмутился кот, который этого парня особенно любил, потому что тот был очень похож на него самого.

- Год – это даже по человеческим меркам раз плюнуть, - заявил Фагот, - тут уж он просто решил все говорить наперекор.

- Я в этом не участвую, - отрезал кот.

Сразу видно невооруженным глазом, что уговаривать его было бесполезно, только время зря терять. Они отправились на поиски того, кто должен был умереть в прямом эфире вдвоем. И не то, чтобы эта парочка не справилась с делом без кота, но все-таки с ним всегда было веселее, спокойнее для того, кого они приговорили. Но не стоит их обвинять ни в чем. Все прекрасно понимают, что если чему-то не суждено случиться, то никакой Фагот и даже Абадонна на это никогда не пойдут, а если и пойдут, то Белбог или Чернобог их все равно остановят. А если не остановили, то нечего на бесов пенять. Да мы и не пеняли, собственно. Только на этот раз все было вовсе не так просто. В этой панике и суете, конечно, могли пострадать и невинные. Человек, который

оказался свидетелем происшествия тоже мог погибнуть, но не потому что наши парни его за компанию прибьют, им это без надобности, а просто потому что сердце его или рассудок может такого не выдержать, вот он и шагнет за черту реальности.

№№№№№№№№№№

Шоумен был спокоен, весел и в меру развязан, как обычно.

- Если этот лучший, то какие же худшие, - услышал не только Абадонна, но и сам герой голос рядом.

Но он решил, что это ему мерещиться.

От упорного труда, которому нет конца и края, такое порой случается. В студию вошел его очередной собеседник, и Роман приветливо улыбнулся. С ним любили беседовать многие, а почему бы и нет, он был хорош, он был чертовски хорош и приятен.

Какая-то шутка, какая-то улыбка.

Вечер обещал быть неуютительным и таким лунным.

На самом деле зазвучала «Лунная соната».

Его помощница взглянула на шоумена, но он только плечами пожал. Кажется, она врубилась сама собой. Что-то он уже по этому поводу слышал, что в какой-то момент начинает звучать эта самая соната. Конечно, от поэтессы, которая была у них в прошлый раз. Дева эта жутко талантливая, - у Романа на талант всегда был нюх. Так вот она говорила, что музыка начинает звучать, как сигнал, чтобы она записывала, хватала ручку, бумагу, писала стихи. И всегда эти тексты были безупречны, готовы от первого до последнего слова.

- Я пишу, не врубаясь, - говорила Арина, - а потом, когда читаю, не могу поверить, что только что это написала я сама.

Все это промелькнуло в голове шоумена в один миг. Как только он, и его помощница услышали эту странную музыку. Но гость говорил что-то, шоумен продолжал улыбаться, и вроде бы все было как обычно.

Только вместе с музыкой в студии стали мелькать и тени. Это уже точно обман зрения. Он зажмурился, врубил в эфир какую – то музыку. И гость, и помощница решили, что все это было специально продуманный ход, и в тот самый момент он рванулся к окну.

Сначала, как гениальному поэту, ему странно не хватало воздуха.

- Он умер, потому что ему не хватило воздуха, - увлеченно рассказывала все та же поэтесса.

- Это пройдет, - говорил Роман очень тихо, понимая, что ничего этого не пройдет, что все останется.

И в тот момент он и увидел Абадонну.

Ну кто вам сказал, что человек среднего роста и красивой фигурой и в идеально сидевшем костюме (Глупая песенка: главное, чтобы костюмчик сидел, - была оттуда же)

Но это был Абадонна.

- Прости, друг, - услышал он голос, который мог уложить в постель любую девушку, а половина парней в мире могли только мечтать о таком голосе.

- Прости, ты лучший из художников (какой странный стиль), - потому тебе пора уходить. Это не моя вина, не мы решаем, мы только курьеры оттуда. Он так странно сказал: мы только курьеры, что сам шоумен содрогнулся. Он любил шутки, и на самом деле умел лучше всех шутить, но на этот раз, ему было не до смеха, хотя по привычке он пытался улыбаться. Приподнятые очки на лице, которое невозможно запомнить, уникально-сексопильный голос – это все, что осталось у него в памяти. Но не было страшно в такой момент, и за это шоумен должен быть благодарен этому странному парню.

Он боялся того пограничного состояния, а все прошло так красиво.
№№№№№№№№№№

Кто-то кричал, сирена «Скорой помощи» доносилась с того света, именно с того, потому что для Романа уже все решилось.

Они пытались его вернуть. Но они не видели Абадонну, не слышали его голоса, не понимали, что это не реально.

Ну что же, последнее его шоу оказалось классным, ничего не скажешь. Завтра в газетах, и остальных средствах массовой информации появятся сообщения о смерти в эфире, оно всколыхнет всех. Конечно, если не произойдет какого - то крушения поезда и чего-то еще более шумного. И в этот день все будут думать, и говорить о нем

- Полдня, - услышал он тот же чарующий голос, - потому что потом и на самом деле произойдет крушение поезда, а может и не одного поезда, а целого мира

- У нас такое было, переживем, - весело говорил Роман.

- А это как Сказочница сможет сотворить.

-Сказочница? - спросил он у своего незримого собеседника.

- Сказочница, да ты ее знаешь, накануне у вас была такая милая беседа в эфире.

- Не может быть, - удивленно отвечал шоумен.

- Все может быть, ничего невозможного нет.

- Ничего невозможного нет, все может быть, - повторял он

Чувство полета в бесконечном пространстве, самое удивительное чувство – за это можно все отдать.

Но испытывает его любой из нас только один раз в первый и в последний.

Глава 12 КАТАСТРОФА НАЧАЛО КОНЦА МЕМУАРЫ БЕГЕМОТА

Кот Бегемот на время оставил Сказочницу и Ангела и вместе с Афранием оказался на Ленинградском вокзале.

-Мы куда-то едем? – задал вопрос начальник тайной полиции. Кажется, он этого и на самом деле не ведал.

- Пока мы их провожаем.

Кот незаметно вытащил билет у одного из пассажиров, и засунул его в карман плаща Афрания, потом туда же попали еще несколько билетов. Он всегда вел себя странно, но на этот раз необъяснимо.

Вокзал, украденные билеты.

- Ты хочешь прокатиться по этим билетам? Тогда и паспорта их надо воровать, - Афраний многое успел узнать из порядков, существующих в этом мире.

Кот молчал.

- Но даже с их паспортами нам это вряд ли удастся, - размышлял Афраний.

- Я в Книгу Судеб заглянул, когда ее Фагот с Азазелло читали. Главного изменить мы, конечно, не сможем, но кое-что сделать не мешает. Потом это назовут счастливым случаем, но я тебе показываю, как такие случайности счастливые и не очень происходят.

Афраний стал о чем - то догадываться. Когда объявили о посадке на Невский экспресс, - самый большой и самый быстрый, он спросил:

- Не хочешь ли ты сказать?

-Все сказано уже за меня, а мы с тобой только курьеры, - как говорит Фагот, - и не обижайся, на то, что нам достались на этот раз лишь эпизодические роли.

Люди ринулись в поезд, ну кроме тех, о которых позаботился Бегемот. Эти солидные и очень симпатичные мужи и дамы (у Бегемота всегда был хороший вкус и острый нюх) обнаружили в последний момент, что билеты они потеряли, их нет.

Паника, ярость, растерянность, - каких только чувств не бывало в их душах, они начали рыться в своих сумках, в книжках, в тех местах, куда положить билеты просто не могли.

Потом побежали к кассам, чтобы что-то выяснить, потому что они не могли не уехать сейчас и на этом поезде.

Но ничего там узнать не удалось, вернее, время ушло безжалостно, мелькнул только последний вагон.

А рядом был черный кот, на которого они и списали то, что впервые за много лет умудрились потерять билеты, да так, что документы остались на месте, а ведь у большинства именно в документы они и были вложены.

Что оставалось делать, плюнуть на все, и искать более – менее подходящий поезд, хотя это не так просто.

Народу у касс оказалось больше, чем обычно. Многие из них едва скрывали ярость. Длилось это до той самой поры, пока не сообщили о крушении поезда, о взрыве, о трагедии.

- Не может быть, - первые, что повторил каждый из тех, кто совсем недавно потерял эти заветные билеты.

- Этого не может быть, - на разные лады повторяли счастливики. Но ни кот Бегемот, напрасно оклеветанный, ни благородный Афраний слышать этого уже никак не могли.

№№№№№№№№

В то время, когда спасенные котом радовались и ставили свечи за здоровье богу, который к их спасению точно не имел никакого отношения. В то самое время наши герои перенеслись к тому месту на полотне среди болот, где и прогремел этот жуткий взрыв одно мгновение назад. Полетели куда-то покореженные вагоны поезда, того самого распрекрасного, и странный шум озарил тишину болот. Место было таким глухим и жутким, что даже кот передернулся, а что говорить о людях.

- Этого нельзя было избежать? – пытал его Афраний.

- А мы что боги что ли? Наши боги спят где-то в этих самых болотах, а те, в которых они поверили по приказу своего безумного князя, какое им дело до этих людей.

- И что будет для них.

- Для них – конец света, а для остальных начало конца света, но если наша Сказочница подсуется и все сделает правильно, то это только и останется, масштабы, конечно, не те, но для этих бедняг вполне реальный ад. Кот ухмыльнулся, вспомнив, как проклинали его те, у которых он незаметно стащил билеты.

- Для дюжины я стану ангелом спасителем, ты билеты не потеряй, потом мы навестим их и подарим те самые счастливые билеты, они ведь и на самом деле для них счастливые, в этом аду они так и не смогут побывать. Но Афраний уже не слушал кота, он бросился туда, где стонали и странно двигались эти люди.

Многие смогли выбраться из поезда, кто-то кричал до хрипоты в тех вагонах.

Он яростно взялся за дело.

И его сила воли заставила каких-то людей подчиниться ему и тоже действовать. Они шли туда, в перевернутые вагоны, и пытались что-то сделать голыми руками. Кот свистнул духов в лесу, и те присоединились к ним. Наверное, это был первый раз, когда духи леса пришли на помощь попавшим в беду людям, до сих пор они только взирали издали на происходящее. Но ведь до сих пор никто их не звал, не нуждался в них, а тут они почувствовали себя нужными людям.

Странное и забытое это было чувство. И в разных местах вспыхнули костры, стало немного теплее, хотя люди были изранены, кто-то погиб, и их души металась между живыми, не понимая, что происходит, почему поезд стоит. А они так и не могут попасть в Питер.

Да кто и как мог это объяснить. В небе появились какие-то вертолеты. Откуда-то мчались машины, хотя сколько времени прошло с той поры, никто не ведал. Афраний исчез на рассвете. Но к этому времени уже подоспели из разных мест спасатели. Они всегда приходили на помощь, но почему-то всегда невероятно поздно.

- Теперь и без нас обойдутся, - произнес он, как только наткнулся на кота.

- Да, нам надо спешить. Тем более, что есть еще возможность что-то сделать для того, чтобы более жуткой катастрофы не случилось. Эти двое исчезли так же внезапно.

Многие из людей, когда их спрашивали на рассвете, говорили о том, что был какой-то военный человек, успевший спасти многих, и был черный кот. Но те, кто их спасали, разве же могли им поверить, в таком кошмаре и не такое померещиться может.

Да и откуда среди этих жутких болот найдутся люди и коты – этого просто не может быть, потому что не может быть никогда. И только ужас метался над болотами в этой пустоте и печали

Глава 13 МАРГАРИТА ВОСКРЕСЛА. ОБРАТНАЯ СТОРОНА МИФА

(роман века – один из вариантов)

1

О рае говорили на земле,
И ангелы срываются с небес
И падают, а тут костер горел,
И был прекрасен первозданный лес.
И мир людей так странно одинок,
Что больше не нашлось иных созданий.
Но все горит. Как ал уже восток,
И мчатся кони черные с заданьем

Спасти роман и Мастера сберечь,
И бал устроить, чтобы Маргарита
Смогла стать королевой, эту речь
Сам Люцифер твердил во тьме сердито.
Хранитель света, нет, не Сатана,
Он просто уходил куда-то снова.
И там была повержена страна,
И больше нет хранителя иного.

2.

В печали бытия теплилась жизнь,
И вот тогда на Патриарших снова
Костры, давно забытые, зажглись,
И мир был и отчаян и взволнован.
О чем-то споря, сам не знал о чем,
Поэт и критик видят иностранца.
И меч судьбы над ними занесен,
И больше не спастись, не разобраться.

Когда в тумане появился кот,
Такой ужасный и такой настырный,
То мир устал в пыли пустых хлопот,
И Мастер этот мир уже покинул.
Он сжег роман, чтобы не было следа,
Он навсегда расстался с Маргаритой.
А что осталась – мертвая звезда,
Когда уже другие все забыты.

3.

Пилат молчал во мраке тех эпох,
К которым нам уже не дотянуться,
Но кто же тот отчаянный пророк,
И почему он в этот миг вернулся?
В психушке снова будет суета,
Там видели профессора, я знаю.
Тот, кто стоял когда-то у креста
Мир в страшный час сегодня посещает.

Он ищет королеву в этот миг,
И будет бал, когда пылает небо.
Вот Азazelло в тишине возник
И Маргарита. Зрелища и хлеба
Хотели оба. Похороны там,
Без головы хоронят Берлиоза.
И только кот крадется по пятам,
Он знает все, он видел эти грезы.

4.

Что было тут – лишь духота и плен,
И суета, в которой исчезала
И суть полета, и печаль поэм,
Останется лишь нагота и жалость.
А люди глухи как всегда, и те,
Кто был умен и ловок, отличились...
И мир, давно распятый на кресте,
Уже им не являет больше милость.

Наказаны лишённые ума,
Бал Сатаны – сегодня как отравка,
И только там, где снова кутерьма,
Останется и пустота и слава.

Распят и проклят тот, кто был силен,
А тот, кто слаб, еще слабей казался.
И только там, в сцеплении времен,
Томился при луне Пилат безжалостно.

5.

Нет времени, пространству нет конца,
И лишь во тьме есть лунная дорожка.
Палач там встретит своего творца,
Замешавшись, они пройдут немножко,
Договорят и скроются от нас.
И нам уже неведомые речи
Усталый Мастер как - то передаст,
И рукопись прочтет при новой встрече.

Великий канцлер, инквизитор вновь
Над той толпой поверженной восстанет,
На Патриарших нынче снова ночь,
И там Иуду и его помянут.
Но будет Бал и выход Сатаны,
И голова забытая на блюде,
Мы это пережить с тобой должны,
И сразу видно как ничтожны люди.
6.

Теория другая, мир так слаб,
Он снова поддается искушенью.
И рукопись опять вернет назад,
И ведьма станет верною мишенью.
Она не хочет возвращаться вновь
Туда, где все и пусто и уныло.
И над Москвой опять царила ночь,
И целый век еще она царила.

А всадники несутся в эту даль,
И все в том свете вновь преобразились.
Кого - то нет, чего-то очень жаль,
И в мире снов они отобразились.
То Зазеркалье нынче не мираж -
Реальность наша в переливах света.
О, Маргарита, ты им все отдашь,
Не ведьма – догоревшая комета.

7.

Мир погружен в какой-то страшный сон,
И никому не хочется проснуться.
Профессор иностранный, снова он
Мелькнул на главной площади, очнулся,
И было странно видеть в этот миг
В финале это вечное начало.
Распяtie, предатель – ученик,
Палач и жертва, как там все кончалось.

Романа странный отблеск в час луны.
И больше нет ни тишины, ни света,
И только там, где грезы, мы должны
Ее увидеть, и летит комета.
Она осталась где-то у черты,
И мир уже разбуженный весною.
Бросает эти желтые цветы,
И видит даль и тишину иною.
8.

Он не любил поэтов и стихов,
Но как нам снова в прозе раствориться,
Когда давно забытая любовь
В твоё окно внезапно постучится.
И промелькнет там снова чёрный кот.
И странный призрак будет где-то рядом.
А мир, давно уставший от забот,
Останется под этим звездопадом.

В романе снова явятся миры,
Которые с тобой мы все прожили,
И только там, в тумане до поры
Снежинки запоздалые кружили.
Пространство бесконечно, время нет,
Есть только миг прощенья и прощанья,
И этот странный, этот белый свет,
Ещё надежду дарит на прощанье.

9.

- Куда ты нынче? - спросит он шутя.
Все предали и все давно забыли.
О, муж ли ты – обиженно дитя.
Мы были далеки и плохо жили.
Но все пройдет. Мучениям конец,

Своих богов мы вспомнили внезапно.
И к ним пошли, там дед мой и отец,
Весь древний род с любовью и азартом
Следил за тем, как распяты опять,
Воскресли мы, зачем, еще не ясно.
И чтоб поэмы новые писать,
Я шла к нему, но видимо напрасно.
И что там было? Только мертвый дом,
Профессора внезапное явление.
- О чем ты снова? – О романе том,
Он для меня и радость и прозренья.

10

И пусть опять обрушатся миры,
С распятым богом больше я не буду.
Уйду в свой срок, пробуду до поры,
И вспомню все, и больше не забуду.
И не в психушку, в заповедный лес
Сбегу от мира, где царит над нами
Профессор иностранный, темный бес,
И черный кот смешит нас временами.
Все это чуждо в мире, где заря
Тебя ласкает, и тебя врачует.
И Велес смотрит, радостью даря,
И верит Лада, что еще все будет.
В финале вырываясь в тот простор,
Мы позабыли странные сказанья.
И снова Сварог разожжет костер,
Перун нам улыбнется в ожиданье.
11.

О, как был труден и жесток наш путь.
Но только сами в этом виноваты.
И вот вернулись, чтоб костер раздуть.
И не бояться боли и расплаты.
Мы одолели этот дикий страх,
Сгорели и воскресли в миг единый,
И истина та в желтых вдруг цветах
Проступит снова, пусть она богиней,
Предстанет вновь в гармонии и сне.
Приходит снова Лада - Маргарита,
И звездный плащ пусть падает на снег.
Все страсти и сомненья там убиты.

А там, где пустота – теперь костер,
Чертоги Рода, Сварога улыбка,
Любви прекрасной восхищенный взор.
Пусть победит их Лада-Маргарита....

Глава 14 МАСТЕР СРЕДИ МЕРТВЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

И этот свет во мгле, и бденье до рассвета,
Когда уже беседа наивна и легка.
В печали бытия есть странная примета:
Сближение на миг, разлука на века.

По нехорошей квартире стелилась гробовая тишина.

А сколько народу там собралось – яблоку негде упасть. Но беда и состояла в том, что рукописи не горели, яблоки не падали в стане мертвых писателей...

Наверное, они заслужили покой, или их насильно отправили на покой, те, кто больше уже никак не могли объяснить им, что же такое живой роман, а что такое мертвый.

Они не понимали, что в мире есть мертвые души и мертвые книги, никто из Демонов объяснить им больше этого не мог, не сдавался только кот Бегемот.

Вот и на этот раз он снова возник среди мертвых писателей, чтобы предпринять последнюю попытку.

- Если рукописи не горят сами по себе, то их бросают в огонь. Не горят мертвые романы, пламя живых можно ощутить, стоит только к ним поднести ладонь или лапу, у кого что имеется.

Сам Бегемот показал свою опаленную в нескольких местах лапу, что и являлось свидетельством того, что такие рукописи ему все-таки попадались.

Некоторым показалось, что в комнате даже запахло гарью.

И в тот миг, когда все ждали оглашения списка тех романов, которые кот считает живыми, горящими, произошло какое-то замешательство.

Кто-то был уверен, что его роман полыхал ярким пламенем, и опалил шерсть на лапе кота, ведь после смерти издают их более охотно, надеясь на посмотренной славе заработать дополнительную прибыль.

Кто-то, потерявший надежду, готовился к высшему суду, кот, скорее всего, готовил их ко второму, чтобы не было так мучительно больно и страшно там, где дела и судьбы знают наперед.

Но в тот момент, когда кот готов был завершить свою просветительскую деятельность, произошло еще что-то.

Все повернулись к двери, почувствовав неладное, в комнату вошел, а вернее боком протиснулся Мастер.

Это явление творца народу немного ошарашило даже кот, что уж говорить обо всех остальных.

Вероятно, он вышел из своего покоя, из своего домика, увитого плюшем и виноградными лозами в первый раз с тех пор, как оказался на небесах, это точно конец света, если он здесь.

- Маргарита пропала, - отвечал он сразу на все не заданные вопросы. - Пока она была со мной, я не замечал этого, даже когда пропала, не сразу заметил, а теперь вот потерял покой и сон и не могу один оставаться.

Немая сцена из «Ревизора» повторилась снова в нехорошей квартире. Ядовито усмехнулся и потер ладони от удовольствия критик Латунский, если бы кот не растерзал его взглядом, то он бы еще сказал что-то, но был лишен дара речи, застыл с открытым ртом.

Так как Берлиоз оставался без головы, то сказать он ничего не мог, но очень хотел намекнуть на то, что у нее вероятно новое свидание с Воландом и новый бал, куда еще могла пропасть эта ведьма, простите, королева.

Остальные писатели ничего не ведали, только все они одновременно ощущали тихую ярость, и бурную ненависть по отношению к этому чужаку, нарушившему их покой. И кот их страшно нервировал, а то говорить о Творце?

Еще не зная причины, они считали его совершенно чужим, и хотели только одного, отправить его подальше, забыть, не вспоминать.

Мастер подошел к своему коту, только он один оставался тут родным и близким зверем.

- Я как зверь в загоне, - прошептал он чужие строки, черт знает как в сознании его возникшие.

- Сам виноват, нечего было на небеса рваться живым, это тебе не дурдом, тут не спрячешься от мертвых писателей.

- Это он –то живой, врешь ты все, кот, и за брехню свою ответишь, - наконец завизжал критик Латунский, как только дар речи снова вернулся к нему.

Коту ничего не оставалось, как врубить огромный телевизор на стене и показать какой-то громадный книжный магазин, где была выставка книг Мастера, толпились люди, и какие-то писатели рассказывали о его жизни и романе.

Во весь экран красовалась черная «Булгаковская энциклопедия», та самая, где консультантом был когда-то наш любимый Абадонна, подарочные издания с великолепнейшими иллюстрациями, почему - то открытые в том месте, где кот был то с пистолетом, то с примусом, то с трамвайным билетом в лапах...

Котов была целая дюжина, но Бегемот с грустью заметил, что ни одна работа художников не удовлетворила его до конца.

- Ни один из них не понял душу кота, нежную и ранимую, - пожаловался он Мастеру, прекрасно понимая, что всех мертвых писателей заботит вовсе не это, а то, каким тиражом издан проклятый (для каждого из них) роман. И почему там творится невероятный шум именно вокруг этой рукописи, которую они душили, давили, уничтожали, а она сохранилась.

- Это не может быть

- Не верь глазам своим.

- Кот все врет.

- Ничего до них не дошло, они потеряли рукопись.

- Она никогда не могла быть напечатана.

Снова и снова на разные лады повторяли мертвые писатели штампованные фразы, чтобы убедить себя и остальных в том, что этого не может быть, потому что не может быть никогда.

- А ну, цыц, лжецы, не вышло по вашему, роман – это то, что осталось от всего времени, нет больше ничего и не будет, не надейтесь..

Но тут снова заговорил Мастер.

- Живой роман? Рукопись горит? Я понял, что все отдал бы, только бы Маргарита вернулась и была со мной.

Странно загорелись глаза некоторых творцов, похоже было, что они лихорадочно думали, где взять эту Маргариту, и как произвести обмен с Мастером. Если бы кто-то догадался раньше взять ее в заложницы, то у них в руках был бы этот чертов роман, и все, что он принесет с собой – слава, радость, бессмертие.

Кот не называл бы презрительно их мертвыми писателями, а вот за это они готовы были на все... Только Маргарита успела исчезнуть, все напрасно.

- Поздно, - услышали они голос кота, - он уже бессмертен, теперь его, как и жизнь отдать не получится.

- Значит пустота и одиночество?

Мастер повернулся, и отправился прочь, ему больше не хотелось никого видеть и слышать.

Вслед за ним рванулся Поэт, каким-то чудным образом оказавшийся среди мертвых писателей. Может потому, что и сам он был скорее мертв, чем жив, или хотел кому-то помочь нести свой крест, таким он был на земле, таким оставался и на небесах.

- Назад не вернешься, - бросил ему вслед критик Латунский.

Но и эта угроза не остановила Поэта, он слишком хорошо знал, что такое быть зверем в загоне и особенно переживал оттого, что они отлучили его от своего тусклого света.

Поэт знал, что Мастер не любит стихоплетов, и только теперь подумал, что тот его тоже может прогнать.

Но Мастер был уныл, словно в воду опущен:

- Ты напрасно порвал с ними, дружище, они хотя бы вместе, а мне какая радость от того, что роман знают все, это тогда, рядом с Маргаритой казалось победой и чудом, а сейчас, без нее – звук пустой... Она радовалась, она хотела, она старалась, а я только потакал ее капризам, теперь одиночество....

- Друг другу мы тайно враждебны, - повторил Поэт, - разве ты не знал этого прежде...

№ № № № № № № № № №

Через несколько дней, когда страсти по Мастеру немного утихли, кот снова собрал мертвых писателей, и торжественно сообщил, что выпросил у Мессира возможность вернуться назад для одного из них.

Все рванулись вперед, отодвигая друг друга, на своем месте оставался один Мастер, кот удивленно взглянул на него.

- Нет, я не хочу туда возвращаться, а вдруг Маргарита захочет вернуться домой, а меня не найдет? Я подожду ее тут, в том мире мы потеряем друг друга окончательно.

- Ну и что мне с вами делать, - развел лапами кот, - кого я выбрать должен, и что вам там снова делать интересно.

Откуда-то появился Ангел, который был равнодушен и безучастен ко всем, этакий небесный Парис, к которому в свое время обратились богини, чтобы тот одной из них присудил яблоко раздора.

- Как скажешь, так и будет, - что делать.

- Пусть идет тот, кто меньше всего этого хочет.

Ангел не знал сути спора, ничего не ведал о писателях, и мертвые и живые они были на одно лицо, и оставался он совершенно бесстрастным.

Кот пожал плечами: так тому и быть, и снова повернулся к Мастеру:

- Прости, друг, это твой Ангел так решил, отправляйся назад, разговор окончен.

- И что мне там делать?

- Начнешь жизнь с того места, где она оборвалась, никакого бала, никакого отравленного вина, все по-честному...

№ № № № № № № № № №

Проведя несколько дней и ночей в новом мире, в новой Москве, которую он снова не узнал, как и в прошлый раз, Мастер пришел в ужас от всего, что он увидел и услышал. А когда проходил мимо тела расстрелянного офицера, распростертого на дороге, ему захотелось только одного, с Марго или без нее вернуться на небеса в их тихий домик.

Азazelло тут же возник перед ним:

- Я поведу тебя к ней, - заявил он, - нет ничего проще.

И Мастер облегченно вздохнул, понимая, что среди этих чужих, есть хоть один свой, любимый, близкий.

Они оказались в Московском университете – странно, никогда прежде он там не бывал, уселись в какой-то аудитории в самом верхнем ряду и слушали эту рыжеволосую ведьму....

Вернее, слушал Рыжий, там речь как раз шла о восточных бесах, о зеркалах, о свидании, когда она решила, что он хочет пригласить ее на ночь к профессору.

Студенты были включены в лекцию, шутили, переспрашивали, цитировали.

Но Мастер ничего этого не слышал, в восторг его привело то, что она была так близко.

А потом Марго заметила их и оборвала свой страстный рассказ.

И сотня голов повернулась туда, где они сидели, и все замерли, даже затаили дыхание.

- Артисты, а как здорово, если бы пожаловал сам Мастер, - только и произнес кто-то.

Рыжий перевел дыхание - спасибо, театру и кино, как бы он выкрутился, даже сам не представлял... Недоверчивые, они даже и не представляют, что были рядом с Мастером..

№ № № № № № № №

Свидание Мастера и Маргариты было в старом кафе на набережной.

Столик в углу, где их никто бы не узнал, никто не смог бы помешать, он волновался так, словно делал ей предложение, и они были едва знакомы.

Марго улыбнулась:

- Я не смогу уйти, они так любят и тебя и наш роман, кто же им еще расскажет обо всем...

- Но я не смогу жить без тебя

- Тогда оставайся.

- Не могу, я уже так привык работать в тишине и покое, а здесь на улицах расстреливают боевых офицеров...

- Но это не так страшно, дорогой

- Я знал, что творение отомстит за предательство, а месть, как говорит Фагот, это закуска, которую подают холодной.

А потом зазвучал вальс, белый вальс и Маргарита пригласила Мастера.

Они кружились в полутемном зале, и кажется, готовы были улететь куда-то в просторы.

И все кто были в старом кафе, повернулись, чтобы полюбоваться этой прекрасной парой.

- Сейчас никто так не танцует, - говорила какая-то старушка, которая боялась признаться своему спутнику, что она видела Мастера и Маргариту, это были они, хотя этого не может быть, но ведь было...

В печали бытия есть странная примета:

Сближение на миг, разлука на века.

И этот свет во мгле, и бденье до рассвета,

Когда уже беседа наивна и легка.

И больше страсти бред не виснет в полумраке,

Когда обиды свет не может не терзать.

В такие вот часы написаны все драмы.

Но мы, не веря им, врываемся опять ,

В какие-то стихи вплетаемся наивно,

Какие-то грехи готовы повторить.

И в предрассветный час смиряются все ливни,
И стрекоза над розой отчаянно кружит.
Она не понимает, откуда это снова
Такое чудо света, такая благодать.
И в этот миг, во мгле так значимо и Слово,
И жест, но только мне так хочется молчать.

И вот тогда вдали я снова профиль вижу,
И согнута спина, и музыка во мгле,
О, пианист ночной, и музыка все ближе,
И только откровенья бытуют на земле.
И этот свет в тиши, откуда он - не ясно,
Но в пустоте ночной могу уже понять.
Что ты со мной всегда, что эта жизнь прекрасна,
И близится рассвет, и мрак уйдет опять.

А ведь казалось нам, что мы еще в начале.
Какие-то стихи, штрихи иных стихий -
Над пропастью времен они опять звучали.
И бабочка кружилась над пламенем свечи.

И этот свет во мгле, и бденье до рассвета,
Когда уже беседа наивна и легка.
В печали бытия есть странная примета:
Сближение на миг, разлука на века.

Глава 15 БУНТ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ.

В сообществе мертвых писателей стояла тишина и царил мертвый покой.

Вторжение Мастера и предательство Поэта, и гибель упертой Сказочницы на теплоходе «Адмирал Нахимов» стали последними сколько-нибудь интересными событиями, всколыхнувшими тот свет.

А потом они сидели, грустили, унывали, вспоминали о том, что они друг другу тайно и явно враждебны, и не было никакого просвета, никакого пути из лабиринта, где они то бездумно бродили, то сидели и не шевелились.

Бесстрастно спорили о том, могут ли быть писатели друзьями или не могут, ну если не друзьями, то хотя бы приятелями....

Кот и Фагот долго были заняты какими-то чрезвычайно важными делами, но вернулись неожиданно на тот свет, они всегда возвращались к мертвым писателям, потому что испытывали перед ними какое-то странное, плохо объяснимое чувство вины...

На этот раз, увидев унылейшие физиономии, кот даже присел и свистнул:

- Недаром святоши говорят, что уныние самый тяжкий грех, сдохнуть можно, если бы это был тот свет, а не этот, но тут и смерть не страшна бедолагам.

Но святоши, когда свои книжки писали, наверняка все-таки не видели унылых мертвых писателей.

- Что за спор, а драки нет, - встрепенулся и сам привел себя в экстаз кот. Писатели молчали, словно он не к ним, а к стенам обращался.

Но кот никогда не отступал и не сдавался:

- Спрашиваю во второй раз, что у вас тут еще случилось. А говорят, на кладбище все спокойно... Врут, как всегда, и на кладбище бурлит жизнь, - повернулся он к Фаготу и подмигнул бесу:

- Может Абадонну позвать, он что-нибудь придумает.

И снова молчание.

- Оставь их, Бегемот, они пребывают в забыты.

- Что прямо все сразу и пребывают, ребята, не печальтесь, классикам еще хуже, чем вам, уж поверьте вашему коту, который никогда не врет и всех их никогда не видел в гробу в белых тапках, ведь они бессмертные.

- Чем это им хуже? – оживился на этот раз кто-то из писателей...

- А тем и хуже, - уселся перед ними и начал философствовать кот, - представьте себе, что у вас все мертвое и герои, и книги, лежат себе, никакого не трогают, нет им дела до вас и до мира, да это же подарок судьбы. А им о таком только мечтать можно.

Начали выходить из оцепления и другие писатели. Кот явно над ними издевался, только слушать становилось все интереснее, а вдруг, он и правда докажет, что не иметь и проще, и легче, и лучше.

А кот уже вошел в раж, лапами махает, и сочиняет прямо на ходу.

- Чтобы не быть голословным, давайте возьмет нашего вечно живого и всеми любимого Федора Михайловича (своего творца он трогать не стал – это показалось делом святым, а может у него были далеко идущие планы, кто его кота знает).

- А что Федор Михайлович, - сразу завопил Латунский, - вон тиражи какие, в каждом доме собрание сочинений и захочешь, не помрешь, – ему лучше всех всегда жилось и живется.

Критик понял, что он как всегда сказал глупость, но слово не воробей, оно уже вылетело, и поймать он его не сможет.

Фагот улыбнулся, кто-то хихикнул, а кот расхохотался, да так, что остановиться не мог, его потом все вместе с трудом остановили, когда Фагот стукнул его по спине, так словно он подавился.

- Ну, критик, ну, собака, умеешь ты кота и остальных развеселить.

Латунский даже смутился от такого всеобщего внимания.

Но кот уже ухватил его мысль за хвост:

- Давайте на Федора Михайловича и глянем. Я не говорю о жизни его среди живых писателей – того же Тургенева и Толстого – они тоже мертвяками никогда не были, но если между вами зависть и разборки, то там множьте все на десять и не прогадаете, но и это полбеды – вот как ему хорошо жилось. Я не говорю о пристрастии его к игре, об этом наш Латунский чего только не писал- докторскую диссертацию на том защитил, точно говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Но и это не беда, критик он и в Африке критик.

-Так в чем же беда его, - стали вопрошать у кота самые нетерпеливые.

- А в том и беда, что заснул наш Ф.М. однажды ночью....

- И не проснулся, - подсказал кто-то коту.

- Проснулся, снова пальцем в небо, только прежде, чем проснуться, увидел он страшнящий сон, все фильмы ужасов отдыхают.

- И что же ему снилось? – насторожился Фагот, - на этот раз не выдержал он, больно кот увлекательно рассказывал, прямо Шахерзада, только с хвостом и ушками на макушке.

- А ничего особенного, как Гробовщику у гения снились все похороненные им парни, так и нашему Классику приснились все сотворенным им герои.

В огромном темном замке, где он сидел и пировал с каким-то там царем и королем, и сам чувствовал себя королем писателей и писателем королей, они к нему и явились, не запылись.

Король, который с ним там медовуху пил сначала не понял, что это за непрошенные гости к нему явились, да и сам Творец сначала не понял, если бы Раскольников перед его носом топором не махнул и не начал пытаться за что он такую дикую судьбу ему приготовил.

- Рядовое убийство, никто бы и не заметил, а как только теории к нему припаяли, так уже и покою который век не дают. Мало того, что с ума сошел еще по ходу дела, то старуха мерещилась, то Свидригайлов, то мертвый пьяница на пороге стоял, так ведь еще поминают по семь раз на дню, судят на каждом уроке, каждый стареется свой приговор вынести. Ни минуты покоя, и всем до него есть дело, и всем что-то требуется от него, несчастного.

- И чего же ты хочешь? - вопрошал король

- Сожгите все романы, чтобы никто никогда не увидел их, умереть хочу, чтобы ни одна живая душа, ни в этом мире, ни в том не поминала меня больше, - твердил Раскольников.

Король повернулся к писателю, тот сидел мрачный и онемевший.

- Возможно ли такое? Сколько книг издано, где нам их искать?

Долго они совещались, и ничего так и не смогли сделать. А тут уже и Дмитрий Карамазов подоспел:

- А мне сколько на каторгах томиться и за чужие грехи расплачиваться? Я-то ни старуху, ни отца не убивал, жил может и не праведно, но после того суда вообще мне нет никакого покоя, никогда не будет, все женщины от меня отвернулись, а эти доценты и критики только и терзают – виноват, не виноват, в чем виноват, зачем мне такая судьба горемычная. Уж лучше бы убил, чтобы не маялся так, да ведь нет – сплошное издевательство и ничего больше.

- За что, - уже спрашивал его Иван Карамазов, - видно тебе понравилось утверждение, что если бог хочет наказать, он жизни лишает, а если еще больше наказать желает, то лишает разума, и почему я должен все время безумным оставаться, и прежде мало что видел, а теперь, и сколько еще прикажешь маяться, ведь все мы бессмертные, хорошее ты нам бессмертие подарил, благодетель ты наш...

Но, оттолкнув Ивана, к столу пробрался красавец Свидригайлов:

- А мне на что припаял растление малолетних, которого никогда не было? Ладно все остальные грех, а теперь мне только дети и снятся, убери детей, Федор Михайлович, ведь все только ради красного словца на пушного эффекту, а бросил тень, потом уже и не отмыться никогда... И зачем только тебе такое творить надо было, отец ты наш родимый...

Князь Мышкин просто ходил между героями и жаловался всем на то, что он убил самую любимую женщину, потому что жить так было больше невозможно.

Настасья впадала в истерику, Сонечка молчала так выразительно и покорно, что лучше бы истерила, Грушенька хохотала так, что можно было оглохнуть.

- И что нам со всем с этим делать? – спросил у писателя король.

- А почему мне знать, я ведь их по отдельности писал в разных книгах, откуда мне было знать, что они все вместе соберутся, и такое случится.

- Гений должен все знать заранее, чтобы вот такого Пекла больше не случилось, - заявил король, - так и надо передать всем остальным писателям, которые еще не наворотили такую гору ужаса, страданий, и бед, да в одном месте все не собрал, это вам не шуточки, особенно если книги и герои окажутся бессмертными.

Герои стояли молча, женщины лишались чувств и снова приходили в себя, закатывая новые истерики.

Король, наконец, поднялся с кубком в руках и произнес:

- Выслушать и посочувствовать – все, что мы с моим гениальным гостем можем для вас сделать, участь вашу изменить – не получится, не в моей это власти, и даже если обратитесь выше - вряд ли поможет. Не собирайтесь вместе, живите каждый в своем романе и терпите. Обещаю только рассказать эту историю другим классикам, чтобы они знали, что настанет день, когда сотворенные герои пожалуют к ним и призовут творцов на суд, вот и пусть творят так, чтобы не было мучительно горько и страшно, если они соберутся все вместе, да взбунтуются. Хотя гении, как и все люди, не учатся на чужих ошибках, но сделаю все, что смогу.

Кот остановился, перевел дыхание, ему самому понравилось то, что он поведал мертвым писателям.

Но чтобы завершить эту историю он и произнес:

-Король попросил рассказать ее и живым и мертвым творцам, что я и делаю. Предупреждать вас о чем-то поздно, но может быть, вы узнаете о том, что Живым и Бессмертным еще хуже, чем мертвым, и вам полегчает.

Писатели вышли из состояния уныния, даже Фагот был удивлен тому, какой эффект произвела на них эта Бегемотова история.

- А мне не страшно, даже если все герои придут.

- Твои мертвые, их не оживит.

- Да хоть и оживят, они у меня хорошие парни, упрекнуть им меня будет не в чем, надо же, как мы далеко вперед глядели... Пусть гении и маются со своими, а мы все сделали правильно.

- Пошли, - заявил Бегемот, - нам надо рассказать эту историю живым, пусть думают прежде, чем что-то делать, семь раз отмерят, а потом только писать садятся. И вообще – писать надо так, чтобы не страшно было пригласить всех героев к себе на пир, в своем жилище поселить и жить с ними долго и счастливо. Если даже они не будут бессмертными, помрут вместе с автором, то и тогда ничего, хорошая компания дорогого стоит.

Писатели еще долго смотрели им вслед, некоторые из них уже достали ручки и бумагу, чтобы написать для себя героя, да такого, с которым и смерть хороша, и умереть не страшно.

В унынии оставался только критик Латунский, ни там, ни здесь никого не было и не будет рядом с ним. У критиков не бывает ни друзей, ни приятелей, не героев. Но кто же в том виноват?

№№№№№№№№№№

Кот уже сидел перед живыми пока писателями и рассказывал историю о бунте литературных героев.

А что – предупрежден, значит, защищен, и надо творить так, чтобы не было страшно, когда раздастся звонок в дверь, и к вам в дом ввалятся ваши герои...

Пусть они радуются и пируют вместе с вами и благодарят вас за то, что вы их сотворили и выпустили в мир.

Кот Бегемот, конечно, плут и притворщик, но я бы прислушалась к его речам на этот раз.

А вдруг и мы убережемся от какой-то страшной ошибки, тогда и жить станет легче и жить будет веселее.

Глава 16 ОПЕРАЦИЯ « СЕТЕВОЙ ТРОЛЬ »

Кот Бегемот решил замяться с таким грязным делом, как посещение телевизионных шоу.

Он так и заявил:

- С меня хватит, снимите это немедленно.

Последнее можно было перевести с кошачьего на человеческий язык:

- В съемках шедевров больше не участвую. Ничего и никого там искать не хочу, займусь полезным делом.

Свите и Мессире пришлось обходиться без него, отчего они впали в несильное уныние...

Что не говори, а кот Бегемот всегда умел оживить это нуднейшее занятие - съемки развлекательных программ. Чего он там только не вытворял и с бездельниками, изображавшими толпу зрителей, и с так называемыми героями этой развлекловки.

Мог да вот больше не захотел и хоть ты его режь, хоть дави, сказал: не будет, значит, так тому и быть.

Азazelло заявил, что когда коту надоест скучать, он сам к ним прибежит, но Рыжий на этот раз ошибся.

Долго скучать в одиночестве кот не привык, он врубил комп и решил отправиться на сайт знакомств или еще куда похуже...

Только почему –то открылся литературный портал.

- Это судьба, - про себя подумал Бегемот, - посмотрю, какова теперь эротика и что похуже, в стране, где помнится, не было секса, было только что похуже – сплошное насилие и другие безобразия...

Но и тут какая-то странная рука Компьютерного духа (такие тоже появились вместе с самими компьютерами, а куда без них) вела его совсем в ином направлении.

Открылась страница с рецензиями, которые писали одни авторы другим.

- Зачем мне эти рецензии, - пожал плечами кот, когда именно на этой странице Портала все и оказалось.

Перед глазами его стали мелькать писульки:

- Дура, идиотка, только глупость свою и показывает, уйди с глаз, я тебя не оставлю, я тебя уничтожу, я тебя ненавижу.

- Вот тебе и на – писатель Шариков живее всех живых. Это что за явление упыря народу? - стал спрашивать сам у себя кот, почесывая когтем за правым ухом. Это был тот редкий случай, когда Бегемот глазам своим не верил.

А объевшийся поганками тролль – кот уже знал от знакомого программиста, как они называют такого парня, - строчил со скоростью света,

то одной то другой девице «любовные послания», но чаще одной, ее звали Любовь.

- Конечно, гоблин (кот ему придумал другое имя, он всегда хотел быть ординальным, даже в сети отличаться от всех – у всех тролли, у него будет гоблин), - куда тебе горемыке без Любви, как же ты должен страдать в одиночестве, если остановиться не можешь....

№№№№№№№№

Одинокий, несчастный, забитый парень сидел в однокомнатной квартире, больше похожей на камеру, чем на жилье, и успев поругаться со всем соседями развлекался в сети.

Но на этот раз все пошло не так, как обычно.

А дальше с гоблином стали происходить чудеса, он по-прежнему бил по клавишам, пытаясь написать очередную свою страшно содержательную чушь в адрес и Веры, и Надежды, и Любви, но мало того, что его бил пока небольшой разряд тока, так что перед глазами появлялись искры, так от таких титанических усилий получалась полная чушь:

- Я самый несчастный и убогий в мире.
- Спасите меня от самого себя.
- Оторвите мне голову, жить нет больше никаких сил.
- У меня не было ни одной женщины и потому я вас всех ненавижу.

В ужасе тролль пытался стереть все, что выходила из - под его опухших пальцев, но удары током(откуда взялся ток) становились все сильнее. Он уже подозревал, что и пальцы может отшибить от такой работы, они, кажется, даже синеть начали. Но ничего не убиралось на странице. В компе, а то и во всей системе происходило черт знает что. И никто не мог объяснить, как с этим бороться.

Но тролль – гоблин был страшно упрям, он готов был помереть, но сдаваться не собирался ни под каким видом.

- Это мы еще поглядим, - хрипел он, озверело, - Шутить вздумали, да вы не знаете, с кем связались...

Первая рецензия исчезла, но вместо нее появились еще две:

- Милые мои, хорошие, отдамся в любые надежные руки, возьмите меня, хоть кто-то пропадаю молодой и красивый...

- Я хочу секса так, как никто в мире и на все готов.

Тролль страшно побледнел, он понял, что кто-то хочет свести его с ума.

- Дьявол, отстань от меня, - бросил он в пустоту, стараясь стереть хотя бы последнюю запись.

- Размечтался, - услышал он над самым ухом противный голос кота Бегемота, - Дьявол только тобой не занимался, у него других дел нет...

- Кто это? – крикнул тролль, - зная, что в квартире находится один, даже мыши и тараканы разбежались, моль и та перебралась к соседям. Его давно и комары не кусали.

- Дед Пихто, ты думал, что отвечать не придется, а ведь Надежда тебя предупреждала, что ни один не ушел от возмездия

- Любовь...

- Что Любовь?

- Эту Кикимору, которую я ненавижу всей душой и никогда не оставлю, зовут Любовь...

- Богиня Афродита что ли?

- Какая богиня, ты мухоморов наелся, она настоящая Кикимора, меня трясет от каждого ее слова, я буду ее преследовать живым и мертвым

- Трясущийся ты наш, я же говорю, что гоблин, только мечтать о любви тебе уже поздно, кому же ты такой нужен...

Кот оглядел его со всех сторон и тяжело протяжно вздохнул:

- Случай безнадежный, но где наша не пропадала, попытка не пытка – он начал шпарить сплошными штампами или крылатыми выражениями, кому как нравится.

- Так это ты за меня писал этот бред, - в последней извилине Гоблина включилось позднее зажигание.

- Бред писал ты, на нем и попался, а я просто написал то, что ты хотел и никогда бы не сказал вслух, даже в виртуале...

- Брехня, это все брехня, клевета, измышления, ты поищи себе лучше хорошего адвоката, я на тебя в суд подам.

- Ничего не изменилось в этом мире, но в суд на меня еще никто не подавал, круто, гоблин, круто, теперь я тебя точно спасу, чтобы посмотреть, как ты будешь со мной судиться, но в дурдоме навещать не стану, не надейся, - предупредил Незнакомец

Тут произошло страшное - почти классическая сцена – сначала кот воплотился, правда был он не черным на этот раз, а рыжим, да практически огненным, а потом, когда Тролль увидел кота, откуда-то он выхватил пистолет и начал палить по коту.

Надо сказать, что одна из его резиновых пуль попали в кота, от кота отлетела искра, она упала на обои, и обои загорелись, просто вспыхнули ясным пламенем. А за ними и плитки на потолке, чад был такой, что тролль сразу же потерял сознание, и как те несчастные в «Кривой лошади», он бы

уже не смог выбраться из квартиры. Хотя жил на первом этаже, но и это бы его не спасло.

Кот вцепился в безжизненное тело и поволок его к окну, благо оно было распахнутое.

Там уже собрались люди, они заметили странную картину(спасти странного соседа, успевшего поругаться со всеми, ненавидевшего собак и всех животных) никто не торопился, некоторые даже не скрывали радости.

Но Бегемот не собирался доставлять им такую радость.

И к своему разочарованию они видели, как вылетело само собой сухонькое тело то ли живого, то ли мертвого парня, и шлепнулось в песочницу, куда только накануне привезли свежий песок для детишек. По этому поводу он и закатил последний страшный скандал, а вот ведь как вышло, упавший в песок не получил никаких травм.

Люди расступились, завизжали собаки и дети.

Несколько минут длилась эта немая сцена. Потом тролль очнулся, стал страшно кричать, вращать головой в разные стороны, а потом устался на свою горящую квартиру.

Правда, там уже орудовали пожарные, и все было в воде и пене.

К спасенному сначала подошел только рыжий кот, остановился и посмотрел на него пристально.

Тролль завопил еще сильнее, орал пока не охрип.

- Ничего, не скоро ты в сети появишься, а если будешь и дальше безобразничать – пеняй на себя, больше спасать не стану. Это я просто твоим соседям решил пока праздник испортить, но в следующий раз не пожалею. Прощай, встретимся в суде, пошел пока себе адвоката искать, надеюсь, Павел Астахов согласится меня защищать, он любит детей и котов.

С этими словами, которые впрочем слышал только Тролль, кот Бегемот и удалился.

К песочнице подошел мальчуган лет двух с модной стрижкой в малюсеньких джинсах и футболке, на которой было написано: «Я тебя люблю».

Тролль взглянул на этого великолепного ребенка и разрыдался, когда тот протянул ему желтый шарик, и там тоже было написано: «Я тебя люблю»...

Посвящается всем пострадавшим от виртуальных хамов с маниакальными наклонностями, которых успокоить может только вырубленное электричество.

Так пожелаем им, чтобы никогда в доме у троллей не было света, и не

загорался экран монитора, никому от этого хуже не станет, кроме этих
убогих бедняг, но так им и надо
Кот Бегемот потомок Баюна

Поднимаясь спозаранку,
Выпив пива, съев котлету,
Закусив ее поганкой,
Троль выходит, в Интернете
Ищет он из списка лица
Тех, кто избран для расправы.
Надо же повеселиться,
Желчь излить, ведь он лукавый
Демагог, каких немало
Было и в 20 веке,
Только что-то замолчали,
Все пеклись о человеке...

Он один такой остался,
Пуст и дом, и мир убогий,
Вот на сайт теперь пробрался
И пока не сделал ноги,
Столько он еще нагадит
На страницах наших снова?
Столько просидит в засаде
Разъярен, порой взволнован,
Что не хватит мухоморов
На обед, чтоб бред поправить,
Троль на мир глядит с укором,
Он его еще исправит...

Брехунов на чисту воду
Выведет с лихой усмешкой.
Злому року он в угоду
Не молчит, уже не мешкает.
Видно слишком одинокий,
Ни кола и ни собаки,
Потому такой "глубокий",
Потом ему лишь драки

И милы на этом свете,
Санитар лихой и бравый,
Он за творчество ответит,
Не за деньги, не за славу,

Просто так, в пылу охоты,
Он ведет свое сражение,
Прет на сайт, как на работу,
Люди для него - мишени.
Он собой еще гордится,
Закусив поганкой пиво,
Ну такой он уродился,
Только усмехнется криво.

И опять спешит бороться,
Бедный, жалкий и убогий,
Угольками воздается,
На том свете, только б ноги
Унести от их расправы,
И чего глядели косо.
Он лишь прав, и все не правы,
Но сорвался и с откоса

Полетел уже куда-то,
Скатертью ему дорога.
Эта ведьма виновата,
Колдонет она немного.
И от тролля спозаранку,
Остается лес дремучий,
И последняя поганка,
Уцелела...Всех замучил.

Потому плясали черти
Где-то перед тем оврагом
До упаду, этой смерти,
Были духи очень рады...
А потом они грустили,
Им без тролля стало скучно,

И поганок нарастили,
Ждут, зовут все в лес дремучий....

Явится, начнется снова
Дикая его охота...
Только матерное слово -
Только черная работа...
Бедный троль, другие страсти
И эротика -пустое...
Только Слово в дикой власти,
Но ругать его не стоит...

(Собака бывает кусачей, только от жизни собачьей)

Глава 17 Я - ПИСАТЕЛЬ, СПАСАЙТЕСЬ, КТО МОЖЕТ

И вот тогда я поняла, что русская литература без меня и дня не проживет.

И ведь надо такому случиться, что в бескрайней столице нашелся такой пронциательный редактор, который думал так же как я, принял рукопись в производство. Сообщил мне об этом, даже позвонил прямо сразу.

Я – гений, меня издадут, да где, в столице, надо туда срочно перебраться из моей окраины. Там ведь таких еще не бывало. Счастье неопишное, я вторглась в столицу и не с заднего, а с переднего хода. А еще говорят, что все бабы дуры, пусть сами так попробуют.

Теперь в самом громадном магазине будет презентация, от автографов рука отвалится, и все они, столичные писаки пойдут ко мне как в мавзолей. Совета спрашивать начнут, как и что надо делать.

Пока это был сон, но сон с четверга на пятницу, я точно запомнила.

Правда, там какой-то белый кот орал:

-Любовь явилась, спасайтесь, кто может, - но кот – это так, накладка, а в остальном сон был хороший, пророческий.

Книжка называется так скромно «Я гений».

А как еще она могла называться при таком везении-то.

Говорят, репортаж с презентации будет вести сам Андрей Малахов.

Он пока на Евровидении занят, но как только освободится, так мной и займется.

Репутация у него не очень, но другой мега звезды все одно нет.

Придется согласиться. Ничего, это только начало, дайте срок.

Однако, как все удачно складывается.

№№№№№№№№№№

В магазине, куда выложили мои новоиспеченные шедевры, было шумно. Я с радостью уселась за тот самый столик, плечи расправила и вперед. Почему-то покупатели проходили мимо. Но ничего, это только начало, книга - то гениальная, заметят. А потом началось. Подходили какие-то странные типы с кошачьими физиономиями и крали книгу прямо на глазах у автора и всех остальных.

Один из них склонился и шепнул на ухо:

- Это последний писатель, чьи книги еще воруют в библиотеках и книжных магазинах.

Где-то я уже эту рекламу слышала. Только вспоминать было некогда где. Но хотела броситься за похитителем, только он уже скрылся в толпе. Что было делать незащитной гениальной женщине.

Милиционеров звать не стала, они у них какие-то нервные в последнее время, стрелять начинают, по тем, кто их на помощь зовет. Сама последние новости слыхала, ушам своим не поверила.

Второй с кошачьей мордой склонился к моему уху и сообщил, что слава мертвого писателя круче, чем живого.

- Смотри, живых пруд пруди, все сторожа и учителя писателями заделались, а если пристрелили на презентации – это уже мировая слава. Какой бы бред не написала – не забудут.

Шутки у моих будущих читателей какие-то странные. При этом он стащил еще парочку книг. Не заметила даже, как это случилось, проклятый котяра. Вот так бедных женщин и обворовывают. И сотовый телефон пропал тут же, я осталась и без связи, проклятье.

И ведь никто этого даже не заметил, коты гады, если так дальше пойдет...

Но лучше не думать о том, как пойдет дальше.

Милиционер все-таки подошел сам, показал мне какую-то даму на ориентировке и потребовал предъявить документы.

Я возмутилась, что-то про москалей проклятых ляпнула, чем окончательно выдала себя. Язык мой, враг мой, что тут нового скажешь.

- Еще одна писательница, забирай - гаркнул он по рации, - пусть повышает уровень твоих зеков, здесь таких море, а там меньше.

Правда, тут за меня заступился старый мой друг Геннадий. Мужчина мощный такой, солидный, хорошо, что он охранником в том самом магазине подрабатывал.

Он оттеснил милиционера в сторону, рискуя, между прочим, попасть под статью «сопротивления органам власти» и объяснил, что я и правда писательница, а аферистка – это моя сестра родная, об этом мой первый роман и написан.

Еще одна книжка, опять же бесплатно, оказалась в кармане у милиционера .

- Все бабы дуры, - говорил мне Геннадий, - ты как-нибудь гибче давай, а то оба вылетим из магазина. А работу такую интеллектуальную не так просто найти.

Пока мы с ним беседовали, какие-то юные дарования налетели к столу со всех сторон и все смели до последнего экземпляра.

Глазом моргнуть не успела.

А потом пустота, подошел только продавец, похвалил за то, что я все так быстро продала, и вежливо попросил отнести в кассу выручку.

- А мы ни одной книжке так никому и задаром не отдали, - говорил этот наглец, - придется вам самой своими гениальными творениями торговать.

Деньги в кассу я отдала свои кровные, все до копейки, у Геннадия пришлось занять на билет до дома родного.

Дал он мне почему-то с радостью, наверное, очередной кот ему что-то такое шепнул.

Но в тот момент, когда мы уже прощались, и я заверяла его, что верну долг, перед нами остановился какой-то странный гражданин в совершенно темных очках.

Кто он такой, а черт его знает. Он посмотрел на Геннадия и снял очки.

Мой друг рухнул, и толпа отхлынула от бездыханного тела

А я , я бросилась бежать из покоренной столицы без оглядки, едва крестилась на ходу, понимая, что иностранный профессор спешит по следам.

Только убежишь ли далеко в такой толпе твоих поклонников?

Остановили. Ко мне вышел Андрей Малахов со всеми своими помощниками, бодро так поднялся убитый недавно Геннадий.

Они мне сказали, что это был только розыгрыш.

Передача у них так называется.

- А книги? – вырвалось у меня.

Он протянул мне книгу, только на глазах все поменялось на обложке, там было уже написано «Все телки - дуры» и стояли фамилия и имя какого-то мужика. Говорят, самый знаменитый у них писатель.

Как мы оказались в проклятой этой студии, не помню.

Мне долго хлопали в зрительном зале, говорят у меня актерские способности, сыграла я лучше всех.

Хотела разрыдаться, да вспомнила, что Москва слезам не верит.

Ну ничего, это первый блин комом, немного передохну, окрепну, я их всех разыграю так, что мало не покажется....

Глава 18 ДЕВЯТЬ НЕБЕС ДЛЯ ТВОРЦОВ Бегемот и Вергилий

Луна скрылась за мраморными тучами. В лесу было темно и страшно.

И вдруг ко мне подошел прекрасный, высокий, стройный юноша.

-Вергилий, - просто произнес он

-Кто?

-Просто Вергилий. Сегодня исполняются заветные желания.

- Но я не хочу шагать по кругам ада и видеть чужие муки. Все-таки близится Купальская ночь.

- А тебе этого и не дано, склад души не тот, и все-таки я приглашаю на свидание, - улыбнулся великолепный спутник.

- Это будет ночь страсти? – ядовито спросил кот, вынырнувший из Ракитова куста и присоединившийся к нам...

- Еще какой творческой страсти... Но не то, о чем ты подумал усатый - полосатый...Снова неудачно пошутил.

- Тогда я присоединяюсь.

Спорить с Бегемотом не стал даже Вергилий.

И мы отправились с Вергилием и котом Бегемотом туда, на небеса, где обитают среди прочих творцов и писатели – ремесленники, творцы, гении.

- Вверх по лестнице ведущей вниз или все-таки вверх?

- Забудь слово графоман, его придумали безголовые, злые на весь мир писаки, которые не могут простить того, что товарищ оказался хоть чуть-чуть талантливее и плодовитее. Они готовы оправдать свою бесплодность и свои муки, вешая на того, кто может больше это клеймо. Иногда это помогает выбить из строя доверчивого простачка, и вот тогда они прут вперед ...

Но мы уже приблизились к первому небу, и невольно остановились.

- Что это? Кто здесь? – вырвалось у меня.

- Мертвые писатели, - заявил Вергилий

- Те, о которых я тебе рассказывал, - напомнил кот, - за что бы они ни брались, они ничего не могут оживить, все остается каменным и мертвым в их руках. И как бы они не правили свои творения, те становятся только хуже, еще мертвее, хотя дальше некуда. Бедняги, они напрягались, они старались, их издавали, иногда большими тиражами – ничего не помогло, мертвое невозможно оживить, да и не нужно.

Я взглянула на Вергилия, чтобы он как-то опроверг заявления кота, но он только махнул рукой.

Значит, так это и есть.

Тишина и уныние царили в этом кругу, и я попросила спутников двигаться дальше.

- Не хочешь с ними поговорить? – стал допытываться кот.

- Нет, мне хочется выше и чего-нибудь живого....

- Да уж, все грозы, все ураганы, все ливни достают до этого круга, природа словно бы оживить их хочет, но ничего не получается, мертвое остается мертвым, жалкое это зрелище. И правда, пошли дальше, а то и сами попрем тут и навсегда останемся.

Вергилий странно заволновался, когда мы шагнули на второе небо. Я не смогла бы угадать, если бы и захотела, кто же обитал там.

- Мертвые поэты, - обреченно произнес кот.

- А почему они отдельно?

- Сами отделились. Надеялись, что они смогут больше, крылья расправили, взлетели немного выше, создали свое общество мертвых, но все-таки Вдохновенных и окрыленных. Только получилось еще хуже, представляешь, когда Поэты, да непризнанные, да мертвые, собираются вместе – тихий ужас.

Они бродили где-то, спорили кто и у кого и что украл.

Милая девушка с каштановыми волосами дико ругалась с черной дамой, и уверяла, что это ее стихотворение, она ничего не собиралась отдавать, а та другая то ярилась, то дико хохотала, обвиняя весь мир в том, что они разорвали на куски все ее творения, которые еще миг и ожили бы, но теперь они только лоскутки, из которых не смастерить ничего стоящего.

Девушка упала в обморок, вокруг нее собрались другие поэты – она была по крайней мере хороша. Черная Дама побрела куда-то прочь.

- Медуза Горгона, а говорят, Персей ее убил.

Заторопился и Вергилий, ему больше не хотелось оставаться среди мертвых поэтов. Ужасающее это было зрелище, и насколько прекрасны и крылаты живые поэты, настолько ужасны и несносны мертвые.

Но мы отправились дальше, желая узнать, кто же и что же там, на третьем небе и выше.

На третьем небе было живее и прекраснее – здесь расположились писатели, которые были скорее живы, чем мертвы. Оживились и небеса, и мы тоже окрылились на третьем небе. Жизнь, она творит чудеса всегда и везде. Они приветливо пошли к нам навстречу.

- А вот здесь уже живой дух, - заявил кот.

- Здесь ремесленники, для которых литература – это прилагательное, они пишут свои воспоминания и исповеди, они как могут, отражают этот мир, и наверное, их книги нужны всем нам, только особенной роли они не играют, особой ценности не представляют, хотя читают их больше, чем все остальные, люди страшно любят исповеди и воспоминания, там ведь себя можно сравнить с другими и убедиться, что было лучше, - распался кот, ему очень хотелось поговорить, вырвавшись из мертвой зоны.

Странные дамы, отрешенные палачи и жертвы, чиновники и актеры стояли со всех сторон, и оставалось только припомнить кто они такие, и в чем их заслуги перед этим миром, что может быть в их воспоминаниях.

- Дальше будет лучше, - заявил Бегемот и потащил своих спутников на четвертое небо.

Здесь было оживленно – играла музыка, какие-то люди спорили друг с другом.

- Иногда ремесленники становятся Мастерами, - говорил Вергилий, оглядываясь по сторонам, тогда литература и творчество делается для них уже не прилагательным, а существительным... Она живая, она растет и цветет, она существует вместе со своими творцами.

- Это плохо или хорошо, - невольно вырвалось у меня.

- Это данность, вся приличная литература рождена этими творцами, даже некоторые бульварные романы, если они живы, а не мертвы, тоже остаются тут и не стоит снисходительно и пренебрежительно к ним относиться. Интересен любой жанр кроме скучного и мертвого.

- Они как раз в самом центре – не высоко и не низко – золотая середина, - изрек кот Бегемот, - ниже уныло – выше тревожно и страшно, а здесь в самый раз будет, для всех хороших литераторов четвертое небо – подарок судьбы.

И мы пробыли там дольше, чем обычно, встречаясь то с Александром Дюма, то с Джейн Остен – они были спокойны и счастливы, как люди получившие от творчества и реальности все, что им хотелось и даже немного больше.

- К ним не могут подняться творцы из трех нижних небес, к ним попадают сразу, когда отправляются на этот свет, - говорил Вергилий, когда мы, наконец, покинули это обширное и такое бескрайнее небо, дышащее покоем, уютом и вдохновением.

Вдохновение обитало именно на четвертом небе, вероятно, оно окончательно ожило и продлило на несколько веков жизнь тем, кто тут в это время обитал.

На пятом небо было довольно пасмурно и тихо, здесь селились те писатели, кто умел не только существовать в литературе. Они могли отражать действительность, преломляя сквозь призму своего таланта, они могли проникать в прошлое, и писать о нем так, словно сами все время жили в разных временах.

- Счастливы, - говорил Вергилий, - они путешествуют в машине времени, но только в прошлое, а потом достоверно это прошлое рисуют, уверенные, что будущее таится в прошедшем – это особенный дар, им отмечены избранные – это уже не летописцы, а торцы – таланты...

Они неудобны для тех, кого мы встречали прежде, потому что могут больше и видят дальше. А зависть – она во все времена была самым главным оружием авторов, особенно твоего милого четвертого круга, ведь они знают, что еще один шаг, еще немного поработать, и у них будут такие же яркие творения, но такого никогда не получается, им просто этого не дано.

Я с опаской посмотрела в сторону того неба, которое было уже под нами, оказывается и там все не так славно, как могло нам показаться.

Но мы поднимались вверх, а не вниз и перед нами было уже шестое небо.

- Кто же может обитать здесь? - невольно вырвалось у меня.

- Этим надо Откровение – они записывают то, что слышат извне, они могут достичь таких высот и глубин, которые нет на пяти небесах, они не могут из обычных не творить собственных, особенных миров.

Самые интересные книги, самые яркие шедевры написаны ими, они видят и слышат то, что дает нам всем высший разум, а потому они первые из творцов, кого спокойно можно причислить к небожителям.

- Но чем же они отличаются от других? Как их найти?

- Они знают и творят мифы, прекрасно знают вечные, и творят свои собственные сказания - Гете, Шекспир, Данте – вот три их главных патриарха, ну и те, кто пошел и смог пойти по их стопам.

От звучащих из уст Вергилия имен захватывало дух, и трудно было даже представить, кто находится дальше, страшно было пониматься выше.

И все-таки мы пошли, кот Бегемот в последнее время не подавал голоса, мне даже показалось, что Бегемот онемел, и его тревоги невольно передались и мне тоже. Становилось тревожно.

На седьмом небе нас встретили ТВОРЦЫ – те, кто сотворили свои миры и подарили их нам: Сервантес, безымянный автор «Тысячи и одной ночи», профессор из-за которого еще недавно мы все сходили с ума, и конечно загадочный Пруст, творения которого я так еще и не дочитала к тому времени, но понимала, какая это величина – теперь они появились перед нами.

Но спрашивать о чем-то, говорить с ними было немного страшно, и мы двинулись дальше на предпоследнее восьмое небо...

Я уже не представляла, кто там может быть, кот если и представлял, то по-прежнему таил молчание.

- Бессмертные, здесь у нас бессмертные, - говорил Вергилий.

- Но чем они отличаются от обитавших на шестом и седьмом небе.

- По сути своей ничем. Но они обречены все время возвращаться на короткий срок в этот мир, в отличие от всех остальных... Они проживают все свои жизни именно писателями, и в разные эпохи, накопив опыт, создают уникальные шедевры, оставляют их миру и уходят снова – их рукописи горят вечным пламенем и никогда не погаснут...

Остаются они потом в шестом или седьмом кругу в конкретном своем воплощении, но творческая душа снова возвращается в мир. И на самом деле достигает еще большего, и творит совсем иные произведения – здесь только бесплотные души, потому никого не могу показать тебе, - говорил Вергилий.

И на самом деле бесплотные тени, которых проще было назвать привидениями, мелькали перед нами.

Перед нами раскинулось девятое небо, там оставались избранные, те, кто избран для творчества навсегда – писательские боги, гении, светила, и те, кто двигали солнце и светила русской литературы (у каждого народа они свои), мы же увидели там, на 9-ом небе Пушкина – Тургенева – Булгакова...

Они венчали девятое небо...

Кот и Вергилий смотрели на меня...

Я же взирала на них и пыталась понять, как устроены небеса, почему все сложилось так....

Но наши светила, наши гении венчали все небеса, и мир казался ослепительно прекрасным.

От яркого света оставалось только зажмуриться, когда же я открыла глаза, то мы были снова в дремучем лесу.

Наверное, через миг мои спутники исчезнут, но хотелось спросить у них еще об одном:

- А графоманы, где графоманы, те, о которых там все уши прожужжали

- А нет никаких графоманов, этот вид писателей придумали сами мертвые писатели, чтобы считать всех нулями, но единицами себя, за это они и были наказаны, оказавшись на первом небе, среди себе подобных, им просто не дано подняться выше.

Я заметила, как стали таять кот Бегемот и Вергилий.

На поляне перед дремучим лесом полыхал Купальский костер.

Конечно, только в такую дивную ночь мы могли узнать и понять, как же устроен творческий мир на том свете, конечно, вовсе не так, как нам кажется, и как мы имеем наглость думать.

Ну а на каком небе хочется оказаться, каждый выбирает для себя, главное, чтобы миновать первое - с мертвыми писателями, да и среди мертвых поэтов навсегда оставаться не слишком приятно.

Но в тот момент появился наш рыцарь печального образа и протянул мне цветок, который он на этот раз добыл для меня.

- Ты все видела, можешь загадать желание, и оно обязательно исполнится.

Мы с Фаготом говорили о небесах.

Из ракитового куста выглянул кот Бегемот и подтвердил:

- Точно исполнится, только загадывай быстрее, ночь проходит.

И я загадала желание...

Глава 19 ВЕРНИТЕ ГРАФОМАНОВ НЕМЕДЛЕННО...

И стал рассказывать кот Бегемот еще одну свою историю сказочную, то ли прекрасную, то ли ужасную сразу и не понять.

Впрочем, слушайте и судите сами.

В один прекрасный день или вечер, никто этого точно не знает, в столице нашей распрекрасной появился странный парень в темных очках и с флейтой в руках.

Каких только парней у нас тут не появляется, но этого некоторые ученые граждане по совместительству гениальные писатели, заметили сразу – они ведь не только свои книжки, иногда и чужие читали.

И самый из них гениальный писатель Иван Жуков сразу вцепился в него и потащил в Дом литераторов.

Хотелось Ивану только одного, чтобы загадочный флейтист избавил писателей от крыс, которые одолели тот самый элитный дом, где исключительно гениальные писатели жили и не тужили, и никаких у них других проблем не было, но крысы им сильно мешали.

Откуда там взялись крысы, сказать трудно, но не разбегались грызуны, только плодились и множились, это значило, видно, что не тонул писательский корабль. Долго еще на плаву он продержится.

Но с работой своей флейтист справился быстро и очень успешно, впрочем, как и всегда.

Проснулись писатели, а крыс и в помине не было, словно корова языком слизала – будто никогда их и не было в этом священном дворце творчества и вдохновения.

Обрадовались писатели страшно, только никто из них не собирался расплачиваться с флейтистом.

Одни на других перепирались, а те на Ивана Жукова, мол, он затеял это дело, гонорар получил, вот и пусть рассчитывается, а им и с крысами было неплохо жить. Как-нибудь и так бы обошлось

Иван очень обиделся на своих братьев, он и без того всегда за них расплачивался, то в ресторане, то за такси, то за девицу, которую вызывал

какой-нибудь писатель, а потом вдруг обнаруживал, что денег-то у него не было, и нет.

Но выяснял он это всегда, когда дело было сделано, и надо было платить. Вот тогда Иван и приходил на помощь. Но на этот раз и сумма была велика, и обида сильна, Иван отказался платить.

Каково же было его удивление, когда флейтист не обиделся на него даже, посидел на лавочке, на дудочке своей поиграл, да и растаял в воздухе.

- Как хорошо мы от него отделались, и крыс нет, и платить ничего не надо, - говорили друг другу писатели и радовались, что все так закончилось...

Но это только на первый взгляд все хорошо вышло. А на самом деле исчезло большинство писателей из столицы, бесследно пропали то там, то тут. И все оставшиеся, снова бросились к Ивану Жукову.

- Ты что натворил Иванова, Петрова, Сидорова и еще несколько тысяч найти не можем. Куда они все разом делись.

Тогда и пришлось вспомнить Ивану продолжение мифы о Крысолове. Ведь все повторяется, правда, там он увел детей малых – лишил их будущего, а здесь взрослых писателей, зачем это ему, вроде доброе дело сделал, только что –то в доброту его не сильно верилось. Но пока беспокойства не возникло.

Не в первый раз было Ивану от таких нападков отбиваться, он всегда что-то придумывать успевал, вот и тут на ходу заявил:

- А ничего страшного, исчезло –то графоманы, все приличные писатели : Мастера и Гении на месте, я сам договорился о том с Крысоловом, чтобы он прихватил вместо уплаты с собой графоманов, пусть они за нас расплачиваются, делом займутся, писать свои мертвые книги перестанут.

Не сразу, но поверили Ивану товарищи по перу, а что, если уведут графоманов –то не так все и плохо, им больше места будет и на сайтах, и в ЦДЛ и в Домах отдыха, а главное – в издательствах.

Обрадовались писатели, ведь мало-мальски известные и талантливые и правда остались, а этих и не жалко нисколько.

Только радовались они недолго.

Ну, во-первых, теперь их было очень мало по любым меркам и все на виду, никуда не спрячешься за широкую спину Графомана, сразу к тебе все жалобщики и маньяки обращаются.

Во –вторых, внутри сообщества гениев и талантов пошел разброд и шатание, не на кого было кивать и пальцем показывать, они стали друг друга графоманами обзывать, и самые нежные и ранимые не выдержали этого, и даже заболели от расстройства и скандалов. Один писатель даже помер от такого расстройства.

В третьих, стали поспешно закрываться издательства, а потом и литературные сайты – гении писали медленно, нехотя, и тем просто нечего было делать.

Заглохли они в ожидании, да и разоряться начали одни за другими, особенно сеть пострадала, там то только Графоманы и вдыхали жизнь, а теперь было пусто и все пространство быльем да лопухами поросло.

Но и на этом беды наших мастеров не закончились, теперь их не с графоманами сравнивали, а с классиками, и само собой разумеется, что никакого сравнения они не выдерживали. Это с графоманами хорошо им было соперничать, а тут попробуй...

Никто их книги не покупал, и оставшиеся издательства только классиков иногда и издавали....

Долго бродили Мастера по опустевшему дому творчества, в Переделкинском парке блудили, как неприкаянные, слова сказать не с кем, а поругаться тем более – пустота и печаль, одним словом.

Тогда и бросились они снова к Ивану Жукову, быстро денег собрали, чтобы расплатиться с флейтистом, за ценой уже и не стояли, а твердили только об одном:

- Заплати ему, сколько попросит, только верни нам Иванова, Петрова, Сидорова, иначе исчахнем мы, да и исчезнем без следа. Растворится русская литература, словно ее и не было сроду. Конец света – как пить дать, конец света наступит и он не за горами.

- Да где же я теперь его найду?

- А где хочешь, там и ищи, - Мастера стали звереть, так что испугался за свою жизнь Гений Жуков, да и бросился бежать, с деньгами в пакете...

Как ни странно, никто из бандитов, которых в столице было не меньше, чем графоманов, его не тронул.

Так до Патриарших он и добежал, даже и, не понимая, какой черт его туда понес. Почему именно туда он устремился?

Прибежал он к историческому месту, где когда-то Берлиоз головы, а Бездомный рассудка лишился, а там, как ни в чем не бывало флейтист в темных очках сидит и флейту в руках вертит.

- Ты –то мне и нужен, уж не верил, что найду, - вместо приветствия завопил Гений.

- Старый знакомый, снова крысы завелись, вижу, ты уже и деньги приготовил, это хорошо, так легче будет договориться.

- Какие крысы, ты их хорошо вывел, нет больше крыс, верни нам графоманов, плохо нам без них, пусто, поругаться не с кем, не на кого

стрелки перевести, в общем, настоящая беда.... Не выжить нам без них, не продержаться.

- Вон в чем дело, - усмехнулся флейтист, - а я-то думал, что доброе дело бесплатно сделал, от конкуренции вас избавил, пиши – не хочу, издавайся, сколько влезет, никто тебе не мешает, никто на хвост не наступает, в спину не дышит.

- Да где же издателей денег возьмут, чтобы нас издать, если их издавать перестанут, - выпалил Жуков. - Только на то ведать и держались, что Донцовых и Поляковых издавали, и нам что-то от того пирога перепало, а теперь нет ничего - хоть плачь, хоть вой, пожалей ты меня, ведь растерзают братья гении, как пить дать растерзают, если наши плодовитые, писучие графоманы не вернуться назад.

- И правильно сделают, если не вернуться, нечего было сук рубить, на котором сам сидел.

- Согласен, только что нам теперь делать, когда сук уже срубили, ты же оставишь нас в беде.

- А вот я у них спрошу, захотят ли они к вам вернуться, может никаких денег не хватит, чтобы их назад вернуть, да жизнь наладить, вы ведь снова обзывать, клеймить их, плевать станете. А им оно надо, когда они среди своих веселы и довольны и забыли о вас давно, живут, не тужат.

Обмер гений Жуков.

- Не станем обзывать, мы их беречь будем, пылинки сдувать, никто дурного слова не скажет, уж ты мне поверь.

- Да тебе - то я верю, а как ты за других ручаться можешь.

- Да не дураки же они, пострадались, только и мечтают, когда вернуться наши Ивановы, Петровы, Сидоровы, ты уж не откажи, не дай нам всем помереть.

Долго еще переговоры велись, до самого заката, который показался Гению кровавым, тогда и понял он, что с литературой и с ними со всеми покончено.

А тут флейтист взял и сжалился.

- Ладно, вернуться они, только не забудь, что ты слово дал, как только это нехорошее слово «графоман» прозвучит, так снова одни останетесь, тогда никакие уговоры и сокровища не помогут, последний шанс даю вам, другого не будет.

- Не прозвучит, никогда больше не прозвучит, - голову на отсечение даю.

- Ты головами - то не разбрасывайся, да еще в том месте, где один из вас голову, помнится, потерял, одна она у тебя, другой все равно не будет.

Исчез флейтист, когда Жуков от ужаса глаза закрыл, пакет с деньгами так у него и остался...

Но вернулись в тот же миг все писатели, которые пропали...

Жизнь была вроде бы прежней, только издательства заработали, литературные сайты ожили, сколько там новых творений появилось, даже таланты и гении забыли о кошмаре и потихоньку писать начали. Когда графоманы для них денюжат заработают, то и их издавать начнут.

Ничего не изменилось в этом мире, только странность среди писателей появилась, как кто захочет слово графоман произнести, так язык у него каменеть начинает, вот и смолкает он невольно.

Кому же хочется снова оставаться в пустоте и одиночестве.

Поняли Мастера одну простую истину, которая прежде до них никак не доходила, от спеси или гордыни непомерной, а истина эта очень проста:

- Если графоманы появились, то они кому-нибудь нужны и важны. А если ты этого не понимаешь, то появится флейтист и покажет тебе это на деле, только стоит ли судьбу испытывать. Сначала радоваться, что они пропали, а потом требовать: - Верните графоманов обратно.

Но писатели, как и все остальные легкомысленные граждане, только на своих ошибках учатся, вот и появляется флейтист то здесь, то там.

Говорят, его недавно на Патриарших видели. Наверное, снова кому-то из гениев захотелось, чтобы графоманы исчезли, а они бы одни и остались.

Но сколько нас может кот Бегемот предупреждать, что надо бояться своих желаний, потому что они сбываются...

Глава 20 ОЗАРЕНИЕ - ПОЭЗИЯ ТОРЖЕСТВУЕТ 21 мая –конец света или Тьмы

21 мая какой-то пророк объявил о конце света

Эту новость растронжирили все СМИ, не говоря уж о сети.

Вечером 19 мая Алина легла спать поздно, вспомнив перед сном, что сон с четверга на пятницу, и он должен исполниться.

Когда она засыпала, до слуха доносились монологи о конце света, о том, что все отправятся...

А вот куда они отправятся, услышать этого Алина не успела, она провалилась в бездну сна, словно в пропасть...

Странно, это мог быть чуть ли не последний день и в ее жизни.

№ № № № № № № № № № № №

Осенний вечер был тих и ненастен.

Алина впорхнула в кабинет редактора и замерла, очарованная, околдованная, излучающая какой-то дивный свет.

- Богиня, - прохрипел человек за массивным столом, который был явно ему не по размеру.

У его ног, как и полагалось Ведущему редактору, улегся на ковер пес.

- Мы принимаем к изданию, остается подписать договор на выгодных условиях.

Она растерялась, может быть в первый раз в жизни.

- Роман «Тайны наслаждения»

- Вот еще, кому нужна эротика. Не смейся меня, королева.

- Эпопею «Лунный лик Люцифера»

- Нет, Мессир просил положить это творение в издательский портфель, он еще подумает, стоит ли игра свеч.

-Значит, «Лабиринт Тезея»

Писательница была страшно легкомысленна, она же прекрасно знала своего редактора, он давал на отгадывание его загадок только три попытки, и только теперь она поняла, что все три выстрела и близко не попали в цель.

- Спокойно, Алина, - произнесла она почти беззвучно, - стоит сохранить хорошую мину при плохой игре. Как же на самом деле звучало это крылатое выражение.

Но вспомнить его она уже не могла.

- Богиня, - усмехнулся ее редактор, - хорошо, только ради тебя, наступая на горло собственной песне, даю тебе еще одну попытку угадать, что же мы будем издавать уже завтра. Но если не угадаешь, не выведешь тень из тьмы, потому не просись, как Орфей, назад, даже Харон был непреклонен, а меня ты знаешь.

- Я знаю тебя, - задумчиво произнесла Алина...

Что будет издавать этот тип? Какова его редакторская политика. Если учесть, что у Алины есть творения всех жанров и даже скучного, а он знаком

со всем, что ей творилось и бросалось, и дописывалось, то угадать практически невозможно.

В первый раз она пожалела о том, что написала так много. Нет, больше трех романов писать нельзя, если бы было три, она бы угадала его замысел, а так, это же не реально.

И странно: жизнь была - восторгом, бурей, адом,

А здесь - в вечерний час - с чужим наедине -

Под этим деловым, давно спокойным взглядом,

Представилась она гораздо проще мне...

Алина бормотала это стихотворение, то ли для того, чтобы немного потянуть время, то ли пыталась угадать, отыскать в тексте ответ на свой вопрос.

Редактор сидел молча, он казался непроницаемым, наверное, даже он в тот момент, близка ли она к разгадке или стала от нее еще дальше.

Когда работаешь с женщинами, разве хоть что-то предугадать можно?

Кажется, он даже загрустил, или это только сплошное притворство?

Представилась она гораздо проще мне...

И словно в той самой безбашенной игре, где проигрывали миллионы, если не правильно отвечали, она напряглась так, что могла бы лишиться чувств.

От ее недавней легкости не осталось и следа. Алине казалось, что Атлант, о котором она только что закончила повествование, положил земной шар на ее плечи, и она не сможет обмануть никакого Геракла, так и придется держать его до самого конца своих дней... Странное чувство, ничего не скажешь.

Она вела свою игру, только не «Как украсть миллион», потому что нельзя взять деньги и уйти, не отвечая на следующий вопрос. Как раз наоборот, ей не достанется ничего, если она уйдет молча...

Такую игру мог вести только ее редактор.

- Орфей, помоги мне, Орфей

- Вот к нему –то нужно обращаться в последнюю очередь, - подсказал ей редактор, - он и любимую свою не смог вывести, а тебя и подавно. И за что только вы все так любите этого Орфея... Хотя, понимаю, любовь зла, полюбишь и Орфея.

Это было озарение или величайшая глупость, на которую только женщины и способны.

Мысленно Алина попрощалась и с редактором, и договором, а может быть и со своим творчеством, но то, что она выпалила, сначала не поняла даже сама, и он, кажется, не понял.

- Поэтический сборник, 20 авторских листов.

Теперь она пристально смотрела на него, так как никто никогда на него не смотрел, не посмел бы, но этой девице больше нечего было терять.

Она видела, как каменело и мертвело его лицо, словно он раздумывал о чем-то и прикидывал, что же ему следует сказать и сделать...

- Почему ты так решила...

- Я брякнула первое, что пришло в голову.

- Орфей спас тебя или ты его, черт ногу сломит, чтобы разобраться в том, - бормотал он, доставая договор, где так и было все указано, но самое главное, Алину поразила цифра тиража..

Какие там «Тайны наслаждения» и «Легкая эротика метели» тиражом 100000 экземпляров.

Она поставила свою подпись и взяла экземпляр договора, уверенная, что он тут же растворится у нее в руках, ну в лучшем случае там будет только несколько белых листков.

- Не исчезнут, не надейся, я слишком долго ждал автора, который сможет угадать мою редакционную политику, с того проклятого 1917 –ни один не угадал. Они строчили дикие производственные романы, нудные воспоминания из собственной бесцветной жизни, ужасающую порнушку, любовную тяготию, из-за которой у меня сводило скулы, но ни один из авторов 20 века никогда не мог угадать чего хочется мне. Не обольщайся, ты тоже недалеко от них ушла, три раза ты пыталась угадать чего якобы хочется мне самому – какая дикая порой самонадеянность бывает у людей... Не знаю, что позволило тебе, наконец, угадать..

- Орфей, - говорила Алина

- И все-таки Орфей, - задумчиво повторил Редактор, - впервые за тысячу лет он немного по-другому подумал об этом герое-неудачнике, который не мог ничего сделать в реальной жизни, даже спасти свою любимую, и только его песни способны были чаровать весь мир.

У него не было ни дерзости Тезея, ни силы и воли Геракла, ни невероятного обаяния Персея, ни коварной хитрости Одиссей, ни мощи царя Агамемнона, у него были только чарующие песни. И кто бы мог подумать, что именно Орфей окажется в какой-то миг впереди и победит в поединке пошлятины и лицемерия с ПОЭЗИЕЙ. Он не вывел из тьмы свою Эвридику, но он попытался вывести к редактору Поэзию.

Но ему на этот раз удалось вывести Алину из лабиринта бульварщины, и где-то рядом уже хрипел Пегас Персея, и она верила, что голова Медузы не обратит ее в камень на дороге, по пути к Парнасу. А надо было признать, что дорога эта стала нехоженой, неезженной и заросла крапивой, лопухами и колючками да так, что и самому отважному не пробраться...

Поэзия снова вошла в сферу интересов ее любимого редактора и стала частью редакционной политики, как во времена серебряного века, какой чарующий и сладостный сон, как же не хочется просыпаться и возвращаться к пошлой и жуткой реальности.

Но сон с четверга на пятницу, а если сбудется?

Правда, да конца света, до 21 мая всего один день, наверное, это слишком мало, хотя если есть еще хоть один денно, то не все потеряно...

Метались тени женщин и коней
Над пропастью серебряного века.
И ужас, проступавший все ясней,
Нам показал - эпоха вдруг померкла.
В истошном крике ворона - кошмар,
И ужас больше души не оставит,
И совесть снова жалит, как комар,
А миром только дикий хаос правит.

О, грации, о, музы, в этот час,
Вы словно вечно загнанные кони,
И больше не останется для вас
Поэтов и художников, погоня
Вас к пропасти бросает, миражи
Там в городе несбывшихся иллюзий,
Лишь тени продолжают стойко жить.
Но где же ваши песни, где же люди.

И там, в тумане, мраке, у черты
Где рушится прекрасная эпоха,
Лишь Волянд усмехнется с высоты,
А в пустоте я вижу профиль Блока,
«Увижу я, как будет погибать,-
Он говорит так тихо, так печально,

И только в пустоте немой опять
Метались музы, уносили тайны.

Мир нем и слеп, ему не до стихов,
Поэзия осталась за чертою.
И пусть хранит надежда и любовь,
Век - каменный цветок, а нам не стоит
Мечтать о том, что чуду вопреки,
Появятся прекрасные поэты,
Когда Пегас над пропастью летит,
И гибнет на лету по всем приметам.

Нам проза остается в грозный час,
И погибает милая Отчизна.
И тайна ритма остается в нас,
Последний луч, там свадьба или тризна?
А все равно, и вдохновенья нет,
Я вижу гибель гордого Пегас,
И женщина – звезды сторевшей свет,
Обрывки грез, иллюзии, и фраза,

Которой не припомнить мне вовек,
Откуда это, кем-то написалось,
И только над пустыней белый снег
Парит и тает, и душа металась,
Как тени женщин дивных и коней,
В тумане грез, мне это лишь приснится.
Живут стихи в каком-то чудном сне,
В реальности не в силах воплотиться.

В истошном крике ворона - кошмар,
И ужас больше души не оставит,
И совесть снова жалит, как комар,
А миром только дикий хаос правит.
И ужас, проступавший все ясней,
Нам показал - эпоха вдруг померкла.
Метались тени женщин и коней
Над пропастью серебряного века.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и мне подумалось, если вдруг 21 мая наступит конец света, как об этом твердят то там, то тут, то на суде, которым нас так пугают, что смогут сказать, как оправдаться наши редакторы, наводнившие мир творениями явно сомнительными.

То, что поэзии нет в их планах и в помине, это не только их вина, и наша беда, это то отторжение от поэтического слова, возникшее у нас (и у них, у редакторов) в душах, когда издавалось поэзии больше, чем достаточно.

У меня у самой несколько сотен тонких, копеечных сборников с набором текстов, которые ничего не дают ни уму и ни сердцу...

Эти люди на тусклых фотографиях рифмовали все порой довольно умело, мой брат называл их стихоплетами, но почему же они так страшно далеки от нас, боюсь, что большую часть тиражей поэтических книжек никто никогда не открывал и не откроет, как и творения сегодня в Интернете.

Но даже те стихи, которые находят отклик в наших душах, скорее из-за актуальности проблемы, и страшно далеки от совершенства по форме – они тоже вбивают свои гвозди в крышку гроба Поэзии, и хоронят ее безжалостно. Да, что там – давно похоронили, как Святогора в каменном гробу похоронил Илья.

Я прекрасно понимаю тех издателей, которые не собираются издавать поэтических сборников - не хотят плодить бесчисленные необитаемые острова, куда ни один Одиссей даже по воле Посейдона не заглянет, а если такое чудо и случится, то тут же убежит с этого острова не глядя.

Кто сегодня поверит в то, что во времена серебряного века – поэзия была всем, и через пару лет после 1917 года, вопреки миллионным тиражам, она стала уже ничем?

Как такое произошло, и будут ли иные времена для Поэтов?

Конечно, если не наступит конца света.

Глава 21 СТРАШНАЯ ТАЙНА ПРОРОКА

Закат алел над, солнце тонуло в Иртыше.

Воланд двигал шахматные фигуры в каком-то одному ему известном порядке, почти не глядя на доску.

Фигуры трепетали и замирали, не понимая, куда и зачем им теперь следует двигаться. Мессиру на этот раз правила игры не были писаны.

Кот издали взглянул на королеву, к которой приближались тонкие пальцы мессира, и не выдержал.

Он должен был спасти королеву.

Наш Бегемот решил заменить собой всю спасательную службу страны, и надо сказать, что и прежде и теперь делал это более удачно, чем тот, кто за это деньги получал.

Конечно, не в деньгах счастье, и даже не в их количестве, но следовало бы как-то хоть отрабатывать свою немалую зарплату, ведь может случиться так, что Бегемота не окажется на месте, и что тогда?

Но пока кот был на боевом посту и бросился со всех лап к королеве.

Готовая упасть в обморок, королева облегченно вздохнула и даже подмигнула коту: - Спасена.

- Чего тебе, Рыжий? - проворчал Воланд.

Кот посмотрел на себя, может, он и правда от напряжения рыжим стал, но нет, вроде бы нормальный, черный кот – все в порядке...

Но тут его и осенило... Он вспомнил огненного Баюна.

И вроде метнулся без всякой задней мысли на спасение, а теперь у него уже был план, да еще какой.

- Думаю, им надо открыть тайну гения.

- Какую именно? - спросил Мессир, словно у гения была дюжина тайн.

Но кот даже не обратил внимания на его иронию.

- И кому же ты ее открывать собрался?

-Королеве, - выпалил кот.

Королева на шахматной доске удивленно подняла брови, она уже не радовалась спасению, ясно, что кот запросит за это нечто невообразимое, даже не алмазные подвески, а больше...

- А как она тебе поможет?

- Да я об Алине, конечно, эта уже нам ничем помочь не сможет.

Королева, услышав такие речи, обрадовалась и опечалилась одновременно – слышать такое от кота было невыносимо, но он не станет ее обременять какими-то просьбами, это уже утешает...

- И ты отправишь ее туда в те жуткие часы и минуты?

- А у меня нет другого выхода, - заявил кот

- Жестоко, - не отступал Мессир.

- Но это может помочь спасти мир.

- Если она догадается, о чем идет речь.

- Она сообразительная.

- Но не до такой степени. Да при таком потрясении.

Кот махнул лапой и исчез, Мессир отодвинул в сторону шахматы и позвал Абадонну.

- Посмотри, что кот там будет делать, и если что, вспомни, как поступил Афраний с этим распятым Пророком.

Абадонна кивнул и исчез вслед за котом...

Можно было передохнуть и немного поразмышлять, следить за тем, что происходило по ту сторону времени, в прошлом, которое прошло и быльем поросло, Воланду не хотелось.

Потом они сто раз ему расскажут, как это было, нет, пока покой и забытье, надо же когда-то отдыхать.

№№№№№№№№№№

Алина очнулась в каком-то особняке, где снимали фильм и все вокруг нее были в древних нарядах века 19. Она невольно оглянулась, где же съемочная группа, такое впечатление, что люди тут просто живут. Но еще больше ее удивляло то, что она и сама тут оказалась.

- Вот именно живут, - услышала она давно знакомый низкий голос, который мог принадлежать только коту – ни с каким другим не перепутать.

- Ты хочешь сказать...

- Иди туда, а то будет поздно.

Он буквально втолкнул ее в комнату, куда проскользнул и какой-то старик с корзинкой... В корзинке были куски льда, еще что-то.

Алина оказалась в библиотеке, такой, какая ей снилась когда-то в детстве – полки до самого потолка заставлены старинными книгами, каждую из которых хотелось открыть и полистать.

Смутил ее только пронзительный душераздирающий стон.

Сначала она не видела того, кто лежал на диване за спинами людей, около него стоявших, а потом забыла о книгах, хотя можно ли о них забыть?

- Пушкин, - прошептала Алина.

- Пушкин, - ответил ей кот.

Она отступила куда-то к стене и чуть не врезалась в книжную полку.

- Последние минуты гения, - продолжал он.

- Зачем ты меня сюда притащил.

- Потому что пред лицом вечности он тебе откроет тайну.

Но он чувствовал, что у Алины уходит почва из-под ног. Оказаться в комнате, где умирает человек, где умирает Пушкин – все, что угодно только не это.

Кот откуда-то извлек нашатырный спирт и сунул ей под нос.

- Приди в себя, у нас нет времени, все это мгновение, а я тебе не смогу подсказать, даже если захочу, ты должна это услышать сама. Ну не подведи меня, это же не бал Сатаны, а всего лишь Пушкин умирает.

Кажется, кот издевался, но Алине было не до шуток, она просто ослепла, оглохла, онемела.

В это время Учитель куда-то поспешно вышел, и он остался один.

Взор его устремлен был на книжные полки:

- Прощайте, друзья мои милые прекрасные, - шептал он.

Алина дрожала всем телом, кот напрасно пытался ее уверить, что поэт не может их видеть, они призраки, привидения в этом мире.

Вдруг он снова вжался в подушки дивана и зашептал:

- Мир погибнет, сгорит библиотека, я не увижу, я счастливчик...

И все, снова вбежали какие-то люди, за спиной Учителя стоял кто-то в темных очках и тот отстранился, словно бы он его заметил.

- Абадонна, - прошептала Алина.

- Он умер, - твердил учитель.

Демон переместился к ним.

- Меня Мессир послал, напомнил о распятом, о том, что для него сделал Пилат. Пришлось исполнить, - он беспомощно развел руками.

Но они все трое уже перенеслись куда-то на опушку леса, того или этого времени, так сразу и не понять.

Только сейчас Алина снова вспомнила, что Бегемот говорил о тайне гения..

Ведь не просто же так он заставил ее пережить весь этот кошмар...

- Но в чем же его тайна? – обратилась она к Демонам.

Те, молча переглянулись.

- Все напрасно, промашка.

- Ну, хотя бы муки его не были такими долгими.

Алине стало страшно за себя обидно. И она начала вспоминать.

- Он говорил, что мир погибнет, когда...

Она мучительно пыталась вспомнить, что же следовало в том бреду дальше.

- Сгорит библиотека, да, он же говорил о книга.

Она подпрыгнула на месте:

- Но ведь об этом же говорил Блок в 1917, когда его встретил Маяковский на площади, он сказал о том, что у него в усадьбе сожгли библиотеку...

Кот облегченно вздохнул.

- Я говорил Мессире, что ты не так глупа, а он не верил.

- Значит мир погиб тогда? - переспросила Алина

- Да, он погиб, но библиотеки тогда сожгли не все, конечно, смешно сравнивать эти библиотеки, но они все-таки жили, а вот нынче наступил тот критический момент. Все, что накоплено веками, сгорит в огне или умрет навсегда. Не открытые не разу книги, отправленные на свалку, это не гибель мира.

Человек, не открывающий книги – мертв душой, он уже не имеет право называться человеком... И судить его будут все классики, к которым он за всю жизнь так и не прикоснулся....

Самое страшное из всего, что мог совершить человек – это сожженные библиотеки, потому что в них умирает вечность, и те, кто мог бы остаться бессмертным, если бы не случилось варварства. Не говорите, что вы никого не убивали, что не причастны к убийству, если книги у вас остались мертвым грузом, а то и на свалку отправлены – нет варваров, страшнее варваров книжных, они уничтожат мир...

Алина замолчала напряженно.

Нет, она открывала и читала и покупала книги постоянно, но много ли таких осталось?

-Их становится все меньше, каждый из них – звезда, способная еще светить, но как только погаснет последняя звезда, мир погрузится во мрак... Не это ли конец света?

Она и во сне видела полыхавшую библиотеку, какие-то тени и люди бросались в огонь, чтобы спасти книги, а другие просто молча наблюдали, не понимая, что они убивают не только свою душу, но и весь остальной мир.

Она пробудилась в ужасе, решив, что так и не успеет поведать им тайну пророка...

Но разве у нее не осталось никакого времени?

Это не может быть, как не должно быть на свете...

Она еще сможет рассказать им о самом главном, обязательно сможет

Глава 22 Бессмертный Автор или мертвый Писатель? Кто ты?

Солнце еще и не появилось, когда Ричард был уже на ногах...

С солнцем поднимаются короли. Для него же это непозволительная роскошь. Сколько всего можно сделать еще до восхода солнца.

Еще раз перечитать все важные законопроекты и внести свои поправки, составит список чиновников, которых нужно убрать как можно скорее, иначе они доведут страну до краха. И он проследит за тем, чтобы все, получившие черную метку, канули в Лету.

Предупредить королевскую наложницу о том, что у нее появилась соперница, грозная соперница, и ей надо быть осторожной и внимательной, нож в спину та воткнет в прямом и переносном смысле. Хотя случится то, что случится, королева погибнет, но он должен предупредить ее, пусть попробует защититься, так интереснее жить на белом свете.

Надо встретиться с кардиналом и показать ему, кто в мире хозяин, а то вон как расшалился, забыл о том, что над ним есть бог и он Ричард, если правит королем, так думает, что и управы не найдется. Нет, и серого кардинала ждет разочарование, не бывает власти абсолютной в реальности, все только иллюзия.

Потом следует заглянуть в суд и убедиться в том, что судья пусть и не Соломон, но хотя бы как-то сносно исполняет свои обязанности. Люди должны верить в справедливый суд, иначе во что им еще верить остается? И палача надо найти хорошего, последний только и делал, что пил, а когда у палача дрожат руки, то какая же эта казнь, какое зрелище. Нет палач должен быть трезвенником, не знающем сомнений, не подверженным страстям, на кого еще можно положиться, если не на палача. Хотя лучше всего с ним вовсе не встречаться, но уберите палача и государство рухнет.

Министры совсем распоясались, одним мальчиков подавай, а другим девочек лет 12 - куда только король с кардиналом смотрят.

Хотя понятно куда – туда же куда и министры, ведь те берут пример с этих - иначе перестали бы мечтать о девочках и мальчиках. И только Ричард – хранитель морали и нравственности, в этом развращенном, но таком реальном мире.

И только он один не должен сметь и обязан заботиться о своем государстве.

Как с такими королями и кардиналами и министрами не пришло все к упадку и разрушению? Как тяжела его невидимая корона, кто бы это знал. Да вот только его усилиями и держится мир, иначе все бы рухнуло, и все эти короли Солнце, остались бы, как черные дыры, в которые проваливается все хорошее, доброе светлое.

Но нет, мир стоял, и будет стоять, пока Ричард просыпается до рассвета, пока он везде успевает, все видит и слышит, пока он казнит и милует, беседует с королями и уличает кардиналов – пусть не думают, что над ними нет всевидящего ока, оно есть, было и будет всегда...

Но как же тяжела, как невыносима его работа, его служба государству, богу, хотя, кто вам сказал, что он сам не бог?

А если не он - то кто правит мирами, кто рубит головы королям, или все-таки оставляет их в живых, но отправляет в изгнание, вместе с постылой королевой, из-за которой все это случилось, и очаровательной любовницей, должно же быть какое-то утешение у бедного изгнанника. Да, он любит мальчиков, но отправится с любовницей, а вдруг одумается и станет нормальным, ведь только такие потрясения и делают из королей мужчин, а не станет, так и казнить можно, казнить никогда не поздно. Но пусть потом на судьбу не жалуется, и палач для него найдется самый лучший.

Но потом Ричард сменит гнев на милость и наверняка его вернет назад, когда король поймет все свои косяки и промахи государственной важности,

а если не поймет, то Ричард ему объяснит, научит, а если не захочет – заставит... Ведь должен же кто-то быть этакой службой спасения.

И от важности возложенной на него миссии, им самим и возложенной, он стал, кажется выше ростом, грудь расширилась, в глазах появился странный блеск, словно сама королева Марго только что постучалась в дверь, и вот сейчас бросится в его объятия.

Кстати о королеве, давно пора заглянуть туда и посмотреть, что там творится. Но не слишком ли много бесчинств и кровопролития, хотя королева Марго стоит того, и без нее не обойтись. Да – это будет лучший его роман, он так и назовет его: «Королева Марго» - просто и со вкусом.

И вот уже рука потянулась к перу, перо к бумаге, - веселый добродушный толстяк усмехнулся, заглянул куда-то за горизонт времени и пространства и продолжил сочинять и описывать свое могучее государство, свою страстную королеву.

Оно было только на бумаге, только в его воображении? Ну не скажите, это вы все от зависти. Это он правил мирами, свергал и возводил на престол королей, останавливал серых кардиналов, правил инквизицией, если та забывалась, подыскивал достойного судью и палача...

И добрый король Макбет был обязан ему тем, что останется в веках злодеем, каких свет не видывал. Так было и так будет всегда.

Просто он для себя в один прекрасный день поменял местами реальности – первая стала второй, а вторая первой.

И надо сказать, что в той второй, которая стала первой, он прекрасно устроился, живет, не тужит, и обеспечил себе бессмертие, хотя пока еще не ведает о том, а может быть ведает, кто его знает..

- Алекс, бездельник, и сколько ты можешь сидеть и ничего не делать, - услышал Ричард голос своей сварливой возлюбленной, очнулся и снова вернулся к унылой и скучной реальности....

Но как же не хотелось ему возвращаться туда. Почему он не прогнал эту девицу и не остался в одиночестве, чтобы никто не напоминал ему, что есть еще и пошлый, пустой мир, где у каждого свои заботы и хлопоты. Там медленно течет время, а он не становится моложе и краше, и давно уже старается не смотреть в зеркало, не потому что не отражается в нем, хотя может быть уже и не отражается, просто знает, что ничего хорошего там не увидит...

Нет, уединение, - это единственная отрада, которая ему еще осталась в этом мире, и не стоит возвращаться оттуда сюда, тогда и будет гармония и

радость, которой в реальности никому никогда не удавалось достичь.
№№№№№№№№

Кот Бегемот окончил свое новое сказание, почесал лапой живот, словно бы это могло помочь ему думать и сочинять, и взглянул на Алину. - Я тебе доходчиво объяснил, почему этот парень захотел стать писателем, а не министром, кардиналом, палачом?

Да просто он понял, что может большее, чем только быть кем-то, он может быть всеми сразу да и господом богом в придачу, а это чертовски приятно...

Я уж не говорю о моем Мастере, который меня придумал и выпустил в мир, не только из-за мессира, но из-за меня его никогда не забудут. А подарив бессмертие нам, он его подарил и себе самому тоже, никто не остался в накладе, а короли? Что короли – они несчастны и смертны. Они всегда в плену не только у времени, окружения, условностей, но и у писателей и художников, и будут такими, какими те их изобразят. Про бедного Макбета я тебе уже говорил, и так со всеми, был бы Шекспир, а король для него всегда найдется, и будет плясать под его дудку.

На этой высокой ноте Бегемот оборвал свою лекцию о писателях и королях...

Воланд усмехнулся и посмотрел на него с интересом, хотел что-то спросить, но не успел. Мессир потянулся к шахматной доске и убрал королеву.

Бегемот, почувствовав угрозу, быстро произнес:

- Кстати, королева, а ты ведь не знаешь, что Автор, значительно выше писателя, это самый почетный титул для сочинителя. Ну, так, по крайней мере, было в древнем Риме, а дороги все ведут в Рим.

- Там оно значило увеличивать, умножать, - напомнил Фагот.

- Вот именно так называли военачальников, которые увеличивали границы империи. Вот и имя "автор" заслужил тот писатель, который умножал духовное богатство...А посему ты можешь быть писателем, но не обязательно станешь Автором. Не стоит ли и нам перейти к таким критериям и потрудиться еще для того, чтобы стать Автором, а не просто писателем...

Алина шла по лунной дорожке сада. Она понимала: как и писателю, о котором ей поведал кот Бегемот, ей хотелось только одного – уединения и того нереального мира, в котором она будет жить. Тогда она добьется того, чтобы он стал реальным не только для нее, но и для всех, кто откроет ее творения.

И пусть пострадает от этого какой-нибудь, давно покинувший мир король Макбет или композитор Сальери, - искусство всегда требует жертв. Зато она еще при жизни на земле найдет для себя тот рай, ту гармонию, которую можно достичь только тогда, когда писатель, увлеченный любимейшим делом, наконец, почувствует себя Автором, и подарит бессмертие и коту Бегемоту, и Понтию Пилату, и себе любимому...

- Автор – творец, пусть всегда будет бессмертный автор, а не смертный писатель, и тогда придется отменить конец света...

Глава 22 Извлечение Люцифера.

На город опускается туман,
Окутал душу ужасом и снами,
Нам Лучезарный был однажды дан,
Что сделали мы с ним? И за словами,
Исполненными трусости и лжи,
Он гордый, стал однажды глыбой мрака,
И кот Баюн от ярости дрожит.
Но рукопись еще горит по знаку....

На этот раз кот Бегемот был страшно серьезен.

Вот именно страшно, потому что в комнате повисла тишина ничем и никем не нарушаемая. Ужас метался из одного угла в другой. И хотя в лапах Бегемота не было револьвера, но слышались выстрелы, невидимые пули металась в воздухе.

Маргарита не могла и голоса подать, таким подавленным и почерневшим его никто и никогда не видел.

- Что это с тобой?

-Я в печали, - заявил кот.

- С чего бы это, и когда это началось? – допытывалась королева.

- А тогда, когда огненный кот Баюн почернел от горя и стал моим собратом по окрасу. В 10 веке, и вот уже 11 век я в плену и в печали, - пожаловался кот.

- Ну как бы не почернел наш Баюн, он никогда не станет таким коварным и яростным, как ты, - вырвалось у Марго.

Воланд посмотрел на кота, кот на Воланда, бесы смотрели на них обоих. Каждый ждал, пока кто-то другой произнесет слово и откроет рот.

- Королева, ты не права, Бегемота всякий обидеть может, но в шкуре каждого Бегемота сидит Баюн.

Как и всегда кот заговорил первым...

- И когда же он выйдет из этой шкуры? – поинтересовалась Марго

- Когда будут исполнены три желания – ничего нового, желания будет три, только они очень сложные, почти неисполнимые, как в мифах и сказках. Зато, если сбудется, то Иванушка дурачок станет царевичем, - пообещал кот, напоминая, что все сказки он знает прекрасно.

- Боюсь даже представить себе, что это будут за желания - задания

- Ничего личного, - кот поднял лапу вверх,- все для того, чтобы изменить и спасти этот ужасный и несчастный мир.

- Бегемот спасает этот мир? - спросила Марго.

- Баюн спасает этот мир, а Бегемот только помогает ему.

- Ну, хорошо, - Марго понимала, что с котом спорить бесполезно, с ним даже Мессир не спорит.

- Желание первое – поджечь все рукописи и проверить, что вы натворили, чего они стоят, и мертвые они или живые.

- Чтобы вся литература сторела ясным пламенем?

- А вот и нет, это ведь все святоши придумали, что если рукописи не горят, то они хороши, правильные, так, обдунив вас, они оставили вам мертвые рукописи, словоблудие спасло их на тысячу лет... Но разве ты не убедилась, что рукописи должны гореть, а не дымить и не чадить, не подожжешь только того, кто уже сторел, это даже ваш какой-то там поэт Бездомный говорил, помнится на заре туманной юности. Подожжем мы рукописи, те, которые горят, оставим, остальные на свалку. Тогда снова настанет золотой век для литературы...

Кот плутовато взглянул на Марго, от вечной его печали не осталось больше и следа.

- А позволь мне угадать, чего ты боишься? Не того ли, что роман Мастера сторит? Ничего не обещаю, это уж как получится, но не можем же

мы из-за одного романа заставить погибнуть остальной мир, тогда и этот роман останется без надобности, живой он или мертвый...

- Ну, хорошо, мы столько пережили всего, что придется согласиться, но там ведь есть еще два желания, которые должны исполниться.

- А то, и второе из них, - Бегемот ткнул пальцем в Азazelло и Коровьева – оправдать наших бесов, которые вовсе и не бесы, а черти, и вернуть их в древний мир сатиров и духов. Пока этого не случится, а они будут нагло смешаны с бесами святош, чему те страшно рады, все остальное бесполезно, пусть черти снова станут милыми сатирами, а бесы убираются вместе с ангелами...

- Ты меня запутал, в этом я ничего не понимаю, - обреченно вздохнула Марго.

- А в этом никто ничего не понимает, я тут давеча сказку прочитал «Черт и Ангел». Интересно как можно ставить древнего чудного черта рядом с этим бесплотным и бесчувственным ангелом. Да будет тебе известно, насколько они древнее, прекраснее. Да каждый черт - лучшая часть человека, его первый помощник, его душа, которая всегда могла быть по ту и по эту сторону бытия, общалась с миром духов. И человек всегда был защищен, никогда не оставался в одиночестве. И вот свалились с небес те самые бесы, присосались к чертям, перепутались с ними с великой радостью, так что их ангелы уже от чертей не отличали, и все творили от их имени, втиравшись в доверие, а люди предали своих чертей, стали обзывать их бесами. А те и рады, они достигли своего, всего, чего им хотелось... И только кот Бегемот, последний из племени чертей, требует, чтобы вы прогнали бесов и вернули чертей, тогда и люди переменятся, вы души их защитников им вернете.

Марго взглянула на Воланда, - тот казался безучастным. Почему-то она поверила на этот раз Бегемоту...Но можно ли отделить чертей от бесов, сдадутся ли те просто так?

- А третье желание? – очень тихо спросила Марго. Бегемот молчал, словно ждал, пока Воланд позволит ему говорить. Незаметный жест Мессира заставил кота взмахнуть лапой и открыть рот.

- На заре времен у нас был самый прекрасный и восхитительный из богов – Лучезарный хранитель света, он был неотразим, обольстителен и прекрасен, я не понимаю, как мог он превратиться в Глыбу мрака, какой ужас должны были внушить вам святоши, чтобы такое случилось. Но когда они лишили вас чертей и сатиров, и кот Баюн почернел от горя, то им осталось немного: гордость превратить в гордыню, белое сделать черным,

живое - мертвым, Люцифера – хранителя света - глыбой мрака, огонь костра превратить в огонь свечи, такой тонкой, что и в лапах не удержать - Бегемот взглянул на лапы...

- А почему же он не противился, - вырвалось у Марго.

- Из вредности, ему хотелось, чтобы человек сам осознал, что он творит, а вот это труднее всего. Когда черти стали бесами, преданные ушли в тень и ждали, когда очнется и одумается мир, когда найдется тот, кто захочет все понять и спасти его, мы нашли тебя, мы оторвали головы самым страшным злодеям, мы долго и упорно шли к спасению...

- И что же теперь делать?

- Заставить гореть творения, прогнать бесов и вернуть чертей, и Глыбу мрака превратить в Хранителя света, и тогда?

- И тогда кот, почерневший от горя, станет огненным Баюном, - наконец произнес то, что давно у него вертелось на языке, Бегемот.

- Но у нас больше не будет Бегемота, – вырвалось у Марго.

- А на кой он вам нужен, от него же только заботы и хлопоты, и пожары, - стал перечислять все свои деяния кот..

- Ну, все равно жалко.

Кот не верил ушам своим, он и на самом деле не ожидал такого от любимой королевы...Доигрался, надо как-то спасать ее и себя.

- Но я обещаю, если ты вернешь мне шкуру Баюна, пару раз в году становиться Бегемотом, и тогда мы с тобой почудим и почудесим, только не забудь, что делу время, а потехе час. Торжественно обещаю превращаться для забавы в Бегемота, чего не сделаешь ради королевы.

Марго улыбнулась. Они еще могут спасти от мертвечины, от мрака мир, и будут гореть романы, черти станут лучшей половиной самого человека, Волянд- Хранителем света и того небесного огня, которого нам всем так не хватало в последние века, но самое главное, иногда к ней будет возвращаться кот Бегемот, и чего еще могла пожелать ведьма, ставшая королевой?

И вдруг она встрепенулась:

- Скажи, а потом, когда загорятся рукописи и души людей, и света станет больше, чем тьмы, тогда...

- Все правильно, тогда вернется Богиня Лада вместе с Велесом, и будет страсть и радость и все у нас будет ладом...

Только на миг Бегемот стал огненно - рыжим, каким же прекрасным он был в то мгновение.

- Баюн, ты и на самом деле Баюн, - прошептала Марго, как же мы могли все это время довольствоваться огоньком свечи – такой малостью, когда мы забыли про костры? Почему мы забыли про костры, несчастные...

И огонь вспыхнул в камине, там уже полыхали какие-то рукописи, те, которые должны были сгореть...

-Конец света отменяется, - усмехнулся и подмигнул Марго Бегемот,- ты настоящая королева, да что там, богиня...

Марго с грустью смотрела на огонь, где сгорали без следа какие-то романы - тот самый наркотик, который какое-то время еще создавал иллюзию жизни, по сути своей являясь хранителем смерти.

-Рукописи должны гореть и не сгорать, - повторила Марго слова Бегемота или Баюна...

Конечно Баюна, и на камине проступила золотая цепь древнего славянского письма. Та самая, над которой чах Кашей, и хранил на протяжении веков кот Баюн...

Конец света отменяется?

Из брани избран, чтобы стать
избранником судьбы и рока.

И на челе его печать

отверженного и пророка.

Про рок устал он говорить,

да кто его теперь услышит?

И пусть во тьме свеча горит,

душа, дыша, взлетает выше

И падает, и грешный мир,
оставленный, о ней вздыхает,

Из брани голоден и сир,

пророк, как рок, один шагает.

От чаянья беды молчит,

отчаянье в себе подавит.

И снова с нами говорит,

пусть мир воинственный бездарен.

Но где-то у иной черты

и в полосе иного света

Над миром дивной красоты

он избран, чтобы слыть поэтом.

И вдохновение к нему

нисходит – боль и наказанье,

И этот свет, и эту тьму

он видит в тишине от брани
Ушел, но только краткий миг,
и вечность будет за плечами...
Какой-то призрачный старик
от чаянья души не чаает.
И с частью горести и лжи
расстанется, чтоб счастье ведать,
Но как душа его дрожит
в преддверье смерти и победы....

И в вечных отсветах огня
он тень и свет иной эпохи.
И снова смотри на меня
про рок забыв, пророк высокий,
В тумане, в сумраке тревог
один, забытый в поле воин,
И только век, и только бог
его внимания достоин...

Про рок устал он говорить,
да кто его теперь услышит?
И пусть во тьме свеча горит,
душа, дыша, взлетает выше
Из брани избран, чтобы стать
избранником судьбы и рока.
И на челе его печать
отверженного и пророка.
2.

На город опускается туман,
Окутал душу ужасом и снами,
Нам Лучезарный был однажды дан,
Что сделали мы с ним? И за словами,
Исполненными трусости и лжи,
Он гордый, стал однажды глыбой мрака,
И кот Баюн от ярости дрожит.
Но рукопись еще горит по знаку....

И все - таки от горя почернел,
Стал Бегемотом наш Баюн прекрасный.
И тот, кто цепью золотой владел,
Исчез, и призывал нас всех напрасно.
И цепь иная полонит кота,
Он пленник Лукоморья-Люцифера,

Но где тот мир, где дивная черта,
И черт стал бесом, а Морена пела

О гибели, и содрогнулся мир,
Хранимый ими, рукопись сторела,
Но только дуб священный перед ним,
Еще заря последняя алела.
И вот тогда, решив спасти от тьмы,
Явился иностранный к нам профессор,
Его на Соловки отправить мы
Хотели снова, пошленькая пьеса
Трагедией суровой обросла,
И головы шальные полетели,
Но в мире этом станет больше зла,
И больше бед, мы этого хотели.

Они уносят Мастера опять.
Чтобы избавить от тоски и мрака.
И будет Маргарита долго ждать,
Пока еще над миром этим драма
Не кончилось, отчаянный пророк
Про рок твердит, и падает устало,
Ну разве не настал еще тот срок,
Чтоб рыжий кот вернулся к нам сначала,
Потом и Лучезарный, а не мрак
Пришел в тот мир, о, жуткая година.
И мир ослеп от боли и от драм,
Когда его последний бес покинул....

Мы, наконец, осилим лабиринт,
Где все - тупик и нет пути иного.
Смотри-ка, снова рукопись горит.
И стало больше значить мысль и Слово.
И в тишине, у дальнего костра
Не ведьмы, берегини чаровали,
Лишь Абадонна мрачен был с утра,
Фагот забыл все прежние печали,
А рыжий растворился до поры,
Нет бесов, черти – наше отраженье,
И там, в лесу, уже горят костры,
Огонь нам снова дарит воскрешенье...

И суть иную обрели слова,
Свеча костром Купальским обернулась,

И Маргарита навсегда права,
И с ладом Лада в этот мир вернулась.
Никто не станет в тишине скулить
О том, что тьму осветит лучезарный,
И пусть огонь небесный в нас горит
И только разгорается с годами...

Глава 23 СПАСИТЕ СКАЗКУ, ОСТАНОВИТЕ СКАЗОЧНИКОВ

Кот Бегемот на этот раз отправился в дремучий лес.

Оттуда в нехорошую квартиру поступил сигнал СОС, который мог уловить кот Бегемот, только наполовину превратившийся в кота Баюна. Он и сам чувствовал, что-то ему сильно мешало, только не мог понять что именно.

-И чего тебе не хватает для полного счастья? – давеча поинтересовался Воланд, видя, что как стал какой-то унылый, подверженный вспышкам немотивированной ярости.

- Сам не знаю, - признался кот, - надо поговорить с Кащеем Бессмертным, он хоть и чудовище, но доброе чудовище, тоже хочет мир спасти, а то сиротой останется, некого морозить будет да со свету сживать.

- Кащей доброе чудовище?- усомнился Мессир, - да я у него свирепости учился.

-Все течет и изменяется, в мире вон какая жара, наверное, потому что Кащей добрый стал.

- Не верю, - оборвал кота Мессир.

- Да, сам не знаю, как его такой недуг поразил, - признался кот, - вот и надо узнать, что у них там творится, может чем-то еще помочь можно.

Кот растворился, словно его и не было тут.

В дремучем лесу было тихо и прохладно, хотя никакого порядка там отродясь не бывало, но ничего, в творческом беспорядке тоже жить можно...

Кот Бегемот добрался до старинного замка, где издавна и скрывался от мира Добрый Кащей, как бы странно это ни звучало...

- Вот, явился не запылится, - заявил Бегемот, - ты звал меня, я и пришел.

- Да кого же мне еще звать, мне белый ворон сказал, что если Бегемот не поможет, то больше никому, на тебя последняя надежда.

- Ты бы мне хоть поведал, что стряслось, отчего спасать-то надо заповедный лес и сказки, я вроде и не глуп, но ума не приложу, что за болезнь такая трудноизлечимая навалилась на нас всех.

- Это я прошляпил все, сам довел свой мир до уничтожения, а теперь ничего поделаться не могу, - стал само бичеваться Кащей.

- А можно яснее, - усмехнулся кот, - от твоих причитаний ни сказке, ни тебе самому легче не станет.

- Да подожди ты, дай попрочитать вволю. Ведь и слова сказать никому.

Кот уселся перед тронем Кащей, и сделал вид, что приготовился слушать, но Кащей, видя его насмешливую физиономию, решил перейти к делу.

- Все было прекрасно в нашем царстве - государстве на протяжении веков: добрые герои награждены, злые наказаны. Кто-то бриллианты получил за послушание и ласку, кто-то жаб и лягушек, за то, что ленив был и нагл. Каждому свое, а как по-другому быть должно? Любому дитю ведомо, что добро должно побеждать зло. И все было ладом, побеждало. А потом каким-то сказочницам не понравилось, что пару девиц мы заморозили, зверюшек каких-то подстрелили, еще что-то такое сделали непотребное. И решили они сами править сказочным миром.

Сначала вроде потихоньку - полегоньку, а потом все сильнее и яростнее наступали. Ты ведь знаешь, как эти добрые да милые девицы - феи могут в душу залезть, так и хочется им если не помочь, то хотя бы не мешать. Ушли в сторону, смотрели, любовались на добрых и милых, и что? Тут уже все зверюшки пушистые да прекрасные, все друг друга любят до умопомрачения, никто никого не ест и даже не кусает, все просто замечательно, никакого зла нигде не существует, отродясь не было, и быть не может. А когда опомнились, мы его уже и днем с огнем отыскать не могли, - развел руками Кащей.

- И что же в этом плохого? – спросил кот, он или не понимал, или просто притворялся....

- Да все замечательно, - передразнил его Кащей, - налюбоваться не могли, мы с Лешим и Водяным плясали от радости, что у нас такие добрые и хорошие сказочницы появились, только недолго музыка играла, недолго Леший танцевал. Беду и смерть они принесли, когда выдохлось и испарилось все зло, словно его никогда и не было, а все наши добрые и милые обленились, заскучали сначала, потом затосковали, как серые волки

завыли. Так, что и белый свет им не мил, последняя надежна на чертей была, они то вон какие шустрые, думали мы с Лешим, что они что-то придумают. А они могли придумать что-то, только пока еще зло с нами рядом жило, а теперь черти стали бессильны, обнимаются, целуются друг с другом, то поют, то пляшут, но ведь веселия больше не было никакого, веселье оно вместе с печалью рука об руку ходит. А добра не меряно, черти упали и все окаменели, вон одни камни по всему лесу вместо чертей. А с ними и души людские мертвыми сделались.

- А что же сказочницы добрые?

- А своими добрыми и поучительными сказками они заполнили весь мир, и чем больше пишут, тем скучнее и страшнее жить становится. Хотя страшнее, не то слово, страх то со злом мы тоже потеряли. Унынию нет конца и края, тошно всем одним словом, погиб мир, надо хотя бы попытаться его спасти.

Помертвело все, дремучий лес, как и заповедный, стали мертвым называться, я понял, что никто больше не оживет, никто не вернется, и надо спасать мир, а кто, если не Кащей этим и должен заняться.

Звал- свистел Змея Горыныча, только он тоже в кому впал, за ним -то больше никто не гоняется, никто его убить не хочет. А он и жил только пока опасность его подстерегала, а если опасности нет, то и радоваться нечему, без борьбы не бывает жизни, тебе ли этого не знать - не ведать?

В общем, Горыныч наш давно уже при смерти, не знаю, спасем его или нет, а остальной мир и сказку саму надо спасать...

Замолчал Кащей, хотя при коте он все-таки оживился, надежда появилась, что все еще измениться может, что потеряно не все, а вдруг сказка хотя и больна долго и продолжительно, но скорее жива, чем мертва?

- Ладно, Кащей, я к Змею полетел, с него начнем оживлять и спасать сказку.

- А чем мертвый змей тебе поможет? Темнишь ты, чего-то, кот Бегемот.

-Из комы его выводить будем, а уж потом он поможет, - подмигнул Кащею Бегемот.

Кашей прислушивался к тому, что творилось вокруг, ворона отправил следить за котом Бегемотом, кто его знает, что у того на уме.

Ворон вернулся и поведал, что Змея воскресить удалось.

- Бегемот и мертвого поднимет, - гордо заявил белый ворон.

- А что потом?

- А потом вернулся Горыныч с целой вязанкой Сказочниц к себе в горы и доложил, что самых добрых и безнадежных он собрал и притащил, а с

остальными еще можно работать, они вменяемые, может вредить перестанут.

№ № № № № № № №

Кот Бегемот взирал на дюжину добрых-предобрых сказочниц, все они были примерно средних лет, одинокие, сразу видно, что кроме сказок ничего у них не оставалось в жизни, но упрямые, как сто чертей.

Какой-то дурак им внушил (наверное, Соловей Разбойник, кто еще мог такое сотворить), что если сказки будут добрыми - предобрыми, то и мир станет добрее, и они спасут мир от зла, если перестанут его замечать, а то и вовсе уничтожат по своему велению и хотению.

Вот об этом с пеной у рта Главная сказочница Галина коту Бегемоту и твердила.

- Да как ты смеешь нас обвинять, сказки должны быть добрыми-предобрыми и должны всех чему-то хорошему учить. Это каждый филолог троечник знает, только ты бестолковый и тупой ничего не понимаешь.

- А того Стрелка –викинга не ты ли учила, сдается мне, что он твоих сказок наслушался, вот и пошел всех убивать от доброты беспросветной.

- Да как ты смеешь, меня всеми премиями наградили...

Галина отступила в ярости, замахнулась на кота, но рухнула в высокую траву, не без помощи, Бегемота, конечно. Уж такого бесчинства кот допустить не мог, его и пять комиссаров расстрелять не могли, а чтобы добрая сказочница прибила – жизни лишила - это уж слишком.

Остальные немного присмирели, погруженные в свое спасительное добро, они уже ответить коту, зло не потерявшему, никак не могли.

Борьба была долгой и упорной, кот Бегемот признал свое поражение, и тогда Горыныч снова собрал Сказочниц в одну вязанку да и оттащил на Корабль призрак...

Плакал по дороге Горыныч крокодильими слезами, хотя жаль ему было этих несчастных по-настоящему, не притворялся наш Змей, как заморский крокодил, только при этом Горыныч и себя, и сказку, и мир спасал, а потому игра стоила свеч.

А как только Корабль призрак вместе с добрыми сказочницами растаял в тумане, а мир снова стал прежним – и добрым, и злым, но пригодным для жизни, так стало просыпаться сонное царство, зачарованное и почти убитое добром. Все зашевелилось, запело, заплясало, кто-то поколотил кого-то, кто-то спас кого-то – одним нравилось спасать, а другим колотить.

Кащей Бессмертный воскрес в прежнем своем виде, начал кого-то морозить, кого-то по заснеженному лесу гонять. В общем, жизнь вернулась в мир.

Кот Бегемот скромно молчал. Но он стал со временем по праву победителя главным Хранителем сказки. Следил за тем, чтобы добра и зла было поровну, но соблюдал главный закон, как бы что ни начиналось, добро должно было побеждать зло, хотя бы в самый последний момент, когда надежда таяла, и уже не верилось, что так случится, все - таки случалось. В крайнем случае, Велеса вызывали, а тот любое зло утихомирит.

Тогда все герои вздыхали спокойно до следующего столкновения.

Когда Кащей Бессмертный снова столкнулся с котом Бегемотом – тот уже почти превратился в Баюна, после того, когда спас мир, то спросил у него:

- А что там с Добрыми сказочницами теперь творится?

- На Корабле призраке они остались, мечется тот корабль по морям, по океанам, пугает всех мореходов, которые с ним встретятся, шарахаются от него, как от чумы и стараются проплыть незаметно, чтобы беды не случилось.

- Все так безнадежно?- вздохнул сердобольный Кащей.

- Ну не так, порой они пытаются к какому-то берегу причалить, только куда их и на пушечный выстрел не пускают.

- А что для них закон, где добро побеждает зло, не писан? – упрямылся Кащей.

- Писан-то писан, только они страшно упрямы, и никак понять не могут, что не может быть сказок, в которых нет зла, это черт знает что, но не сказка..

- А если когда-нибудь поймут? – Кащей готов был заступиться за этих несчастных.

- А вот когда поймут, тогда и поглядим. Может, и вернем их в мир...

Они оглянулись – в небесах летел Змей Горыныч, и радостно махал им лапой, в это время какой-то воин выстрелил, Змей схватил стрелу и бросил назад, парень рухнул замертво.

Кот и Кащей бросились к нему.

- А это как называется? – возмутился Кащей, вытаскивая из брюха воина стрелу.

- Как всегда, добро победило зло, Змея конечно, по голове не поглядят за этого мертвого героя, но если бы этот стрелок с большой дороги его убил, то кому бы легче стало? Мы бы Змея лишились.

Леший разводил костер, чтобы схоронить воина и ворчал, мол, Змеи совсем распоясались. Но ворчал он так, для вида.

В общем, мир был спасен, жизнь продолжалась, и она была по-своему прекрасна, если в нее не допускать добрых сказочниц, которые уничтожат сказку, то и жизнь хороша, и жить хорошо.

Но кот Бегемот, который почти Баюн и Кашей Бессмертный стоят на страже, они бесчинства и сплошного бесконечного добра в своем сказочном мире не допустят, и не надейтесь даже....

А если будете упрямится, то на Корабле призраке место найдется для всех добрых-предобрых Сказочников...Но оно вам надо?

Глава 24 Три Великих Поэтессы и два кота. Они идут к нам.

Поймала как дама Бальзаковского возраста кота Баюна, да и заставила его поиграть с ней в кости. Играли они конечно, на исполнение заветного желания.

Проигрался кот в пух и прах.

Что делать? Долг платежом красен, тогда и стал тихо кот наш ученый спрашивать:

- Чего изволите, какое желание исполнять придется?

Задумалась Дама, да и выпалила вдруг:

- Поэтессой быть хочу!

Кот облегченно вздохнул, лапы потер, он то уж думал, какое запредельное будет желание, а это коту раз плюнуть, да все по его же прямой специализации. Они и сам уже собирался Фабрику Поэтесс открывать.

- Будешь ты поэтессой, получше других, - пообещал кот,- отправляйся на сайт Стихи ру, завтра проснешься знаменитой.

Дама и пошла туда, забыв обо всем на свете.

Напечатала все, что написалось с ходу, сидит, ждет исполнения желания.

А там тишь, ничего такого обещанного не случается.

Вызвала она кота снова, как только старую лампу до блеска натерла, ту самую, которую Бегемот чистил когда-то.

Вот и на этот раз явился к ней не Баюн, а Бегемот собственной персоной.

Он знал о том, что происходило накануне, вот потому свою лампу ей и подсунул, а она-то подмены и не заметила.

- Чего изволите, мадам? - спрашивает наш кот, и так лапкой шаркнул для приличия и даже в полупоклоне мушкетерском склонился.

- А у тебя не склероз ли, дорогой, ты послал меня на сайт, обещал, что проснусь знаменитой.

- И что? – кот дурачился, а дама распалась.

- Я проснулась.

- С добрым утром!

- И тебе не хворать, только лучше бы вовсе не просыпалась, ничего не случилось, дюжина читателей, и все неизвестные, я так подозреваю, что это ты и мой муж только и были.

- Ну, какие наши годы, - начал словоблудничать кот, но взглянул на поэтессу и сразу понял, что годов - то у нее почти совсем не осталось. Но он не хотел ее обижать, просто так все само вышло. Не особенно его такту учили, даже Воланд прощал ему цинизм, вот и доигрался, бедняга.

- Извиняюсь, мадам, я понимаю, что надо торопиться, чтобы хоть что-то успеть еще. Но не поздно даже в последний день что-то начать...

Кот устался в компьютер, и стал что-то изучать, обмозговывать, даже лапой за ухом чесал, так напрягался.

Дама ворчала, пищала, рычала, она никогда не умела ждать, а тут и подавно. Горы золотые наобещали, и ничего не исполнялось. А еще говорят, что утро вечера мудренее.

Бегемот понял, что надо поторопиться, и потому он стал листать другие сайты с невероятной скоростью, вероятно издеваясь, и испытывая ее терпение.

- И что это за Стихи ру такие, если ничего они не читают, -сокрушалась новоиспеченная Поэтесса, она думала, что все просто, особенно после сделки с котом, а тут какие-то подводные камни, козни врагов и завистников.

- Проза, - вдруг выпалил Бегемот.

- Что проза? Я не хочу прозу, мне стихи в голову лезут, я уже столько их успела написать, а в лодке прозы далеко не уплывешь, - капризничала дама.

- Если ты перестанешь меня перебить, я расскажу тебя свою идею. Твои стихи надо печатать на Прозе.

- А это с какого перепоя, там написано проза, как там стихи напечатать?

- Так в том то и дело, там, где этих стихов вагон и маленькая тележка, их никто не отыщет, а здесь их не так много. И твои стихи, ну как бы это сказать,

чтобы не обидеть, прозаики только переварить и могут, поэты столько не выпьют.

- Чего не выпьют?

Да что это за кот такой странный, мухоморов он что ли наелся, говорит какими-то сплошными загадками.

- Это я так, ладно, проехали, поэтесса ты моя самоварная.

- Я не самоварная. Я профессиональная, у меня и образование филологическая, знаешь, какие люди меня хвалили.

- Догадываюсь, а я думаю, почему это Мастер не любил стихов? Вот умора была бы, если бы Маргарита их начала писать, хотя хуже бы все равно не написала, - вполголоса размышлял он, впечатывая стихи на странице прозы.

Сначала Поэтесса ему не поверила, ей казалось, что он просто еще раз хочет разочаровать и опозорить ее.

Но читатели побежали со всех сторон.

Прозаики, оказывается, отвлекаясь от своих бесконечных повествований, читали что-то коротенькое, только стихов им и не хватало больше всего: таких простых, незамысловатых, слегка зарифмованных, но душевных и жизненных. Каждый из них хотел вставить такой вот стих, чтобы немного разбавить густую и тягучую прозу, вот и разбавляли.

Сначала кот сам ей читал отзывы:

- Понравилось. Улыбнуло. Спасибо.

- Благодарю. Рад знакомству, заходите ко мне.

- У меня тоже новенькое, я буду читать вас, а вы - меня.

Недоверие еще не перебороло радость, и Поэтесса стала подозревать кота в каких-то аферах..

- А это не ты сам пишешь отзывы, какие-то они короткие и одинаковые. Да еще поди клонов наделал, чтобы самим себя хвалить?

- У блудливой свекрухи сноха всегда гулящая, - огрызнулся кот, пытаясь на обычный язык перевести неприличную поговорку.

Это Баюн на нее не обижался, а Бегемот обиделся, или сделал вид, что обиделся.

- А не пора ли тебе самой делом заняться, а то я уже все лапы отбил, все когти затупил, нашла секретаршу себе, у Мастера не был, а у тебя и подавно не стану.

Он понял, что проговорился, и приготовился услышать вопль о подмене котов, но Поэтесса уже погрузилась в рецензии, отзывы и все остальное творчество – глубоко ушла – ничего не заметила.

Ждал ее вызова Баюн, ждал, да и понял, что не дождется, что-то там этакое случилось – приключилось.

Сам отправился посмотреть, что происходит у нашей новоявленной поэтессы.

Да вроде ничего особенного, сидит, работает, даже не заметила, как он пришел.

Неужели слава мировая пожаловала? Кот Баюн должен был признаться, что хотя он и обещал любое желание исполнить, но в это верил мало.

Так и есть, подозрения оправдались.

Он заметил черный хвост Бегемота, который при его появлении под кровать спрятался, вдохнул пыли да и начал чихать, ругаться и возмущаться из-за того, что кто-то осмелился его за хвост тащить.

- Это ты? – удивленно спросил Бегемот (сплошное притворство)

- А кого ты хотел увидеть, ты, что с моей Девой Орлеанской сотворил?

- Я? – еще больше удивился Черный, - да твою работу сделал, вон смотри, как на нее клюнули, ты ей хотел показать, что поэты ее не примут и на дух, а что на самом деле.

Баюн понял, что Бегемот что-то там такое устроил, чтобы позлить его, и доказать, что ни на что он не способен.

- А они клюнули?

Бегемот молчал. Сразу ясно, что какая-то очередная афера, надо выяснить, только какая, сам же он не признается, хоть ты его убей.

- Клюнули, куда им деться.

Баюн заглянул в комп.

На первый взгляд все вроде так, и сайт тот, и рецензий уже сотня, и Поэтессу не оторвать от экрана.

И вдруг он заметил подмену.

- Проза, не понял, при чем тут проза.? Ты что творишь?

- Да что непонятного, если нас не пускают на один сайт мы бегом на другой, а там и рады к поэзии приобщиться. Прозаики вообще все терпят, чего у них только нет, теперь и стихов хоть отбавляй.

- Ты что в прозу стихи втиснуть собрался?

- А почему бы нет? Они тут не так многочисленны, а отзывов вон сколько.

- Но это же полное безобразие. Едва мы порядок наводим, а ты хаос нам даришь с радостью.

- Зато сработало, не то, что у тебя.

- Понимаешь ли, - кот Баюн хотел объяснить своему вечному противнику, что к цели надо идти прямым путем, а не петлять по кривым тропинкам и дорожкам.

Но Бегемот не дал ему и мяукнуть даже.

- Цель оправдывает средства, - изрек он деловито, а ты мне просто завидуешь, давай поспорим, - он протянул лапу, - я из любой Поэтессу сделаю.

- Спорить не стану, - заявил Баюн, - но я уверен, что это чистая случайность, на первых порах и финансовые пирамиды доход приносят, а что происходит с холявщиками потом, не помнишь.

- Творчество не пирамида, к твоему сведению, - нагло заявил Бегемот, - он стал учить Баюна, что такое творчество.

Но не стоит злить Бегемота, это всем будет дорого стоить.

Уж если он разойдется, тогда не остановишь.

Но к вечеру того дня к нашей Деве присоединились еще две поэтессы. Одна была просто безбашенной, как любит вслед за молодыми повторять сам Бегемот, а третья с философским уклоном.

Но как ни странно, когда Баюн рыдал и визжал, и шипел, читая эти творенья, третья показалась ему самой страшной. Философия ее просто убивала насмерть, как свист Соловья разбойника. Он понимал, что если не остановит Бегемота, то Проза просто рухнет под таким натиском.

- А чего ты возмущаешься? – вопил Бегемот, - помнится прях у тебя было тоже три, и они пряхли свою бесконечную пряжу. Вот и у меня их тоже три – все в контексте твоих сказок, ты был хорошим учителем.

- Это на что ты намекаешь? – насторожился Баюн.

- Не бойся, это твои бессмертные, а эти-то не вечны, за ними тоже когда-нибудь Морена придет.

Баюн не был жесток, но он запер Бегемота в клетке, по переносу животных, и тот уже новых поэтесс сотворить никак не мог, он только поглядывал из заточения, страшно сверкали в полумраке его глаза.

Но этом Фабрика Поэтесс на время приостановила свою деятельность.

Бегемот спал день и ночь, отсыпался, наверное, за всю свою прошлую буйную и бурную жизнь, три великих поэтессы день и ночь писали. Любой вам скажет, что творчески запой страшнее обычного будет.

Но пробудился наш великий аферист из Фабрики поэтесс от страшного визга.

-Ты чего, дворянкой я тебя сделал, царицей на сайте вроде тоже сделалась, - кот намекал на какую-то старую сказку Баюна, финала которой

никак не мог вспомнить, - что не так - то теперь? Владычицей сайта Прозы хочешь стать али как?

- Да какой там владычицей, нас изгоняют, ты давай просыпайся, посмотри, нас изгоняют из Прозы какие-то наглецы, требуют, чтобы нас запретили.

- Кто это требует? Кто против Бегемота? – одним движением лап кот разломал клетку и выбрался на волю.

- Да вот тут Вера, Надежда, Любовь, со старшей их сестрицей Софией угомониться не могут, они говорят, что на Прозе проза должна быть, какая наглость, да где это видано такое.

- Вот уж точно бред, чтобы на Прозе была проза, да не бывать этому, ты жива еще, моя старушка, а пока мы живы, никакую прозу мы не пропустим, стихами ее забьем. Это я тебе торжественно обещаю.

Бегемот расхотелся, лапами замахал, хвост трубой поднял.

А тут Баюн и появился. Спорили они долго, каждый на своем стоял. Слушала их царица поэзии, слушала, и вдруг почувствовала, что не может она ни строчки больше сочинить, ничего у нее не получается. Била, била по клавишам, да так, что треснула клавиатура.

Увидев эту беду, разрыдалась Поэтесса, и не потому что клавишу ей было жалко, рядом запасная стояла, а вдруг показалось ей, что кто-то намекает на старую сказку, когда другая поэтесса осталась у разбитого корыта, а ведь так хорошо все начиналось.

Бегемот утешал ее, но недолго, не любил он женских слез.

Махнул лапой, да и отправился других Поэтесс творить и пристраивать, кого на эстраду, кого в рекламу, а кого и повыше – везде его творения из Фабрики Поэтесс появляться стали.

Сколько он их натворил, сами можете посчитать, не будет им конца и края, назло Баюну, чтобы не задирали тот нос и не считали, что он пуп поэзии всей.

Пока Баюн свои сказки поет да таланты ищет, Бегемот без дела не сидит, он если не качеством, то количеством все равно забьет, можете не сомневаться.

Слышали рекламу на ТВ, кот Бегемот набирает уже Пятую фабрику Поэтесс, это, говорят, еще лучше других будет.

Ну, держись, моя бедная литература, горемычная Поэзия – они идут к нам.

Глава 25 ГЕНИЙ, Он и на Прозе Гений!!!!

(Приметы, знаки на Прозе ру)

А не напомнить ли еще несколько знаков, суеверий, примет, которые все чаще появляются на нашем сайте, когда мы начинаем размышлять о творчестве и о творце?

Пока все рассуждают о графоманах, я хочу поговорить о другой стороне медали - вспомнить - о гениях, супер -гениях, сверх- гениях, как только их тут не называют, но **первая примета** – так они называют только сами себя любимых.

Это популярные в узких кругах авторы, у которых есть в жизни одна единственная, но очень большая любовь к самому себе. И не надейтесь на чудо – они никогда не изменятся.

Но как же, не особенно вникая, нам отличить их ото всех остальных писателей, и не дай бог перепутать, яркого талантливого Автора со сверх - гением.

Тут есть несколько примет:

Фраза: мне это не интересно, я не желаю слушать, это интересно только тебе самому вот и разговаривай сам с собой.

В реальности мы бы просто посчитали это хамством, но тут ведь творец – сразу и не разберешь...Но Гений и хамство, оказывается совместимы, на то он и сверх гений, чтобы послать всех подальше.

Примета вторая самая верная, без всякого предупреждения они сразу переходят на ты, словно мы все с ними пасли гусей.

Думаете просто невоспитанность? – ошибаетесь – признак сверх- гениальности. Вежливо говорить с другими они просто не умеют, спесь не позволяет.

Примета третья: во вступительном слове обязательно отмечены учителя – филологи, из-за которых они и стали таковыми (люди достаточно приличные и уважаемые), и только потому они еще среди нас находятся, что не хотят учителей огорчать (ведь чаще всего их спрашивают остальные, что

они среди нас делают, если такие гениальные). А как не прикрыться громкими именами?

Примета четвертая: Размышления о том, что все остальные заняты не своим делом, и почему они вообще пишут, если должны копать картошку и двор подметать, чтобы мне гению было что пожрать, и по чистым улицам ходить...

Но об этом еще профессор Преображенский размышлял, перед тем, как нам такого гения сотворить, вот видно слова своего главного учителя и повторяют наши гениальные Шариковы...

Сомнения в том, что ему самому прежде всего не мешало бы ту самую картошку покопать и двор подмести, не возникает никогда, что само по себе кажется странным. Нам ли не знать, что не сомневаются ни в чем только полные идиоты, но, наверное, и гении тоже.

Примета пятая: Появляются размышления о дураках, которые как-то пишут свои стишки и прозу, и описание способов, как они воруют у гения то строчки, то идеи, то вдохновение и тащат к себе. Как только мы начинаем мучительно думать о том, что все и все у нас воруют, так уже приближаемся к гениям – верная примета.

Примета шестая, вытекающая из пятой: Сам гений ни у кого ничего не ворует, потому что читать не собирался, ему некогда, он бежит за своими мыслями и иногда их догоняет, но часто они от него убегают. Вот в таких пробежках вся его жизнь проходит, когда он творит литературное искусство. Словосочетание в первый раз увидела у гения, и пытаюсь выяснить у лингвистов, которые на этом собаку съели, что бы оно значило, как прилагательное в данном случае сцепилось с существительным, какое здесь слово главное, какое зависимое... Как сказал мой любимый профессор:

- Но суть - то тебе ясна, а остальное, как бог на душу положит – признак гениальности.

Так мы когда-то учили китайцев русскому языку, столько подобных словосочетаний скопилось, которые и на самом деле нарочно не придумаете.

Из чего у меня возникло подозрение, что гениями в современной русской литературе стали когда-то моими подругами обученные русскому языку китайцы, которые и вольют в нее новую кровь, или исковеркают смысл так, что черт ногу сломит. Но не хочу обижать китайцев, гении круче.

Примета седьмая: возвращаемся к нашим дуракам – если учесть, что все мы пишем исключительно о себе родимых, если даже я рисую портрет Наполеона, то и в нем будет много чего от меня, то повествования о дураках

можно воспринять как исповедь, а не проповедь. И вот тогда убеждаешься в том, что от прекрасного до безобразного один только шаг, а Слово может стать страшным оружием в борьбе дураков (простите, сверх гениев) с самими собой.

Примета восьмая: Как только нас начинают учить литературе и обзывают слесарями и домохозяйками, а себя исключительно интеллигентными, приятными во всех отношениях людьми – пиши пропало – снова на гения наткнулись.

Один из них, сбежавший с сайта без оглядки вообще уверял (я о даме, только слово гений никак не могу в женский род перевести – то ли геникесса, то ли геникака). Так вот, она утверждала, пока была с нами, что все они (она и ее подружки) богини, а среди остальных и ведьмы и кикиморы попадают, которые богиням жить мешают, и пытаются в друзья набиться (какое самомнение - точно гений).

Но геникесса не подозревала даже, несмотря на свои три высших образования, что Кикимора – это богиня судьбы. Не потому ли ее судьбы всегда была и остается такой печальной? Не надо обижать ни ведьм, ни Кикимор, хотя это понимают только дураки, до гения не дойдет никогда.

Примета девятая: если вас внес в черный список сверхгениев, то это конечно очень печально на первый взгляд, но только на первый. Потому что все познается в сравнении, ведь если у нас такие гении и умники, то, как приятно-то прослыть графоманом и дураком, ну хотя бы для того, чтобы с ними не пересекаться и на них не быть похожим...

Образец размышления гения:

И ведь не скажешь драку, что он дурак - зачтет это за оскорбление. А не оскорбление, когда свое бездарное стихло и прозу выставляет на всеобщее обозрение?

Приведен исключительно для того, чтобы каждый проникся стилем, узнавал безошибочно, когда встретится с гением, да и переходил сразу на другую сторону.

Предупреждаю, что хотя нет ссылки на автора шедевра – воровать этот перл у него не собиралась, и Вам не советую, дурной вкус он и в Африке дурной вкус, косноязычие – болезнь заразная, а вдруг и остальные так писать начнут.

Хочу только ответить на вопрос:

Гению можно сказать мне, что я дурак, от него это будет звучать не как оскорбление, а как похвала...

Примета десятая: Дурак вообще ничего не воспринимает как оскорбление, потому что хорошо понимает, как трудно быть супер - гением. А вот умнику этого понять не дано, судя по всему. Дурак на гения, как врач на больного, не обижается.

И самое главное, - так как супер гений, ничего не слышит и не читает, понятия не имеет о строчках Б. Окуджавы, все до него сказавшего о супер-гениях, правда, там все перевернуто с ног на голову, но мудрецу и настоящему учителю можно доверять:

Умный любит учиться, а дурак учить...

Что же это получается, а то, что я была права, выходит, когда супер-гений пишет о дураках, то в первую очередь о себе любимом?

Такие вот приметы и знаки проявляются вне зависимости от нашего желания.

Творящий литературное искусство не понимает, что слово может воскресить и убит того, кто с ним так небрежно, легкомысленно обращается – оно обоюдоострый меч, и когда гений посылает стрелу в другого, она почему-то меняет направление, не иначе Велес постарался, и попадает на глазах у всех в него самого... Искусство требует жертв, это правило никто не отменял.

Конечно, я писала это не для супер гениев, которые ничего не читают и ничему никогда учиться не собирались, а для тех, кто еще может задуматься о себе любимом.

Если хотя бы парочка примет подходят именно для вас, то это первый сигнал для подтверждения того, что вы в своем развитии стоите на пути к супер-гению.

Конечно, можно рвануть туда, но постойте немного, подумайте, нужно ли это вам?

А вдруг серое вещество, которое говорят, серым становится только после смерти, а у живого человека оно розовое, вдруг оно все еще живо и у вас есть хотя бы несколько извилин, в отличие от супер-гения.

Тогда их надо развивать и множить, и изживать в себе все порочные приметы...

Спасите в себе творца, АВТОРА, хотя бы писателя, а супергениев и бесплатных учителей и без вас хватит в этом мире.

Глава 26 Даная в темнице своих заблуждений...Первая Сказочница

С кого начинается творчество?

С темницы, дождя на заре,

С унынья, тоски, одиночества

Данай, рыдавшей во мгле...

(Песня кота Бегемота)

На этот раз кот Бегемот решил поведать миру о том, как женщины входили, влетали, вплывали, вползали в литературу на заре туманной юности нашего странного и несчастного мира...

- Вот хотя бы взять сестер Бронте или бедняжку Остин, - заговорил Бегемот, - были они одиноки, сиры и несчастны, и кроме убого поместья и клочка серого неба, ничего не видели, а шороха опавших мертвых листьев ничего не слышали. Ничего больше не светило им, тут поневоле писательницей станешь.

Бегемот был настроен на какой-то лирический лад, даже порыжел на глазах, - практически в Баюна превратился.

Алина странно заволновалась, приготовившись услышать не слишком приятную правду о себе, но Бегемот повернул свое Слово совсем в другую сторону, словно почувствовав ее волнение.

- Но это только финал истории или середина, а в начале была, угадай с трех раз кто? – он яростно ткнул пальцем в небо...

Алина замерла, уверенная, что никогда не угадает. Но заглянул Бегемот далеко, наверняка в их любимую античность.

- Медея, - выпалила Алина.

- Холодно, морозно, эта бы уничтожила все творчество в зародыше, остались бы от него только рожки да ножки, кто угодно, только не твоя любимая Медея, у тебя осталось две попытки.

Кот пригрозил ей игриво, хотя это значило, что если она не угадает, то тайна так и останется тайной навсегда.

- Медуза, Ехидна, Пандора отпадают по той же самой причине, они разрушительницы, - подсказал кот.

- Елена, - не сдавалась Алина.

Кот почесал за ухом и произнес уже примирительно:

- Конечно, чтобы нашему графу написать «Войну и мир», Елена просто необходима, кстати, ты заметила, что она есть и в его романе – ее зовут даже так же, как твою древнюю героиню. Элен – сколько же бедняжке веков пришлось томиться, чтобы дожить чуть ли не до наших дней, и чтобы граф над ней вволю поиздевался. Но сама понимаешь, не могла она ничего написать, только поцелуи отпечатались на ее плечах, как говорил Рыжий, не больше, не меньше. Но уже в древности, когда мудрецы замолкали перед ее красотой, было понятно, что никакого даже дохленького сонета, уж не говоря о большем, они не напишут. А ей когда было писать, то Тезей ее украдет, то Менелай за ней прибежит, а тут и Парис вместе с Афродитой уже подросли, нет снова пальцем в небо, дорогая. Из Елены такая же писательница, как из меня балерина Большого театра.

Кот ерзал на месте, Алина хотела назвать Пенелопу, ведь той на своем бедном острове больше и делать было нечего, когда дорогой муж всю жизнь бродяжничает, а ты работай да сочиняй истории про тайны наслаждений, которых нет, и не предвидится.

Она открыла рот, но кот уже подслушавший ее мысли, замахал лапой, заставляя ее замолчать:

- Это похоже на правду, но Пенелопа не наделена была таким полетом фантазии, да и опыта у бедняжки кот наплакал, тут мало что сочинишь.

Тогда Алина решила положиться на свою интуицию, но произнесла просто, не задумываясь:

- Даная, Дана, Даная.

Кот облегченно выдохнул:

- А я уж думал, что тайна так и останется тайной, и я унесу ее с собой в могилу. И нечего дивиться и голову ломать, сама подумай, девица, которая чуть ли не с рождения была подвергнута насилью трусливых безумных царей. Сначала папашка так хватался за свою никчемную жизнь, что замуровал ее в темницу, а когда насильник насильников Зевс все-таки проник туда, то царьшкa этот просто решил ее утопить или уморить вместе с младенцем. И это было бы не самым худшим выходом для нее, но Зевсу нужен был Персей, Медузе – возлюбленный, из-за которого она лишилась головы, но и безголовая служила ему верой и правдой, а миру нужна была

писательница-сказочница. Так все и сошлось, Даная была спасена на новые муки и житейские и творческие.

Ведь дальше тоже было сплошное насилие чужого царя, всех его товарищей, сколько их там было...Как тут не начать писать всю свою историю, конечно сказку, если написать то, что было на самом деле, то содрогнется мир, нет, Даная все-таки не хотела его погубить – вот и появилась героиня, любимая всеми, кого не встретит на пути, на руках носимая обольстительница, пред красавицей и умницей каменели (в прямом, а не переносном смысле) все женихи.

Могу подтвердить, что и тот самый царь окаменел, правда, не от прелестей Данаи, чего греха таить. А случилось это, когда Персей ему показал голову своей любимой Медузы, а царь был хоть и злодей, но доверчивый злодей, такое бывало, вот и окаменел, потому что не верил, что мальчишка мог с самой Медузой расправиться, да еще и убийственную голову ему притащить.

Но кто будет выяснять, отчего окаменел насильник, Даная - то сочинила совсем другую историю. Елена не сочинила, ей сочинять нечего было, а Даная сочинила – так и стала первой писательницей – ну должен же был ее Зевс как-то отблагодарить за то, что она миру Персея подарила.

- Но ты забыл один факт из того мифа - Персею Медуза подарила Пегаса, потому возможно и Данае что-то перепало, - напомнила коту старый миф Алина.

- Ничего ей не перепало, это была шутка Медузы – Пегаса она подарила тому, кому он нужен был как прошлогодний снег. Полетал на нем немного Персей, да Аполлону его и отдал, слишком дорогая и ненужная забава для него таилась в этом крылатом коне. А матушку его бедную и крылом не задел ретивый конь, как раз наоборот, университетов она не кончала, ничего о сочинительстве не ведала, да знать и не хотела, придумывала, что придется, вот и написала то, что написалось. Конечно, если бы хан ее пообещали казнить, если история не понравится, она бы очень сильно задумалась, стоит сочинять что-то, но никто за ней не следил. А Зевса все сатиры боялись, потому даже критиковать этого бреда не стали, один тогда уже с вывернутой шкурой ходил, когда с Аполлоном связался, а тут сам Зевс...

А беда наша в том и состоит, что если бы от Шахерезады наша женская литература пошла, то может быть и голову бы включали сочинительницы, и не были бы там беспечны. Но вы все от Данаи народились – а во тьме и сплошном насилии надо что-то красивое и легкомысленное придумать, чтобы реальность больше такой мрачной не казалась..

Алина задумалась и загрустила, конечно, кот Бегемот плут страшный, историю эту, как и все другие, он просто на ходу придумал, чтобы повеселить немного всех, кто так внимательно его слушал.

Но разве в каждой шутке нет дозы и доли правды? Разве писательницами становились счастливые и любимые создания? Да они просто жили и радовались жизни, им некогда было писать. Нет, для этого сначала надо было пройти все круги ада, закалиться, вырваться из тьмы, исключительно для того, чтобы хотя бы в своих романах прожить красивую жизнь, узнать тайны наслаждения.

Но кот уже ударил ее лапой по плечу:

- Да ладно тебе унывать, пошутил я, если не нравится Даная, давай отсчет от Ариадны вести, она вон хоть и брошена была Тезеем, но с Дионисом осталась, а там столько всего случилось, пиши свои романы – не хочу.

- Нет, - запротестовала Алина, - она предала брата и отца своего. Это еще страшнее в итоге, - предательство родных ради чужих,- последний круг ада. Не нужна нам такая писательница. Она расплатилась за предательство сполна.

- Но есть еще Фемида, - справедливая, верная, чем плоха, - не унимался кот.

- Ненавижу всепрощение, не хочу, чтобы все становились такими. Да и что она написать может, бедняга.

Кот хотел предложить ей Афродиту, но тут уж запротестовала Алина:

- Перестань, Даная так Даная, это больше похоже на правду..

Кот самодовольно усмехнулся и протянул ей лист:

- Я вот тут к случаю стишок сочинил, так пустяки, но мне нравится. Если сам не похвалишь, никто не похвалит, - самодовольно заявил кот, выпятив грудь вперед.

И он скромно отошел к окну и стал смотреть, как голуби целуются на крыше, Бегемот, прочитавший лекцию о зарождении женской прозы, немного устал, но был возбужден и доволен собой, а как иначе?

Даная в темнице своих заблуждений
Мечтает опять о дожде золотом,
Не ведает даже, как грозною тенью
Врывается Зевс, а что будет потом?
Персей – для трусливого деда проклятье,
И гибель для матери бедной, увы,
Из тьмы да во тьму, только Зевса объятья
И вспомнит и горькую правду молвы.

И та, что вовек не дорвется до света,
Придумала снова иные миры,
Пусть царь ее грозный потешится где-то,
Потом и ему не снести головы.
Медуза – и снова в насилии ада,
Рождается бедной царевны экстаз,
И бредит, и мечется, нет, нам не надо
Судить ее строго за бред ее фраз.

Ее мастерству только бесы учили,
Она не постигла ведь даже азы.
Все спутано: время, печали и стили,
Чужая с чужими, туман суеты.
И там, где играли суровые боги
Печальной судьбой, остается туман,
Персей в этом мире жестоком в дороге
Он столько узнает и дев там и стран.

И только Медузой убитый хранимый,
Влюбился в Афины, Пегаса даря,
А бедной Данае достанется ныне,
Лишь похоть немая пьянчуги-царя...
И что там царевна в тумане лепечет,
- Безумная, чести такой не принять?
Она свои вирши нелепые шепчет,
И суть не понять, только пыл не унять...

Вернуться домой, чтоб с отцом рассчитаться,
С Персеем всю жизнь одинокой прожить...
И будут nereиды над ней издеваться,
И будут дриады беспечно шутить.
А кто остается с ней рядом? Сатиры.
Никто не любил, и никто не проник
В печали и нежности глупой, но милой
Сошедшей с ума от трудов и интриг....

И в Персии где-то рыдает старуха,
О том, что уже никогда не случится.
И шелест дождя золотого до слуха
Доходит, и Зевс ей в экстазе приснится.
Зовет его снова, как будто узнает,
Во тьме ее видевший пару минут,
Утешится пусть, пусть опять сочиняет

Печальную песню – покой и уют

Дарованы бедной царевне в тумане,
Не стать ей царицей - девицей умрет.
Злодейка судьба ее снова обманет,
Пустая в насилии жизнь вся пройдет...
И снова ей снится, как грозною тенью
Врывается Зевс, а что будет потом?
Даная в темнице своих заблуждений
Мечтает опять о дожде золотом...

И мертвые листья порхают в тумане,
Насильники где-то теперь далеко,
Никто не заманит, никто не обманет,
И только поэзия – ужас оков...
А мертвые листья, к земле припадая,
Ласкают, как Зевс в темноте не ласкал,
В бреду еще шепчет, забывшись, Даная,
Встречая не Зевса, а смерти оскал...

ГЛАВА 27 КОЛЮЧКИ, ЖЛАА, ШИПЫ НАШИХ ЛИТЕРАТОРОВ

Поток сознания кота Бегемота

Говорят, что утро вечера мудренее, кот Баюн не даст соврать, но так ли это? Может это и так, для всех сказочных героев, и просто людей, но у нас тут на Прозе, куда меня черт Фагот занес, все совсем не так просто, как в остальном мире. Все-таки творцы просыпаются, некоторые к утру знаменитыми, а кто и печально знаменитым становится, как получится.

А как может быть по-другому, когда столько писателей вместе собрали?

Они что должны жить душа в душу, обниматься, целоваться, как Ксюша с Настюшей на глазах у всех, но и там много чего за кадром происходит, а тут сам Велес велел – колотья, жалить, шипеть, чтобы эмоциями для творчества запастись.

Потому что одинаково талантливые, они все - таки разные, ну до жути разные, и если муж с женой, которые до свадьбы просто жить друг без друга не могли, теперь ужиться не в состоянии, то что же говорить о писателях и особенно писательницах, да когда их еще больше одной собирается. С какого перепугу они должны любить друг друга. Большинство все-таки мужиков любят в перерывах между творчеством, и это правильно, дети тоже должны иногда рождаться, а не одни только книги.

Нет, вечная любовь и нерушимая дружба могли бы быть, если бы они все были блондинками, какой ужас я придумал и сболтнул, тогда может и примирились бы как-то.

Но если блондинка столкнулась с брюнеткой, а рыжая им обоим хочет фору дать, что тогда, вот именно – вечный бой, покой нам только снится.

Кстати об окрасе наших писательниц, не знаю, как вам, а мне лично кажется, кто блондинки колются, брюнетки шипят от ярости, потому что у них мозгов немного больше и не могут они терпеть все, что тут блондинки творят. Ну а рыжим сам Велес велел жалить, потому что они бестии еще те.

И вот эти три девицы сошлись где-нибудь в одном месте.

Кто из вас поверит, что они бросятся в объятия друг друга, такие разномастные? И с чего бы они дружить начали....

Даже то, что у них хватит терпения просто промолчать и пройти мимо – не верю, как мой друг Станиславский говорил, и никогда не поверю, хоть вы убейте меня и порвите на лоскутки.

Но с другой стороны, вот о чем я подумал, если загадать желания, чтобы все они друг с другом примирились, стали исключительно добрыми и пушистыми – что тогда?

А тогда конец если не света, то творчества наступит в один миг.

Представьте себе никто – ни одна не колетса, не жалит, не шипит. Все живут со своими мужьями, на чужих даже не смотрят, все дети замечательные, забыли не только про наркотики и водку, но даже пива на дух не переносят.

Закрылись тюрьмы и суды, потому что судить и садить некого. И ладно это, переживали и не такое, но писать тогда о чем и о ком? О мире всеобщего равенства и братства? И насколько хватит писать, а кто читать будет? Не горячитесь, вы просто таких творений еще в глаза не видели, и сроду бы вам их не увидеть....

Хотел я такое желание загадать, но убил его себе в зародыше, чтобы вдруг случайно не сбылось. Кот Баюн говорит, что надо бояться своих желаний, они сбываются, а чем кот не шутит?

Ведь даже если мы примиримся с котом Баюном, одни только старые сказки останутся...Но кто же поймет, о чем там вообще шла речь, если у людей ни колючек, ни жал, ни шипов не останется, и все будут только мягкие и гладкие, получается, что не только новых сказок не напишут, но и старые погубят глазом не моргнув. Не будет у нас преданий старины глубокой, и останемся мы Иванами, не помнящими родства. И нынче недалеко от этого ушли, но будет еще хуже, хотя вроде хуже уже и некуда, но будет, как пить дать будет.

А вы говорите жить в любви, совершенствоваться, забыть про зло, человек человеку, а писатель писателю друг-то товарищ и брат.

Да не дай вам бог, господа писатели, до тех времен дожить, когда такая сказка станет былью.

Не знаю, как вы, а я лично точно доживать не хочу, и все сделаю, чтобы этого творческого коммунизма не наступила, не будь я котом Бегемотом.

Вон только наши звезды начали все губы надуть и все остальное, и то все в ужас пришли, потому что стали они все одинаковые и такие мерзкие, что глаза мои б на этих кукол не глядели. Так это звезды, звезды у нас гаснут быстро, вчера вообще нам звездопад обещали, может уже и звезд не осталось.

А писатели, они все-таки не звезды, у каждого своя натура, свой характер, своя энергетика. Если одни сталкиваются с другими и искры летят, то это только и значит, что есть еще порох в пороховнице, и не все потеряно, и может быть не только лучшей подруге по перу, но и творению что-то достанется.

А что бы это значило? А только то, что и творение сможет оживить.

А ведь покой, мир и равенство есть только в одном месте - на кладбище. Но мы - то с вами еще не на кладбище, или уже там?

Вот от этой печки и надо плясать, мы еще вроде живы, даже что-то сотворить хотим.

А посему, утро, наверное, и на самом деле мудренее вечера, раз наши блондинки – колются, брюнетки - шипят, а рыжие жалят.

И закипело творчество, все начинается с новой силой так бодро и даже местами весело.

Кто там вопрошает о мире и покое?

А не помните, где его нашел наш с вами Мастер? Нет, не на нашем сайте, а совсем в другом месте, хотите покоя – туда и отправляйтесь. Не велика потеря, без покойников обойдемся. А если не будете просить покоя, то может, и счастья заслужите со временем. Я перед Мессиром за вас

заступлюсь. Но для этого надо чтобы жизнь кипела, бурлила, била, хорошо бы не по голове. Но как по-другому мы можем чувствовать, что все еще живы и невредимы?

В общем, решайте сами – обниматься вам и целоваться со всеми подряд в экстазе, как наш недавний престарелый вождь. Зрелище, скажу я вам не для слабонервных, или все-таки творчеством заниматься.

А если творчеством, тогда покой вам только снится...Если чего-то сотворили или натворили, то вынимайте свои колючки, жала и шипы, и вперед, покорять Олимп, или Парнас, это кому что нравится.

Тот, кто изрек, что искусство требует жертв – был не самым глупым парнем, как и тот, кто заметил, что друг другу мы тайно враждебны. Вот от этого и отталкиваться придется, господа литераторы.

Ну вот, как погляжу на монитор, – жизнь начинается: Серж побежал нашу любимую писательницу догонять, чтобы раз десять на дню ей сказать о том, что она дура. А как внимательно читает, с упоением, и везде свои следы оставил, он надеяться, что от его слов она душой станет, наивный...Шип уже в самое большое место попал, и колючка, и жало, бедный Серж, ему не позавидуешь, надеюсь, жить будет, хотя как знать...

У кого - то басня готова, а блондинка, узнав себя, собирает свою гвардию, чтобы все вместе на одного и уж берегись баснописец, а тут и Орлеанская Дева подросла, она то мечом махать будет так, что и своим и чужим достанется...

И еще, и еще, и еще. Творческий народ подтягивается со всех сторон...

Нормальная творческая жизнь, кого-то надо спасать, кого-то на дуэль вызывать. А вы как хотели, если бездумно ввязались в драку, которая называется творчеством, то обороняться надо, отступать некуда, позади Парнас, только до него бы дожить и добраться...

Всем успехов и блондинкам, и брюнеткам, и рыжим, колитесь, жальте, шипите, то, что нас не убивает (надеюсь, никто никого не пришьет), то делает сильнее, а силы нам всем еще на этом тернистом пути пригодятся

Завсегда ваш, господа литераторы, кот Бегемот.

Пойду у Баюна узнаю, согласен он со мной или нет, а если нет, то колоться, жалить и шипеть я у вас научился... Посмотрим, кто прав окажется. Чего и вам желаю от всей души.

Творите и творимы будете...

Глава 28 Да здравствует моя дурная слава.

- Ну вот, господа писатели, не пора ли нам поговорить о ней самой – о популярности прирастающей или не прирастающей славой.

Кот Бегемот стоял за кафедрой, читал лекцию в Литературном институте, где штамповали писателей, каждый был талантом, каждый второй гением, и даже не пытался скрыть своей гениальности.

А куда еще было податься бедному коту, только к гениям....

Лекцию он назвал: «Да здравствует, моя дурная слава».

На нее сбежался весь Литературный институт, не каждый день вас просвещает сам кот Бегемот...

- А куда без нее деваться, если стали мы людьми публичными и занимаемся второй из древнейших профессий, или первой?

Ну, это не так важно, но древнейшей, сначала, конечно, были художники, это они тут в паре картинок рисовали все свое житье - быт, а потом и писатели появились.

И стали они сочинять былины сначала для поддержания духа воинства, чтобы на княжеском пиру исполнить, а потом и сказки, для того, чтобы всех остальных запугать хорошенько...

А как по-другому с первобытными людьми можно было договориться, и опять же свой опыт передать тем, кто придет потом, чтобы не оставаться Иванами, не помнящими родства, перекаати-подем без рода и племени....

Первыми публичными и популярными сказителями стали Бояны наши – певцы героических сказаний, а потом и Баяна – те, кто байки рассказывали, их еще Баечниками, помнится, называли, но уважали, слушали, открыв рты, и малые и старые, и все остальные славяне.

Бесценными они были, как кузнецы, потому что воинов у князя много, а вот кузнецов и сказителей раз-два и обчелся, берегли их, защищали, как самое бесценное достояние.

е потому ли и нынче, многим из вас хочется быть единственным и неповторимым Бояном на княжеском пиру? Не это ли греет душу, когда в литературу рветесь?

Только времена изменились, и князья пропали, словно их и не было, зато Боянов развелось больше, чем воинов в княжеской дружине...Никто род свой защищать не хочет, а все хотят быть то Боянами, то баянами, что не сильно в наше время отличается...

Наверное, первый князь еще сказал когда-то, что Боян на Руси больше, чем Боян, вот тогда на это внимания не обратили воины храбрые. А нынче долетело до нас это изречение, и каждый хочет рассказывать о времени, о себе, хотя и рассказывать особенно нечего, а хочется, и охота пуще неволи, вот и пошло поехало. Но каждый из вас догадается, что случилось бы, если бы в те давние времена столкнулись на пиру два Бояна да соперничество за то крутое самое место началось?

- А победил бы тот, который другого перед воинами и князем опорочил...

Сам бы он, конечно, добился почета и славы, и наград, а вот соперник его, не проявивший шустрости, остался бы с дурной славой, навсегда странником сделался...

Было ли тогда так или не было, не знаю, врать не стану, а вот потом, когда стали появляться все наши сказители - писатели, как грибы после дождя, то сталкивались они лбами снова и снова.

Недаром же последний из них, глядя на товарищей по перу, которые хуже врагов лютых оказались, так и заявил: - Друг другу мы тайно враждебны...

Так и есть, по-другому и не скажешь – на всех издательствах и книжках не хватит, значит надо сначала Боянов с Баянами лбами столкнуть, подозреваю, что победили последние, потому что героических песен вовсе не слышно, зато тех, кто байки на разные лады рассказывать привык, пруд пруди, и становится все больше. Теперь уже их друг с другом сталкивать пришлось.

Кто побеждал в этих поединках глухих и упорных? Мужики не слабые, схватки-то не шуточными были. Мало никому не казалось.... И вот здесь вдруг выяснилось, что интереснее оказались те, кто еще и в жизни себе какую-то байку - легенду придумал. Интереснее остальных они казались всем, героями, богами сами себя сделали, глазом не моргнув.

Вон Казанова чего только о своих похождениях не написал, а Гете и вовсе с самим бесом знался, Данте, так и ад прошел, а если бы не прошел, то что бы от него осталось?

А вот другие умные, милые, послушные исчезли без следа.... Значит дурная слава не так уж и плоха?

Зашумели студенты, друг на друга глядеть стали, соглашаться с котом провокатором или не соглашаться?

Кот очень обиделся, видя, что они не слишком доверяют, тогда он решил свою былинку о доброй и дурной славе рассказать.

- Так и повелось с давних времен, когда Боянов оказалось два, то первый второго, подсутившись, ославил – такого про него рассказал, что князь в ужасе отшатнулся от второго Бояна, решив, что дурная слава того все портит, да и как может такой вдохновлять воинов?

Только рано радовался тот, кто и о своей и о чужой славе позаботился. Ведь не сидел сложа руки и бог всего живого Велес - покровитель музыкантов и поэтов, все видел он, все слышал. Не мог допустить он, чтобы напрасно ославлен был один, и торжествовал другой его Боян.

Собрал он всех духов и богов на лесной полянке, и когда пришел туда изгнанный по навету соперника с княжьего двора, то заставил Велес его исполнить свои былины для всех, кто собрался около костров. И зазвучал дивный голос на всю округу, да так, что и до княжеской гридни он долетел, и заглушил того, кто был приглашен на княжеский пир былины исполнить.

Невольно замолчал добрый и милый Боян, своего места добившийся, а князь нахмурился, да и спрашивает;

-Откуда тот сладкозвучный певец взялся?

Пришлось признаться княжескому Бояну, что это тот самый злодей, слава у которого дурная, не место ему на княжеском дворе среди воинов славных.

Поднялся князь, да вместе с воеводами своими отправился туда, откуда былина лилась.

Напрасно уверял его Боян, что и петь тот не умеет, и талантом обделен, и вообще человек он отвратительный, нет места ему на княжеском дворе, вот пусть в лесах и поет, где его никто не видит и не слышит.

Только когда пришли они на поляну, то там нашли и Водяных, и Леших, и Русалок, даже Домовой из княжеского дворца там оказался, а впереди всех Велес с молодыми богами восседал.

Приказал он на миг замолчать Бояну, да и повернулся к князю:

- И что тебя, княже, сюда привело, у тебя-то лучший из Боянов, а у нас тот, который был изгнан с княжеского двора, говорит дурная слава у него, не должны уши княжеские его песни слушать. А вот мои уши для него и

предназначены, да и все остальные духи удовольствие получают. А слава, что, - он повернулся к княжескому Бояну, - когда один оказался шустрим да красноречивым, и меня ославить недолго, только пусть тебе поет тот с доброй славой, а нам и с дурной славой сгодится.

Покраснел от ярости светлый князь, повернулся он к своему Бояну, и готов был прибить его на месте. Если бы Велеса и богов рядом не оказалось, то и прибил бы, как пить дать прибил, а теперь стоял и не знал что делать, остаться или домой возвращаться. Непрошенными они все гостями оказались на лесной поляне.

- Оставайтесь, коли пришли, послушайте вместе с нами сначала нашего Бояна, а потом и вашего, вот и сравним. Кто из них лучше, шкуру снимать не станем, если проиграет, но посмотрим, у кого на самом деле слава дурная, - усмехнулся Велес, и князю на место рядом с собой указал.

Повертелся княжеский Боян, покрутился, а потом, помня, что ему перед Велесом петь придется, убежал потихоньку, да так быстро бежал, что догнать его никак не могли, хотя никто и не гнался за добрым и милым певцом.

Когда черед его настал, оглянулся Велес кругом, да и спрашивает у князя:

- А куда же твой прославленный да обласканный тобой делся? Чего он испугался так, видно что-то нечисто во всем этом, иначе бы он в бега не бросился.

Хмурый князь вернулся домой, запретил своему Бояну и близко к дворцу приближаться, да он и сам не осмелился бы появиться после того, что пережить пришлось...

А дурная слава хорошую службу ославленному сослужила, он вместе с Велесом навсегда и остался.

Так закончил свое сказание кот Бегемот...

Но потом повернулся к слушателям своим:

- Вот и вам, творцы мои распрекрасные, если захочется кого-то ославить, чтобы самому на княжеском пиру первым оказаться, подумайте о том, что дурная слава может верную службу сослужить тому, кому вы ее дарите, кто же знает, где найдет, где потеряет..

Может он на княжеский пир и не попадет, но Велес не дремлет и себе его заберет, а вас потом и князь прогонит, узнав, что не все то золото, что блестит.

Так и сегодня среди творцов бывает, кто-то холит и лелеет свою славу, поливая грязью собратьев, но не стоит рыть яму другому, потому что Велес

может позаботиться о том, что ты сам туда попадешь, а дурная слава еще и поможет стать первым поэтом если не для князя, то для Велеса.

Но да здравствует моя дурная слава, и убереги меня Велес от доброй, это вам кот Бегемот говорит, а меня, между прочим, чуть президентом страны не выбрали, профессора Преображенского обогнал в избирательной гонке, а дурнее славы, чем у меня и не бывало, наверное, ни у кого...

Хотя каждому свое...кому - то и княжеского пира достаточно, тогда и доброй славы хватит. Но кто из нас не мечтает стать генералом в своем деле или хотя бы котом Бегемотом.

В аудитории повисла тишина, еще раз повторилась немая сцена, как в «Ревизоре». Кот Бегемот загадочно улыбнулся, раскланялся и исчез

И сразу заволновались, зашумели студенты - гении и страшные таланты....

Глава 29 Летели Витязи в Сибирь. Просто мистика

(Не более чем сон, а жаль)

В ночь с 24 на 25 сентября к сыну короля звездочета пришел Благородный Афраний.

Всей беседы мы не слышали, но самое главное все-таки прозвучало в финале:

- Никак им без нас не обойтись, а мне приснилось, что были наши герои тише воды и ниже травы.

Афраний взглянул удивленно на прокуратора...

Молчаливый вопрос застыл в его глазах:

- Никаких новых катастроф, хватит с нас и с них того, что было, сделай так, чтобы они долетели, но были тише воды и ниже травы.

- Это не реально, даже для меня,- признался начальник тайной полиции.

Прокуратор молчал.

- И невозможное возможно, дорога дальняя легка.

Он цитировал какие-то неведомые стихи русского витязя.

Афраний удалился молча.

Прокуратор потрепал пса, как обычно опустившегося к его ногам.

- А я уверен, что сможет и все у него получится, ты бы не смог усмирить, потому что всем яйца разом не откусишь, а Афраний сможет, он и не такое мог.

Прокуратор задремал, но и во сне он ожидал известий от своего любимого начальника Тайной полиции, который ушел на задание в неведомый мир, переполненный яростью, немотивированной агрессией и просто адским злом, которым были переполнены многие мертвые души его обитателей

№ № № № № № № № № №

Добры молодцы, а то и просто «Витязи» садились в самолет с молодецким свистом и какими-то забугорными песенками, которые должны были насторожить любого, если бы в том самолете были еще пассажиры, кроме бравой хоккейной команды, то туго пришлось бы этим людям. Но они летели только своим дружным безбашенным коллективом, прославленным вовсе не спортивными достижениями, а как раз наоборот. А что вообще ни в какие ворота не лезло, так это то, что даже на тренировках, они могли подраться друг с другом, да еще как, не говоря о соперниках.

Спасало от больших бед только то, что так называемые тафгаи не слишком уверенно стояли на коньках. И если вперед они еще худо- бедно двигаться могли, то спиной уже никак, вот это и могло отрезвить их безбашенные головы, завалиться на лед, чтобы вовсе не подняться, да так там и валяться, никому не хотелось.

Но сейчас они с опаской поглядывали на самолет. Недавние печальные события даже в их железобетонных непробиваемых душах наложили какой-то хотя и не слишком понятно какой отпечаток.

Некоторые пошутили о том, что они больно тяжелые, самолет может не подняться. Но на них стали шикать и стучать по дереву более трезвомыслящие – а так как дерева было мало кругом, то сгодились и головы тех самых витязей. Они мало чего понимали по-русски, но чувствовали все очень хорошо.

№ № № № № № № № № №

Командир экипажа оглядывался на своих печально знаменитых пассажиров, но человеком он был веселым, и потому про себя решил, что

эти в огне не сгорят и в воде не утонут, значит обойдется, долетят до Сибири в целости и сохранности.

В подтверждение его помыслам и прогнозам, они взлетели довольно удачно, ну как всегда, без особого напряжения, если бы так же еще и приземлиться на диком берегу Иртыша.

- А я что говорил,- подмигнул он штурману, - они там не нужны и не скоро еще понадобятся.

Штурман все-таки решил постучать по дереву, но постучал по железу, и стук этот странно отозвался в мозгах каждого из пассажиров. Кто-то потянулся за крестом на брюхе, кто-то за горячительными напитками... Витязи хотели жить, чтобы драться, и драться, чтобы жить...

Первыми заверещали чудо-богатыри, умереть и не подраться, даже не долетев до Сибири – этого они перенести не могли...

Кто-то припомнил, что там потонул первый витязь Ермак, его тоже не смогли спасти.

Яби понятия не имел о ком идет речь, но бросился на Макса, который был из того самого града и знал наверняка, кто и почему там утонул. Этого не ожидал никто, но пришлось отбиваться.

Самолет трянула, пришлось всей остальной команде разделиться на две половины, чтобы их растащить.

Наверное, легче железным прутом раскрыть пасть Питу, чем растащить этих двоих. Кстати, о Питах, один из них откуда-то взялся и тут же направился к ним.

Яби это резко отрезвило, и он уселся в свое кресло, переглядываясь с псом, который если дернется с места, то может схватить за самое больное место, и тогда ему будет не до драки, если вообще оторвать удастся и не умереть от боли.

Так они и гипнотизировали друг друга, пес моргнул первым.

- Я победыл, - по-русски гаркнул витязь.

Пес зашевелился, и воин решил не искушать судьбу.

Страшный вой раздался откуда-то из кабины самолета. Всех трянуло разом.

Яби забыл о собаке, но кто-то пнул пса, и тот вцепился в ногу Масти.

Железного прута, чтобы разомкнуть его пасть, в самолете не нашлось.

Воин выл и вопил так, что самолет начало потряхивать все сильнее.

Кто-то молился, кто-то орал и рвался к летчикам, откидывая стюардесс, но какая-то неведомая сила бросала их назад.

Это были не хрупкие девушки, а именно такие же витязи, как они сами, только уследить за ними никак нельзя было, потом, когда самолет начал падать, они больше не выли, не дрались, и даже не вопили.

- А еще говорят, что молния два раза не бьет в одно место, - выдохнул кто-то из русских парней.

Но это открытие многих вдохновило, они поверили, что не бьет. Пса так тряхануло, что он сам, без железного прута разжал пасть. Укушенный сотрясаясь от боли и ужаса, хватаясь за израненную ногу.

- Что делать будем, даже если сядем, он играть не сможет.

- Ястребы проклятые, это все они нам собаку посадили в самолет.

- Думаю, что мы разозлили кого-то покруче этих куриц на этот раз, говорил я вам вратаря не трогайте, - верещал самый разумный, которому их игра не слишком нравилась и перед смертью он решил высказать все, что думает о своей команде, без которой им не жить, но кажется им вовсе не жить.

- Моя Сибирь, - любовался миром под крылом самолета Тим, - и в этот момент он казался обычным, нормальным парнем, что-то человеческое проснулось на его побитой физиономии, хотя даже не верилось, что такое преобразование может случиться.

Вниз посмотрел и тренер. Было же ему предупреждение, что надо отказаться от игры и от полета, эти три очка ничего не решат, последнее или предпоследнее место, какая разница, зато были бы целы.

Но выл рядом Масти, и это сбило его с лирического лада, надо было что-то делать с его ногой. Откуда только собака взялась, да еще во время полета. Такое и не приснится.

И стоило ему только подумать о собаке (он читал роман века в школе, когда влюбился в учительницу литературы – была с ним такая беда однажды, всего один раз за всю жизнь), так вот в то самое время и появился человек в странной одежде.

И вышел он из кабины самолета (уж не он ли и рулил все время).

- Меня зовут Афраний, благородный Афраний, - заявил пришелец.

На нескольких лицах Витязей появилось что-то типа просветления.

Тренер приподнялся, подался вперед.

- Хорошо, что узнал, - усмехнулся тот, - так вот велено вам передать, что долетите вы только в одном случае, если торжественно пообещаете, что будете тише воды, ниже травы на стадионе в Омске.

- А если нет, - начал торговаться кто-то из сидевших в первом ряду.

Но все так цыкнули на него, а Афраний так посмотрел, что и этот парень решил, что торг неуместен и замолчал, если не на всегда, то надолго Афраний повернулся к укушенному и усмехнулся:

- Ты можешь не давать обещание, тебе до стадиона все равно не дойти...

Масти задрал глаза кверху, куда уж выше, и стал тихо читать молитву.

- А как с остальными?

Парни что-то бормотали, понимая, что этот благородный, как там его Афраний, исполнит свои обещания, достанет их и на земле и под землей. Он повернулся к тому, который сидел молча:

- Тебя, мой друг не слышу.

Яби что-то говорил по-английски.

- Все ты понимаешь, и не надо гробить остальную команду.

Словно в подтверждение его слов, самолет снова трянуло, заколотил град по обшивке...

Яби торжественно пообещал быть тише воды и ниже травы. Очень жить и драться хотелось, хотя последнее вряд ли, слово, данное этому типу, лучше не нарушать, а то хуже будет.

- Но смотрите у меня, вам не последний раз лететь, а я не ваша полиция, не отпущу, если кто-то посмеет нарушить клятву, из-под земли достану.

Афраний взглянул в глаза псу, тот посмотрел на него...

- Ты последишь за парнями, чтобы они не забыли, что обещали. Что у нас бывает с нарушившими обещание, все знают. Тогда они этому позавидуют.

Он указал на укушенного. Человек исчез, пес остался. Самолет коснулся земли и помчался по посадочной полосе. Самые молчаливые в мире пассажиры вышли в аэропорт.

Они долетели до Сибири, в город, где потонул русский витязь атаман Ермак, говорят, он тоже был еще тот вояка.

Те, омичи, кто знали, что это за «Витязи», а знал практически каждый второй, особой радости от встречи с ними не проявляли и переходили на другую сторону улицы, на безопасное расстояние.

Они дивились только тому, что парочка парней тащили какого-то амбала, а он что-то кричал по-английски и никак не мог встать на ногу.

Пришлось вызывать «Скорую», потому что дотащить его до автобуса было проблематично, да и лечить надо, уж больно истощно орет.

Врачи «Скорой» тоже радости, и даже вежливого внимания не проявили, хотя очень дивились, как так можно пораниться на борту

самолета. Амбал показывал на собаку, бывшую рядом, но врачи ее не видели, вероятно, она была видна не для всех.

- Они что там кусали друг друга, интересно, у кого таких крутые зубы, - спрашивала молодая белокурая врачиха у своего товарища.

- Ну и хорошо, наших кусать не будут, - отвечал доктор, который был большим любителем хоккея.

Печально-радостная весть о том, что одного витязя в больницу прямо с самолета отправили, разнеслась по городу. Ну что же, вероятно удача не отвернулась от ястребов на этот раз.

НО больше всего удивило даже ни это, а то, что команда была тише воды и ниже травы.

Не поверите, они не заработали ни одной штрафной минуты за весь матч. Да проиграли со счетом 5:1, но без единого удаления, как только кто-то кулак поднимет, опомнится да и отпустит сразу, словно рука у него онемела и не поднимается больше. Что за хворь такая странная на витязей напала, даже судьи от них шарахались, но шутить, не пытались, кто их знает, что там, в головах их садовых творится.

Журналисты кричали, что прилетели не «Витязи» их кто-то в самолете заменил на нормальных парней. Они и сами не подозревали, насколько были близки к истине.

Команда улетела молча, хотя все милиционеры были брошены на охрану Витязей от сибиряков, или сибиряков от них, этого так и не поняли.

Тренер оглянулся на город, но ничего не сказал, ему показалось, что пес твякнул где-то рядом.

- Что же теперь будет, - уныло подумал он, - нам что, не подраться даже ни разу за всю оставшуюся жизнь?

Пес зарычал рядом, и он шагнул в салон самолета.

Угрюмый и высокий командир экипажа взглянул на него мрачно. Тренеру показалось, что он на кого-то сильно похож.

-Благородный Афраний, снова он.

- Какой грамотный тренер у этих Витязей, - шепнула одна зеленоглазая бортпроводница другой.

Он еще раз посмотрел в ее глаза, хотел сказать что-то грубое, но понял, что безнадежно влюблен во второй раз в жизни, дело совсем дрянь...

Но на этот раз долетели Витязи до дома спокойно, слишком спокойно. Говорят, затишье бывает перед бурей, но не на этот раз, из каждого правила есть исключение, бури в обозримом будущем не намечалось, Афраний не

даст соврать. В жизни бывают чудеса, а если мы сами не можем их творить, то Афраний нам поможет.

Глава 30 ВАШ ТЕКСТ НЕБРЕЖНАЯ ЗАБАВА? Прощай, макулатура

**Бойтесь своих желаний, они исполняются.
(мудрость кота Бегемота)**

Если все мы писатели, а авторы, графоманы, обнявшись летим в пропасть, то должен найтись кто-то, усатый, полосатый, кто нас оттуда попытается вырвать в последний момент. Если таких все-таки не нашлось, то сойдет и черный кот Бегемот.

Когда число макулатуры зашкалило на неведомую высоту, потер кот Бегемот лапы и решил хоть что-то для спасения сделать. Собрал он всех своих верных и неверных помощников и стал с ними совещаться, что делать и как жить нашей литературе-макулатуре дальше, да и жива ли она, в чем многим уже к тому моменту приходилось сомневаться.

Но черный кот был таким оптимистом, что даже страшно становилось.

- А давай проверим, на что годятся твои авторы, - предложил кот самому творческому и романтичному из бесов – Фаготу, в простонародье Коровьеву.

Тот чувствовал подвох, а что еще мог Бегемот, но согласился, ведь не всегда получается так, как хочет кот, иногда и он хочет, как хуже, а получается как всегда, редко, но такое бывает, случается, а вдруг и это тот самый счастливый случай?

Да и потом люди же, авторы, которые в шутку (ну не всерьез) называют себя графоманами, они ведь хотят получить шедевр, хотя бы один, пусть даже он никогда не попадет в рейтинг, но это будет настоящее произведение, ведь не настолько они тупы, тщеславны, никчемны, что им только и нужна эта минута славы, которая на самом деле минута позора, даже если кто-то этого не знает и не замечает?

Так размышлял бес Фагот, в простонародье Коровьев.

Как же не хочется, чтобы он ошибался, потому что в отличие от наглого кота и жестокого Азazelло, и от беспощадного Абадонны, он наш, он свой, он хороший, он русский бес...

А кот уже орудовал во всю.

Телефоны первой сотни авторов, которые ни о чем не догадывались, были вбиты в его собственный телефон (кот освоил его быстро) и к ним полетела СМС-ка :

-Кошелек или жизнь, рейтинг или шедевр.

- Наивный, - усмехнулся Абадонна, - уж он-то не собирался доверять таким игрищам, меньше всего верил в лучшие качества людей, жалел только о том, что очки ему позволялось снимать только три раза в году (как золотой рыбке исполнять желания), иначе бы значительно поредели ряды авторов, а то и вовсе никого бы не осталось. Скорее всего, Абадонна бы вообще не надевал очки.

Кот между тем озадаченно почесал за ухом. Бесы могли не заглядывать в ответы. 99 авторов из ста предпочли кошелек, вернее рейтинг, до одного СМС-ка не дошла, он видно сменил симку.

Дело казалось совсем безнадежным. Шедевров не хотелось никому.

Может, они не верили в то, что напишут шедевр, особенно при помощи незнакомого афериста, а разве не таким казался тот, кто послал сообщение.

Но ведь в то, что он продвинет их на вершину и подарит минуту позора(можете называть это славой) все 99 поверили с первого мига.

Значит, дело не в недоверии.

- Что делать будем? - спросил Бегемот, как только отошел от шока – такого результата, надо признать, не ожидал даже он сам. И неожиданность была очень неприятной, губительной, можно сказать.

Коровьев приуныл так, что на него без слез и не глянешь, и все - таки он что-то пролепетал про вторую попытку.

- Может, других возьмем, не этих, опупевших от позора на вершине?- наконец предложил Азazelло, и глаза его яростно сверкнули. Демон безводной пустыни готов был рвать и метать, хорошо, что никто из горе-авторов не попался ему под горячую руку.

Авторы вряд ли могли надеяться на пощаду, но надо было попробовать все.

Кот набрал совсем другие номера, тех, кто был явно талантлив, ну по его меркам по крайней мере, он конечно, мог ошибаться, но никогда бы в том не признался, да и косяки его в определении талантов были единичными.

Здесь все оказалось не так массово и однозначно.

Половина опрошенных послали его подальше, слова были разными, но суть одинакова, вторая половина в знак протеста – закрыли свои страницы

- Интересно, интересно, - усмехнулся Аззелло, - похоже, он не ожидал такого. Это была уже вторая неожиданность за столь короткий срок.

- Ну что же, работы будет меньше наполовину.

Он всегда придерживался правила, что надо бояться своих желаний, потому что они исполняются, и те, кто бездумно послали его любимого кота туда где раки зимуют, Макар телят не пас, и куда похуже, они в тот день, не поверите, написали шедевры, все 50 человек, и не просто написали – опубликовали их, хотя многие не могли добраться до Интернета, находились вне дома, но на их страницах красовались шедевры, только что сотворенные на одном дыхании, захватившие авторов полностью в плен...Это был тот случай, когда в текст вкладывали душу.

Но самым большим чудом было даже не то, что они написали (сами, и помнили каждое написанное слово, каждую метафору и поворот сюжета), но ведь чудеса продолжались, Аззелло увлекся, и дальше была совсем детективная история.

Практически все, кто заходил на сайт – прочитали эти шедевры, оставили отзывы, тоже не особенно понимая, почему и как они это делали, ведь даже пресловутое чувство самой черной зависти не осаливало рецензентов. Дол сих пор они оставляли свои отзывы, только видя, что произведение никуда не годится, и они напишут лучше, а тут, что же такое случилось?

Когда количество рецензий под каждым шедевром перевалило за тысячу и только они обгоняли друг друга в рейтинге, на сайте началась культурная или шедевральная революция, потому что туда рванулись, понеслись без оглядки все пользователи сети, даже те, кто сроду там не бывал, и самым странным было то, что и они умудрились оставить там свои рецензии.

У самого главного шедевра – Аззелло мог гордиться им, потому что вложил в него кусочек и своей души, к вечеру появилось сто тысяч читателей и рецензий, но и все остальные пятьдесят тоже не остались в накладе.

Срочно открывали страницы те, кто в знак протеста их накануне закрыл, решив, что их разыгрывает какой-то черт рогатый или черный кот, который решил перейти им дорогу.

Кстати, они оказались на диво близки к истине, хотя никогда о том не узнают.

Последними на сайт пришли знаменитые писатели, тиражи книг которых превышали миллион в издательствах.

Что они там делали? Стояли в стороне и нервно курили. После того, когда прочитали все, что было в рейтинге, и сначала криво усмехались, дескать, макулатура, с которой все носятся скорее из вредности, чтобы досадить им - знаменитый миллионщикам, а потом беззвучно рыдали, убедившись, что никто из них так не напишет, сколько литературных рабов бы они не собрали.

Кстати, о рабах, они стали выяснять, кому принадлежат эти шедевры, чтобы сделать их своими соавторами. И на многое готовы были знаменитые и успешные, чтобы раба заполучить, за ценой они стоять не собирались, это точно. Кот Бегемот хохотал до упада.

Аззелло да и остальные сначала не поняли, что же его так рассмешило, когда он смог промурлыкать хоть что-то вразумительное, кот изрек:

- А давайте мы этим в рабство литературное Аззелло сдадим, может он и там поднимет уровень текстов, а не только на моем любимом сайте. Хотя, если это случится, тогда придется выбросить все, что уже опубликовано, а это настоящая культурная революция...

- Их много, а он один.

- Ничего, справиться, раз уж заварил эту кашу, пусть сам ее и расхлебывает, без культурного переворота, вовсе не бессмысленного, хотя и беспощадного, нам точно не обойтись.

Аззелло бросился на кота с кулаками, тот едва успел запрыгнуть на книжную полку и стал швыряться оттуда книгами.

Бесам ведь револьвер, что слону дробина, книги же, написанные некоторыми особенно одаренными авторами, были просто убийственными, потому Аззелло отошел в сторону, решив, что кот нашел действенное оружие, и лучше остановиться - целее будешь.

Не получили наши продвинутые авторы литературного раба, сколько не искали они, какие связи не подключали, нигде найти не могли, он словно провалился сквозь землю.

Но чтобы подразнить гусей-писателей, доказать, что это было не разовое сотворение чуда, а регулярная работа, через пару дней на сайте

появились новые шедевры, теперь это были уже не рассказы, а романы, довольно приличные, скажу я вам, читали их уже всем миром с утра до вечера. А еще говорят, что большие произведения в сети не читают, еще как читают, кот Бегемот не даст соврать.

Писатели макулатуры сюда не заглядывали, боялись, что не смогут дописать даже то, что уже было продано издательствам. Ведь когда знаешь, что у тебя так не выйдет, то руки отпускаются сами собой, а им надо было исполнить обязательства по договорам, иначе совсем разорятся, бедняги.

Хотя где-то в глубине души кошки скребли, намекая на то, что опубликовано это не будет, если издатели за что-то схватятся, то именно за то, что читает 100 000 человек в реальном времени, а не то, что они могут еще и написать, а ведь это кот в мешке.

Так кот Бегемот со товарищами своими убили сразу двух зайцев, они заставили низы, которые могут работать – творить, заставили верхи, ушедшие в тираж, наконец замолчать.

Но был еще и третий заяц, о котором они не задумывались, но все-таки убили – они приучили когда-то самую читающую страну, читать снова и гордиться своей литературой, как и призывал то ли президент, то ли премьер, ну в общем большой начальник.

И не хотели вроде, а получилось само собой.

Можно сказать, что все были довольны...Но ведь так не бывает, чтобы все и сразу, даже в самых крутых сказка не бывает, а в литературной жизни тем более.

И у нас все было не так уж гладко - рыдали и бились головой об стену пять десятков самых яростных рейтингоманов, которые ничего не могли, ну совсем ничего, но всегда были на вершине позора, именно потому что ничего не могли.

Они и теперь еще не верили, что их время ушло навсегда и никогда не вернется.

Говорят, кто-то из них даже помер от расстройства и желания снова пробраться в тот рейтинг - так переутомился, что выключился, и не смог перезагрузиться, бедняга. Когда же ничего у них не вышло, кто-то запил, кто-то пошел в загул, а кто-то в тайгу ушел, обиженный на весь мир, но это уже совсем другая история.

Мы малой кровью получили шедевры, и сайт снова стали литературным, настоящим, а разве не это самое главное?

Глава 31 НЕИЗВЕСТНАЯ ПРИМА. ШУТКА ПИАНИСТА

Каждую историю можно рассказать, по крайней мере, три раза.

А о случайной встрече в старом кафе вам, дорогой читатель, поведаст Он – администратор – лысеющий семьянин средних лет, очень морально устойчивый, такой устойчивый, что самому порой становится страшно

Она – наша неизвестная Прима, наше все, хотя пусть бросит в меня камень тот, кто хоть что-то о ней ведает, хоть какое-то представление имеет. И Пианист.

-Кто такой Пианист? Он что свечку держал?- вопят дамы очень пожилого возраста на знаменитой передаче «Лучше бы молчали».

Могу им сразу ответить – свечку не держал, потому что это было вовсе не любовное свидание, а случайное и бессмысленное столкновение в этом мире, каких бывает сотни и тысячи, особенно у тех, кто должен в наше непростое время зарабатывать себе на хлеб каким-нибудь администратором в старом кафе.

На него – это странное свидание ни одна живая душа сроду бы не обратила внимания, если бы это оказалась просто женщина, а не наша Прима...

Да и она не обратила бы, если бы не Пианист.

А так как играть ему еще было всю ночь, а народу пока не было никого, и он смертельно скучал, то и решил немного позабавиться.

А что, каждый развлекается, как может.

Пианист смертельно скучал, это звучит довольно забавно, потому что на самом деле смерть ему не грозила...

Но не торопитесь завидовать – бессмертие – это страшное, порой невыносимое испытание, мы не ведаем этого только потому, что никому из нас не суждено его пережить, вот и радуйтесь, что смертны, и вам не достанется этих вселенских мук.

Для того, чтобы хоть как-то развлечься, Пианист заглядывал в старые кафе и садился к роялю, устроив выходной для музыканта, который за это деньги получал....

Пианисты такого масштаба могут позволить себе такую слабость.

И там, именно в тот день и час совершенно случайно оказалась наша Прима. Тогда она еще, если верить слухам и сплетням и на закрытых вечеринках для избранных появлялась

Она решила передохнуть, послав к чертям всю свою свиту. Все надоели.

Может же человек остаться один на один с собой хоть раз в сто лет?

Кроме Пианиста в Старом кафе никого не было.

Хотя нет, там был на своем месте администратор.

Но кто же их замечает?

Если бы потом на суде присяжные начали пытаться Приму о том, какой он был, как выглядел, во что одет, и под дулом пистолета она бы не смогла ответить на эти простые вопросы.

Что вряд ли удивило бы тех самых присяжных. Хотя они обвинили бы ее в том, что она страшно далека от народа и за это будет гореть в аду. Но это уже не нашим присяжным, к счастью решать, кому и где предстоит гореть, есть совсем другой суд, а кто его знает, что он еще решит.

Примерно об этом и размышлял Пианист, и он решил все изменить хотя бы на полчаса, чтобы потом ее не упрекали за то, что страшно далека...

«Баллада» Шопена зазвучала чуть громче и тревожнее.

- Что можно сделать? Заставить его влюбиться, броситься к ее ногам, умолять о ночи страсти? - размышлял Пианист, - нет, это не годится, слишком пошло и обыденно, какое же это развлечение, да и Приму жаль, что она может сказать этому парню, имя им легион, а она одна...

Значит... Мы пойдем другим путем.

Словно какой-то комар укусил Приму.

Она вздрогнула и оглянулась.

Что-то похожее на усмешку, мелькнуло в уголках ее губ, а что у нее никогда не было таких, да и не будет, конечно, но как бы это было забавно, если пофантазировать немного... В этом что-то есть...

- И ты сегодня купишь ценою жизни ночь мою, - цитировала она знаменитые строки, безбожно их перевирая.

Но настрой был явно поэтический, что в последнее время случалось не часто.

Хотя все в сознании ее протестовало против этого, да с какой стати, о чем вообще речь, что это за чертовщина? Надо скорее вырваться на воздух, там, вроде снегопад...

А мужичок и на самом деле забавный, такой ершистый, дергается так, словно она его куда-то приглашает, размечтался.

Говорят, любовь зла...

Она резко повернулась к Пианисту, начиная ощущать, что все это как-то связано с ним, хотя возможно ли, у него такой отстраненный, отрешенный вид, вот если бы не эта мажорная «Баллада».

Нет, в музыке явно что-то есть.

Да и сам мужичок мажор, сейчас он станет говорить о том, что она ему не нужна, что она не в его вкусе, а она сделает вид, что поверила... Ведь он то ей точно нужен больше всех на свете...

Какой забавный, ну хоть один скажет правду, хотя на это вполне можно ответить, что я уже сама давно выбираю, кому я нужна, кому не нужна, кому нравлюсь, а кому нет. Но пусть говорит, это же наш народ...

Это в фильме у Рязанова миленькая героиня, за которую ей пришлось петь, в конце концов, влюбилась в пьяного бродягу....

Но на то они и фильмы, чтобы доказать, что в реальности такого не бывает и быть не может...

Но тот хоть доктором оказался в итоге, а тут – администратор, его и не разглядеть и не запомнить.

Прима и администратор, такого даже Рязанову не осилить.

- Не верю, - вопит наш театральный Гений, даже ей не сыграть этого, а что про него говорить.

И вдруг зазвучала минорная «Баллада».

Как же много Шопена в этом старом кафе, словно мы на великосветском приеме. Но такая музыка заводит лучше любого вина, жаль, что сама уже давно страшно от нее далека, вот только так, случайно и можно услышать...

Надо все сделать, чтобы ему не понравиться.

Да не так и сложно – я старая усталая, больная женщина, а эти начинающие лысеть, все одинаковы, лысина в голову – бес в ребро.

Может, ему миллион подкинуть для того, чтобы хоть какая-то девица улыбнулась ему и побыла с ним часок?

Но не возьмет, засудит за взятку, будет на каждом углу орать, что я его покупаю, что без этой ночи страсти мне не обойтись. А могу я просто пожалеть этого администратора, доставить ему пару минут радости именно с той, о которой он даже мечтать не может? Могу, но не хочу, - резко оборвала она свои размышления. - Да и сколько их таких несчастных, говорят, что нужно научить их ловить рыбу, а не приносить готовую, только как такого научишь, это уже не реально.

На глазах Примы появились слезы, потому что через пару дней она будет скучать в Венеции, а Админ здесь до конца дней, и не то, что Венеции,

и столицы не видеть ему, как своих ушей, бедняга. И почему так скверно все у нас получается?

В старом кафе ей уже слышался зыбкий стон Шопена, словно они перенеслись в серебряный век.

- Ты будешь гордиться собой и женой, своей конституцией куцей, - снова вспомнила она строки знаменитого поэта, который тоже, говорят, встретил в ресторане девчущку, усмехнулся, протянув ей черную розу, а тогда все знали язык цветов, и это означало буквально: - Я хочу провести с тобой ночь.

Ему было скучно и хотелось взглянуть на ее реакцию, ведь она представления не имела о том, что он первый поэт в граде на Неве.

Как она подскочила, словно ошпаренная: - Какой кошмар. Вы меня оскорбляете... А то, что в ресторан с подругой явилась, это ничего, это нормально.

А вот когда появилось стихотворение (не для этого ли она и была нужна поэту), и у нее начали спрашивать, спала ли она с поэтом или не спала. Какую ночь страсти она описала, особенно лет через 40, когда поэта уже давно не было в живых, да и сама она была старой, несчастной, всеми брошенной дамой. Тогда уже никто не поверил бы ей, если бы не это стихотворение:

-Ты рванулась движеньем испуганной птицы,

Ты прошла, словно сон мой легка...

У нее был поэт, у меня есть Пианист, если бы этот парень еще не мельтешил перед глазами.

Такие вот метаморфозы случаются порой.

Но от грусти не осталось и следа, там снова звучала мажорная баллада, Пианист, наконец, повернулся и подмигнул ей, конечно, он не мог быть столь равнодушным, искра надежды появилась в ее душе.

Что там говорила Марго Азазелло:

- Он хочет переспать со мной.

- Об этом мечтают женщины во всем мире, но этого не случится. А чем черт не шутит, может, на этот раз случится?

Прима выхватила визитку, что-то черкнула на ней, негромко попросила передать ее Пианисту.

А что, если уж ночь страсти то с этим оставшимся во тьме вершителем судеб и творцом музыки, настоящей музыки, способной привести в экстаз любого.

- Ну что же вы окаменели, отнесите, милый, вашему пианисту, мне есть о чем с ним поговорить. Да не стойте же истуканом.

Прима начинала злиться.

Админ застыл на месте и на миг превратился в статую то ли Степанычу на Любинском, то ли самому Достоевскому.

Прима вспомнила, что она так и не видела этого памятника. Что может быть нелепее, чем памятник писателю в том месте, где он маялся и страдал на каторге..

- Мне можно ставить памятник в любом из городов, да хоть вот в этом кафе, - усмехнулась она и достала сигарету.

Но она вспомнила еще и железную красавицу, которая по воле этих творцов должна сидеть под дождем и снегом на железной скамейке.

Вот что такое одиночество – настоящее одиночество, а пока мы живы, пока звучит Шопен, все было и все будет.

Админ наконец сорвался с места и направился к Пианисту, по дороге забыл зачем он шел, а визитка перекочевала в его собственный карман.

Что так удивило и заставило обо всем забыть Админа?

Он в первый раз увидел ЭТОГО пианиста, никто никогда его прежде не видел и на работу не принимал, так как же он тут оказался?

Что это вообще за чертовщина такая?

Вот об этом он хотел спросить у незнакомца.

Но музыка оборвалась внезапно, и место у рояля было пусто.

Зыбкий стон Шопена летел куда-то во внезапно распахнутое окно.

Тогда админ, понимая, что он ничего не контролирует на вверенном ему участке, повернулся к столику, где сидела Прима.

Может быть, она ему хоть что-то объяснит.

Но и там было пусто. Никого.

Уж не спал ли он на работе. А если спал, как такое могло быть.

Но админ вытащил визитку, покрутил ее перед глазами.

Вот знак того, что он не спал, что все это было на самом деле – у него есть вещественное доказательство, его никто не сможет уводить...

№ № № № № № № № № №

Над Любинским кружился снег, когда никем не признанная Прима, молодая и прекрасная, а какой ей еще быть, выпорхнула и закружилась от радости.

Она двигалась туда, к девушке в бальном платье, чтобы убедиться, что есть душа, которой и на самом деле одиноко.

Наверное, снег уже облепил ее обнаженные плечи, а она так и не может раскрыть свой зонтик.

Но каково же было удивление Примы, когда на железной скамейке рядом с красавицей в летнем наряде она увидела Пианиста.

Он сидел, выпрямив спину, закинув ногу на ногу, и улыбка таилась в уголках его губ.

Казалось, что он говорил:

- Все не так скверно, как кажется на первый взгляд.

Прима пожала плечами, и, почти окрыленная, полетела дальше.

Каким белым и пушистым был снег над головой.

Жизнь прекрасная и удивительна, стоит только вырваться в заснеженный город и закружиться в снегопаде.

Глава 32 СГОРЯТ ПОЭТЫ БЕЗ СЛЕДА

На старой даче в Переделкино, где не было ни одной живой души, пировали трое.

Ну, пировали, вероятно, это громко сказано. Просто Абадана привел своих приятелей, с которыми враги отдыхают, чтобы приобщиться к творчеству не графоманов, а профессионалов, тех, кто был издан на бумаге, да ни один раз, получил даже какие-то премии и награды за бессмертные творения. Да и похоронены эти парни если ни у Кремлевской стены, то на Новодевичьем и Ваганьковском, или на Литературных мостках в Питере. Но чаще всего все-таки в этой столице столиц, потому что эти самые изданные старались сразу перебраться в столицу, ведь их издали, причислили к лику поэтов, а кому не известно, что «Поэт в России больше, чем поэт»- давно аксиомой или великим заблуждением стало.

И не только в «Роман-газете», но и книжке, в дюжине книжек красуются неумелые, часто нелепые творения, которые только на старых дачах и можно отыскать днем с огнем, потому что вывезли их туда, да и бросили.

И словно те, кто рассказывал о любовных похождениях во время чумы, так в муках адовых рождался «Декамерон», эти рассказывали о тех

времена, когда издавали не за свой счет и не любовниц или жен олигархов, а рабоче-крестьянских поэтов. Новых творцов, порой благословлённых на бой и творческих подвиг графом Толстым или В. Катаевым, но чаще всего парткомом и обкомом партии.

(Интересно, заглядывали ли те, кто кидал их в мир?)

- Странно, - заговорил Коровьев, - в те времена почему-то проза была вот в этих странных газетах, - он ткнул на гору желтых, изъеденных мышами творений,- но их подписывали по почте, а в книжных магазинах были исключительно поэты в таких тощих книжках от 20 до 50 копеек, сколько же их там было. Сотню можно было на пятерку купить, хотя кто-бы решился потратить на всех на их столько денег? Наверное, только жены, любовницы и ближайшие родственники, ведь их даже в школе по программе не давали детишкам читать, хоть тут не косякнулись.

- А зачем нам было столько поэтов? - спросил Азazelло, бес хоть и восточный, но считавший этот мир своим.

- А не зачем, - развел руками Коровьев, - просто они считали, что если ты издался, неважно как, да еще не один раз, так ты уже и поэт, это уже и профессия. Вот и перли туда любыми путями, знал я одного пастуха, так он прямо в чистом поле как умел, так и писал свои вирши. Читать, конечно, невозможно, но таким пробивным оказался, что издали, потом хор какой-то спел его шедевр, а тут уж не остановить. И у всех встречи с читателями, все важные и вечно пьяные, а потом уже и старость накатила, а так и не успел понять, что бездарность и на бумаге останется бездарностью, а бумага все стерпит, даже это стихоплетство.

Пока они так говорили, кот Бегемот, который никак не мог отстать от своих товарищей, притащил огромную коробку из-под старого телевизора(как только он ее доволоч, плут такой), хлопнул на пол, чихнул, поковырял когтем в носу и заявил:

- Вот вам сокровище раскопал, наш хозяин, оказывается, коллекционировал эти шедевры.

Он перевернул коробку на бок, и те самые книжицы, о которых только что говорили бесы, полетели на пол.

Сколько их тут было – тьма. Дешевые, маленькие, бумага пожелтела от времени так, что и половины букв не разобрать, стерлись даже имена на обложках, их можно было выяснить только в выходных данных с большим трудом. Но кому и что могли сказать эти имена?

- И что ты нам предлагаешь, прочитать это все? Только не говори, что кто-то хоть раз должен открыть это все и прочитать... Не прокатит. Столько даже нам не выпить, то есть не прочитать.

- А я и не предлагаю, - замахал лапой кот,- у нас конечно вечность впереди, но нельзя же есть совершенно тухлую осетрину. Даже мы травануться можем, помереть не померем, но мучиться будем долго.

- А зачем тогда все это?- пытал кота Аззелло, - все так хорошо начиналось, и надо же было так испортить.

- Я предлагаю проверить - горят ли поэты или не горят. Да и камин растопить не мешает, нам тут еще ночь ночевать, холодно, ветер северный, умеренный до сильного

Бесы переглянулись.

- А может тут что-то стоящее есть, - Коровьев стал перебирать лежавшие ближе к нему книги, Абадана присоединился к нему, кот уже начал разводить огонь в камине.

- А ты не забыл, что не горят дьявольские рукописи? Ведь это была шутка Мефистофеля.

- А мы что перепрограммировать не сможем? – обиделся Бегемот, - не сгорит то, что чего-то стоит и имеет какую-то литературную ценность, с дьяволом у них тоже были какие-то проблемы, насколько я могу судить.

Огонь в камине полыхал всю ночь. Поэты сгорали без следа. Только прах творений оседал на дно...

Кот на прощание бросил туда и коробку, чего ей тут пустой пылиться, раз они так проворно расправились с ее содержимым.

В мутном свете луны бесы заметили слабые тени тех самых поэтов, которые давно появились тут. Теперь они смотрели за тем, как сгорали их творения, те самые, с которыми они носились, которыми так гордились.

Как оседали они прахом в камине, именно прахом, а не пеплом. Надеяться на то, что можно что-то спасти – глупо, бедные, бедные поэты. С бесами не поспоришь, да они и не спорили в этой крематории для их великого творчества.

Но почему же они медлили, видя, что все их творчество, которое должно было стать бессмертным, в их мечтаниях точно, исчезло без следа.

Чего же они ждали? Почему не уносились прочь, стремясь забыть увиденное – этот настоящий фильм ужасов для каждого из поэтов-профессионалов

Нет, им еще хотелось взглянуть на эти три книжки, которые вытащили из этой груды и сохранили бесы.

- Кто? Кто остался? - словно эхо звучали их голоса в тумане.

- Давид Самойлов, Юрий Левитанский, Владимир Соколов, - на разные лады повторяли тени.

Они пытались отыскать этих трех счастливиц, вдруг они на этот раз не отстали от всех, остались в сонме профессионалов.

- Да покажите нам хоть их, - капризничал кот, ведь были же поэты и в ваше время, а я уж думал, что не будет ему оправдания, нет, нашлось.

- Их никогда не было среди нас, они оставались сами по себе: не светились, не участвовали, не привлекались, - развел руками кто-то из больших поэтов, вся дюжина его книг сгорела без следа, и он теперь казался самым несчастным, но разве с бесами и с огнем поспоришь...

- А что, все правильно, трех поэтов и достаточно для второй половины 20 века, не в количестве счастье. А что с остальными? Да просто это было время величайшего обмана. Ни одна страна в мире не может себе позволить столько профессиональных поэтов в одно время в одном месте. Вот и рухнуло все, но не печальтесь, мы всю ночь грелись у огня, а это не так уж и мало, да и не только мы одни, сколько такого добра на старых дачах, кто-то не замерзнет от холода, пока еще есть ваши книжки.

Бегемот, как мог, старался утешить бедных поэтов, но они казались безутешными.

- Надо предупредить новых, чтобы не занимались ерундой, - решил сердобольный Коровьев.

- Ну, это невозможно, но не зря же мы изобрели мировую паутину, никто больше не сможет считать себя профессионалом, и деревьев на книги переводить не будут, и хранить на старых дачах не надо, таскаясь с ними как с писаной торбой. Здесь все проще и легче.

- Но и мы уже не сможем у огня погреться, - тяжело вздохнул Азазелло, он старался во всем найти что-то хорошее.

- А тут ты не прав, того, что было издано в 20 веке и на нашу вечность хватит, палить не перепалить, нам хватит, - успокоил его кот.

После этих слов тени поэтов исчезли, им стало совсем грустно. Приговор вынесен, а еще говорят, смертные приговоры отменили? Тогда это как называется?

Разве можно утешиться властителем дум тем, что три беса в вечности согреются их изданными книгами, и согреются, не читая, сжигая их в камине, был один чудака, который готов был все спалить, чтобы обогреть свою любимую, но все они хотели другого.

Да, им было за это заплачено, хорошо заплачено в свое время, но разве об этом они мечтали тогда?

Недаром говорится, что надо бояться своих желаний, когда они сбываются.

Но что теперь говорить о том, что сторело без следа. А как хорошо все начинали за здоровье, жаль, что кончили костром на старой даче, нет, не пожаром, а именно каминным огнем.

Но как говорил премьер в том времени, когда их уже не издавали так щедро:

- Хотели, как лучше, а получилось, как всегда...

Но неужели это было кредо не только в жизни, но и в творчестве?

Глава 33 НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ПАРОДИСТА

Слово Кота Бегемота в защиту этих товарищей, которые нам совсем не товарищи

Много всякого люду на нашем творческом сайте, кто же спорит.

Но я тут обнаружил и особую породу творцов – они называются пародистами.

Поднимите лапы, то есть руки, дорогие мои авторы, кто их любит? Что-то не много лап я насчитал, так и думал, значит, придется их от вашей дружной оравы защищать.

Ну, мужики, раз стали пародистами, пусть защищаются сами, а вот дамы - совсем другое дело.

Некоторые не особенно сознательные дамы, такие как моя Маргарита, долго с ними не церемонятся, сразу в черный список и выметают со своих страниц, чтобы и следа не осталось. Но я уже говорил и еще раз повторяю, что не правильное это дело, нельзя с ними так, только когда это Марго меня слушалась?

Раз пародисты существуют, значит, они зачем-то нужны, каждая божья тварь (ничего оскорбительного, все мы твари в прямом или переносном

смысле, ну кто-то может себя высокопарно творениями называть, а в общем-то твари), и пародистки тоже нам до зарезу необходимы.

Марго уже позабыла, а я хорошо помню, как одна такая пародистка ей рекламную кампанию проводила, жаль только, что за более сурезные дела с сайта ее поперли, а то бы до сих пор горя не знали с той Орлеанской девой. Ведь каждый день что-то новенькое, а какие нехорошие слова она знала, я прямо свой лексикон поправил значительно. Нельзя ж от жизни отставать и запасы нехороших слов очень пригодились...

Но все хорошее быстро кончается, Жаннет теперь издалека нам приветы передает, кто сказал, что с Соловков? Там только ее не хватало, от тех самых экзотических мест уже не осталось бы и мокрого места. Никаких вам Соловков, нечего моих любимых пародистов пугать, они живы и здоровы, чего и вам желают, ну если парочки не досчитаться, если уж быть совсем точно...

А если парочки не досчитаться, то никого и не останется, и тогда все наши гениальные поэты (от гения до графомана и назад один шаг, это вам кот Бегемот говорит, а потому не обольщайтесь особенно), так вот парочка пропадет, и тогда никого не останется. Вот тогда поэты и поймут, что значит жить без пародистов, врагу, не то, что поэту такого не поделаешь, кто вас читать, а кто о вас писать будет?

На собратьев по перу не надейтесь, они вам правду никогда не скажут, даже раскаленным утюгом пытаться не стоит, пробовал, ничего не добился. Вот только пародисты и остаются, рыщут, ищут и найдут обязательно вашу пятку Ахиллесову. Тут же с очень умным видом в бездарности вас обвинят, а уж как себя покажут, мама не горюй. И поддакнут им другие поэты, чтобы на вашем месте не оказаться. А что пародиста всегда надо на коротком поводке держать на всякий случай, даже если вы гений, особенно если гений, от этого у них трясучка начинается, в ярость впадают, ведь ничто человеческое им не чуждо, а гениальности не пережить сроду ни одному пародисту.

А ведь и правда вы бездарны, господа, если считать что весь дар им достался, тогда конечно, а то, что они только пародией и разродились, так все потому, что с вами денно и нощно борются неустанно. А что им еще делать остается, когда вас столько расплодилось и один другого лучше, только и бороться, и писать пародии 25 часов в сутки, не есть, не пить, но читать и писать неустанно.

Вот только задумался я, если стих плох, тогда какова же должна быть пародия.

Может ли пародия на плохой стих быть лучше самого стиха, или еще хуже? Тут сам черт лапу сломит в этой философии, а я свои поберегу, мне они еще пригодятся. Вы попишете, да и помрете мирно, а мне в моем бессмертии еще столько поэтов и их пародистов пережить придется.

Но так как пародисты у нас снова на посту, то одно я хочу сказать поэтам(прозаиков почти не пародируют, как можно заметить, наверное нет таких крутых пародистов, а с поэтами значительно легче злым, одиноким, несчастным теткам.

Откуда я взяла такой психологический портрет, да не с фотографий, конечно, часто их там и днем с огнем не сыщешь, а если и есть, кто сказал, что это их фотки, если даже имена свои скрывают упорно, на то и пародисты, есть чего бояться, видать.

Вы можете представить мать семейства , занятую домашними делами и детьми и мужем, которая сидит, читает ваши вирши и пишет на вас пародии, это какая же извращенная должна быть фантазия, да и кто из домочадцев ей позволит?

Не бывает такого, а вот если дома тихо, как на кладбище, даже собаки нет (коты там отродясь не водились), а стихи никак не пишутся, вот тогда только пародии и остаются

И главное лозунги о том, что борются они с графоманами, бездарями, за любимую литературу, которую тайно ненавидят, потому что любящий литературу пародий писать не станет и бороться ни с кем не будет, это вам кот Бегемот в суде под присягой подтвердить может.

Но, а коли они такие несчастные и убогие, так защищать их надо – вас от них, но еще больше их от вас.

Вон вчера Марго никак не мог успокоить, на пародистку она тут наткнулась, меня покормить забыла, пока пятый раз не напомнил и колготки ее не порвал от ярости своими тупыми когтями. Покормила все-таки собачьим кормом, и наконец, начала писать наш роман, когда я ее запугал, сказал, что еще немного и сама такой же пародисткой будет, вот тогда я попляшу от радости или от горя, но все одно попляшу.

Ведь и та, наверное, когда-то писательницей, а то и поэтессой была, пародистами ведь не рождаются, а становятся. Не представляю дитенка, который взял и родился сразу пародистом. Фильм ужасов для Хичкока не меньше.

Нет, для этого надо еще разочароваться в своем творчестве, столько затрецин от критиков получить, так обозлиться, чтобы из милого нежного

поэта выродился яростный пародист. Это как из моего друга Шарикова родился тот Полиграф, спец по очистке от котов.

Но сам виноват, надо было Шарика от профессора спасти изначально, а я тут посмотреть хотел, что получится, вот и доигрался, сам от этого Полиграфа едва лапы унес, не знаю, как и спасся, до сих пор кошмары снятся. Так и тут.

Не могу повторить фразу кота Леопольда про то, что надо жить дружно, язык не поворачивается, чего тут утопию создавать. Тамбовский волк пародисту друг, товарищ и брат.

Скажу другое: «Давайте пожалеем пародистов, с ними жить становится если не веселее, то шустрее, говорю же, Марго наш роман пишет, а там я очень симпатичный, прямо сам собой люблюсь, налюбоваться не могу.

А не появишься пародистка, не разозли ее, писала бы она сказочки про кота Баюна да свой заповедный лес, какой тут лес, какой Баюн, когда в мире такое творится, и без Бегемота точно конец света наступит, к Воланду ходить не надо.

Ну разболтался я тут, пойду других пародисток поищу. Мужиков-пародистов не предлагать, они не такие колоритные, а вот дамы пост-бальзаковского возраста – совсем другое дело, с ними скучно не будет.

Ну а вы пишете, да побольше, чтобы у новоиспеченных пародисток работы было побольше, чтобы они не скучали, да со своими близкими не скандалили, а то слышал я уже одну с нижнего этажа, орет:

- Грабят, насилуют.

Скажу по секрету, что грабить там отродясь ничего было, а насиловать, ну не знаю, даже если она последней дамой в мире окажется, и тогда не много желающих найдется.

Потому и остается бедняжке только пародии писать, а сколько таких на белом свете, остается выявить да к делу творческому приобщить. Наша служба и опасна и трудна, а куда деваться?

А тут и ваши новые шедевры подспеют, вот и потворим все вместе.

Это поэтов много развелось, а пародистки-редиски у нас товар редкий, штучный, потому я и пристален их охранять...

А кто на них бочку покатит, со мной будет дело иметь. Не пугаю, только предупреждаю, а вы сами решайте, иметь или не иметь...

Глава 34 МОИ ДОСТИЖЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ. МЕЧТЫ ИДИОТКИ

(Иногда считаешь резюме на главной и прямо хоть смейся, хоть плачь
Вот и смеемся и плачем все вместе).

*Автор выражает благодарность громадную
коту Бегемоту, за то, что помогал, как мог
и сам лично лапу приложил к гениальному труду этому*

После того, когда Мастер обвинил меня в убийстве литературы, не меня одну, конечно, еще и всех остальных авторов тоже, решила я заготовить для себя оправдательную филькину грамоту, для защиты на суде, который будет происходить, как пообещал другой Мастер, в формате 3 Д. на всю мировую общественность вещать будут. Вот и придется оправдываться одной за всех.

А вдруг этот конец света наступит завтра, что же у меня есть из культурных и литературных достижений, чем запаслась?

Бабушка говорит, что перед смертью не надышишься, но я попробую.

1. Участвовала в самой культурной из передач «Пусть орут», где, кстати познакомилась не с одним литературным Мастером, и орала громче многих из них. Считайте, тех мастеров если не переписала, то переорала точно.

2. После этого культурнейшего мероприятия ночью написала поэму, где ни складу ни ладу, все-таки потрясена была до глубины души после знакомства с Мэтрами. Тут же опубликовала ее в Интеренете, а чего тянуть, и попросила проголосовать за нее всех, кому не лень. Не поверите, второе место заняла и обошла того самого мэтра литературного.

Вывод – я еще лучше, чем он, потому что он только на третьем месте в народном голосовании, а я на втором. Почему на втором? Уговорить не удалось только моего бывшего любовника, сказал, что это бред собачий, который окончательно убьет литературный вкус нашего народа.

Как я его ни просила, голосовать не стал, вот одного голоса мне и не хватило, такая беда, но серебро тоже хорошо, буду знать, каких надо любовников заводить, в другой раз не промахнусь.

Сам он собака злая и завистник, но пусть обзавидуется, ведь меня скоро наградят за то, что все за меня проголосовали и признали, так что угощаю бесплатно всех, кто голосовал, пусть порадуются да караоке в мою честь попоют.

3 Издала аж три книги за счет мужа, любовника и брата. Каждый из них считал, что больше дураков не найдется такой бред издавать, нашлись, и теперь я автор трех книг, куда их девать, не знаю, но это и не важно, главное издать и заявить о себе, как о писателе с мировым именем.

Думаете трех книг не хватит? Тогда может еще спонсора поищете, я что-то больше днем с огнем найти не могу, разбегаются, как черт от ладана, такая вот беда, господа-товарищи

4. После того, как одна очень крутая издательница увидела все три шедевра, сразу пригласила меня на работу, ей такие писучие нужны, правда, подписывает она мои шедевры своим именем, но издает бесплатно, и мне даже по одному экземпляру выдает на вечную память, чему я несказанно рада.

А имя на обложке можно зачеркнуть и мое собственное написать, это не большая проблема. Потому я ее все равно обманула. И адвоката хорошего на всякий случай нашла, если судиться захочет и скажет, что я у нее рукопись украла. Вот тогда мы и посмотрим, кто кого. Она меня дурой считает, вот и пусть считает, а хорошо смеется тот, кто передачи носит в тюрьму, а не тот, кто там сидит.

5. Теперь уже передачу про меня дорогой Малахов сделал, главной героиней буду, с мужем придется развестись, он такого пиара не выдержит, если после такой культурной передачи вообще свободы, а то и жизни не лишится, но это ерунда, меня потом запомнят все, и никогда не забудут.

6 Из той студии перейду в другую, правильно, туда, где снимают «Давай разведемся!», надо же моей любимой стране рассказать, чего это их первая писательница разводится с мужем. Думаю, знать это надо всем. А мужу моему уже все равно, он оглох и ослеп от такой славы. С него не убудет, одной передачей больше, одной меньше, потерпит немного, и не такое терпел.

7. А вот отсюда я отправляюсь прямо в передачу «Давай поженимся». Думаю, на такую бесценную невесту женихов наберётся немерено, там и повыбираю достойного и со своими дорогими читателями посоветуюсь, за кого из этих добрых молодцев замуж выходить, а уж они присоветуют.

Если не пойдет что, тогда им и отправлю жениха распрекрасного на перевоспитания, пусть сами маются. Может подумают потом, как бесплатные советы раздавать.

8 У меня же очередь подойдет сразиться в передаче «Как украсть миллион», украду, не бойтесь, потому что моих обширнейших познаний хватить на все их заковыристые вопросы, после того, когда так окультуришься, то никакой господин Дибров не страшен, там, где Малахова прошел, Диброва без труда пробежишь, это точно.

9 Ну а с тем самым миллионом, или с тремя, это уже как карта ляжет, можно и свое издательство открывать и печатать таких же гениальных товарищей, как я сама - никаких графоманов и бездарностей, и никаких редакторов, так же на сайте помещаем ваши творения, народное голосование объявляем, и те, за кого больше всех проголосует народа нашего, того и печатаем, чем больше голосов, тем и тираж больше – а разве не справедливо?

Куда девать будем? Дарить тем, кто проголосовал, чтобы в другой раз было неповадно, добрыми делами дорога в Пекло всегда и стелилась. А кто еще читать станет? Только те, кто проголосовали, за своих любимых писателей и поэтов, пусть теперь и наслаждаются

Глядишь, я уже и издатель крутой, не только поэт гениальный, народный любимец или любимица и поэтесса, уж совсем запуталась, что и как склонять надо, это от переизбытка знаний.

Но я не только стихоплетную теорию не учила, но и филфаков не кончала, потому и стала писательницей, иначе бы духу не хватило, точно, а так и море по колено..

Тут можно и о Нобелевской премии подумать и в мои достижения ее вписать, а почему бы и нет, не боги Нобелевские премии раздают, а люди, и их можно заставить голосовать.

Как заставить, пока не знаю, с народом посоветуюсь, он может и подскажет, недаром наших людей во всем мире боятся (значит, уважают), они такое придумают, о чем никакие другие не догадаются...

Правда, мне надо еще английский подучить, чтобы речь хорошо произнести, да наряд соответствующий у Зайцева заказать, чего позориться – то, а может и Зайцева уговорить вместо мужа со мной поехать получать ту премию, человек он все-таки известный, да и с английским поможет, если чего не пойму там, и телохранителем поработает на полставки.

Вот только что-то мне грустно стало, а что я буду делать, когда премию получу и потрачу, мечты - то все сбылись, о чем еще мечтать можно? А вот тогда я, наконец, освободившись от всех мечт, соберу все сотворенное,

сожгу в камине, возьму белый лист, да и напишу стихотворение не хуже, чем у Блока, или роман не хуже, чем у Тургенева.

Тут на премии и достижения рассчитывать не придется, уж если им не дали, то мне тоже не дадут, за такое не награждают, и вряд ли заставлю проголосить мужа, любовника и соседа.

Но не беда, они уже голосовали раньше, сделали из меня кумира миллионов, поп, рок и всякую другую звезду, хотя и орали, что бездарности пробьются сами, но все-таки помогали. Понимали, что лучше сделать, чем объяснять, почему отказываются, а потом все-таки сделать - так быстрее получится.

Ну а теперь можно просто поработать, не думая о достижениях, о звездности или звездонутости, уж и не знаю, как правильно, да просто насладиться творчеством.

Чего я достигну, а вдруг мой Мэтр, который уверяет, что я убила литературу, испортила вкус у всего нашего культурного населения, вдруг он поймет, что не все так печально, как ему кажется, да и помрет от огорчения.

Нет, я вовсе не хочу его смерти, это так образно сказано. Я ж крутой литератор все-таки. Он просто очень сильно опечалится, расплачется от досады и напишет что-нибудь гениальное, а на него глядя, еще один, и еще, ведь не только дурное, но и хорошее дело заразительно.

Так, смотришь, и ребята с сайта Проза ру подтянутся, со Стихами ру труднее, но тоже, чем черт не шутит...

И так убитая литература и воскреснет постепенно, благодаря нашим общим усилиям...

Ведь когда беда у нас, то только всем миром ее и можно одолеть, и те кто на сайте, и те, кто в реальности, друг на друга глядя, и будут работать все лучше и лучше, и Пушкин с Тургеневым, как увидят, так нам и помогут. Наши классики нас не оставят в беде.

Вот и станет мой Мэтр князем Пожарским, а я Мининым или Мининой, кто сказал, что женщины не спасают этот мир...

И Иваны Сусанины найдутся, которые всех наших врагов в болото заведут да потопят...

А почему бы и нет, главное, начать, и что-то делать, а не обвинять друг друга в том, что было и чего не было...Прокуроров и без нас хватит, но дело надо делать, когда дурь из головушки выбьешь.

А литература, она как природа, и убитая снова воскреснет, с нами или без нас, но лучше все-таки с нами, так приятнее и утешительнее

Глава 35 КАК УБИТЬ СВОЙ ТАЛАНТ

Сразу предупреждаю, заметки очень субъективные. Не надо искать у себя все болезни века, даже если окажется, что накануне я была у вас в гостях и что-то открыла. Это не значит, что писала по горячим следам, хотя часто на воре шапка горит - старая истина, но все-таки это не единичный случай, если бы было так, то и внимания бы не обратила.

Если кто-то и может себя найти в последних моих писаниях и романе «Генералы играют в хоккей», так это тренер команды чемпиона этого сезона, и генералы, которые ему очень активно и упорно помогли стать чемпионами на глазах у всей страны.

Потому, авторы Прозы в этом случае только герои эпизодов, надеюсь, на меня кроме Олега Знарока никто не обиделся.

Но была даже приятно удивлена, когда тиснула на спортивные сайты стихотворение:

Пусть рев трибун ослабнет хоть на миг,
Пусть замолчат на несколько минут,
И вновь взорвутся яростью - гремит:
- За ястребов «Динамо» проклянут.

Нас допингом пытали и огнем,
Вдохнуть и воздух больше не дадут,
Но снова в бой отчаянно пойдём,
За Раймо все «Динамо» проклянут.

Им не забыть многоголосый рев,
Пусть кубок этот тихо заберут,
Без золота, конечно, не умрем,
За ястребов «Динамо» проклянут.

Сегодня снова спорят ни о чем,

Какие-то примеры приведут.
Грустит Калинин, яростен Белов,
За ястребов «Динамо» проклянут.

Пройдут года, мы не забудем то,
Что было на арене нашей тут,
Там чемпионы с черною душой -
За «Авангард» «Динамо» проклянут.

Пусть с нами будет Раймо, и опять
Они забудут ад и в бой пойдут.
И будут снова в небесах летать.
За ястребов «Динамо» проклянут.

Но когда тиснула стихотворение на спортивных сайтах, нашлась парочка столичных болельщиков (их там вообще сотни и стадионы пусты, чаще всего), которые очень удивили, просто потрясли, не матерными словами, этого добра у нас всегда с избытком

Так вот один из них сразу сказал, что это цветаевщина, а второй заявил, что Ахматова тут не пройдет, и не надо мол мертвых привлекать в спор живых...При этом парень проанализировал все течения и направления серебряного века, пояснил, что у меня не дотягивает по стилю, где провалы по форме, и так далее и тому подобное, со знанием дела анализировал. Ну и в довершение ко всему, я выяснила, что он вовсе не филолог, а школу закончил в 1990 году – маленькая ложка меда в бочке с дегтем, скажу я вам. Это был первый год моей работы в гимназии, и тогда на самом деле уровень образования был классным, в сравнении с тем, что творилось с нами потом. Парни технари и на самом деле так вот хорошо знали русскую литературу, особенно серебряный век.

Потрясена, не скрою, такой осведомленностью, ведь на самом деле А. Ахматова писала своим врагам: « Вас за меня потомки проклянут». В моем случае и это был привет Питеру и пану Ржиге, которых скрутило доблестное «Динамо» еще раньше нас. Но они промолчали - культурные...

Вот какие у нас осведомленные болельщики, еще бы эту энергию, да в мирное русло направить.

И потому, когда сами литераторы не то, что Ахматову от Цветаевой отличить не могут, но и понятия не имеют, кто это такие, то становится очень странно и больно на самом деле, именно за наших авторов. То, что слышали

фамилии и пару строчек знают, не в счет. Сколько раз умники тут проверки устраивали, тискают стихотворения классиков и выдавая за свои, сколько было восторженных откликов?

Вот мы с вами, признавая собственный талант на все 105 (интересно, есть ли здесь тот, кто считает себя совершенно бездарным? Не кокетничая и защищаясь, а встав перед зеркалом). Так вот при всем при том, мы в случае неудачи всегда ищем того Раскольниковца, который убил наш талант – издательства, для которых неформат мой гениальный роман, редактор, все перечеркнувший и издавший под своим именем или потерявший последний экземпляр рукописи (на полном серьезе слышала такое раньше)

Да и сегодня представьте себе, что сгорел комп ясным пламенем, и нет ничего из написанного, а уж бумажная рукопись в том пожаре сгорит еще быстрее, а флешками и дисками мы не запаслись, просто в голову не пришло. Время неподходящее оказалось, политика не та.

Гады эти читатели, вообще читать перестали Пушкина, а меня точно никогда не откроют, но это не моя вина, они еще о том пожалеют.

Ну и еще десяток причин, из-за которых мой талант убили, угробили, задушили на корню.

И сразу возникает интересный вопрос, а не сама ли я убила медленно и верно свой талант?

Интересно, много ли найдется таких, кто может ответить на этот вопрос положительно? Не может быть, потому что такого не может быть никогда.

Как это сделать? Как это получилось? Да очень просто. Шаг за шагом.

Когда мы образно говорим о том, что продали душу дьяволу, ведь это вовсе не значит, достала я ее, как книгу с полки, да и передала этому самому товарищу, который нам совсем не товарищ, а взамен получила кусок шагреновой кожи, исполняющей желания, как у классика.

На самом деле, когда такое случается, мы просто шаг за шагом идем к той пропасти, на краю которой в определенный момент нас просто туда подтолкнут и сбросят, а душа окажется не живой, а мертвой.

И что это за шаги такие:

Шаг 1 – Лень. Я уже все сделала, можно и отдохнуть. Учиться не собираюсь, я уже и так ученый, а от ума бывает только горе.

Шаг 2 – Звездонуться – я известная, прославленная, и теперь пусть мир прогибается под меня, а я отдохну.

Шаг 3 – подтасовка фактов – пускать на все конкурсы себя и свой круг, рубить чужих, чтобы носа не высывали – я голосую за тебя, ты за меня, мы

победили в конкурсе, а бездарностям там просто нечего делать. Мы помогаем талантам, бездарности пусть сами пробиваются.

Шаг 4 Административный ресурс – я в руководстве чего-то (в писательские организации - то рвутся не даром) и могу надавить на других, собрать определенное количество голосов, пускать одних и не пускать других. И это детские забавы, когда исключали, изгоняли Пастернака и Бродского, вот были злодеи, а мы просто развлекаемся, никто никого не изгоняет, все живы и здоровы. Но у нас элитный клуб и свой фейс контроль.

Шаг 5 Чтобы не ждать милости от природы, я печатаюсь за свои деньги. Ничего страшного, деньги мои, хочу их нищим отдам, хочу себя напечатаю.

Все так, но в этом случае, порог критичности у нас страшно низок, мы можем просто страшно заблуждаться, не меньше, чем те самые издатели, только совсем в другую сторону, а как Некрасову когда-то скупить и сжечь все сборники ведь в голову не придет, не так ли? Пишу больше и быстрее, некогда засиживаться, финансовый кризис не за горами. То, что спешка нужна при ловле блох, забываем. Но посмотрите на последние романы В. Пелевина, и сравните с первыми.

Шаг 6 Я искренне радуюсь всем своим победам и трофеям, пусть не слишком честным путем добытым, но ведь наградили, ведь кубок у меня.

Жаль, что молодое поколение уже и не вспомнит этот фарс с покойным генсеком, который, когда награждали всенародно, каждый раз говорил: «Значит, заслужил», а у него было столько наград, сколько нам всем и не снилось. И подозреваю, он искренне верил, что заслужил, а уж мы поверим еще быстрее

Шаг 7 При всех званиях и наградах, и уже развивающейся звездности, отказаться от старых друзей и найти новых, удобных, которые подтвердят все, что ты хочешь услышать, со всем согласятся и будут голосовать за что угодно, хотя бы за то, что у тебя есть рога и хвост

Шаг 8 Так как к этому времени вдохновения и таланту точно поубавится, а тусовки литературной прибавится – однозначно, то можно уже подумать и об учениках.

Зачем они сдались, спросите вы.

Да они просто необходимы, чтобы незаметно изъять у них сюжеты, образы, мысли, а то и кусок рукописи и чужое выдать за свое.

Есть целая система, как это легко и просто сделать, тут больше преуспели некоторые наши научные руководители, но писателям известным и знаменитым тоже не помешает этот опыт.

Шаг 9 Запастись крутыми адвокатами, потому что ученики могут оказаться настырными и наглými и потащить вас в суд. Не бойтесь, ничего они там не докажут, потому что доказать очень трудно, суд у нас сами знаете, какой честный, а при вашей известности, поверят вам, а не кому –то там темному и неизвестному, а уж адвокат докажет, что это они у вас все украли, а не наоборот.

Шаг 10 Найти режиссера, который согласится снять сериал – окончательно догробить творение, если там даже было что-то живое и интересное... Не могу вспомнить ни одного сериала или фильма, когда авторы были бы рады тому, что в итоге получилось, про классиков ничего не могу сказать, потому что сами не возмущались, хотя вряд ли потому, что им все понравилось.

Еще вариант – самому начать писать сценарии для сериалов – тут уж денег прибавится, но от таланта и дыма, не то, что огня не останется.

Шаг 11 Подать в суд теперь уже на этих творцов. Зачем это нужно? Можно за моральный ущерб чего-то отсудить, а уж о пиаре не говорю, очередной тираж раскупят, как горячие пирожки

Шаг 12 Это возвращаясь к читателям, которые иногда и в серебряном веке разбираются, и могут проанализировать наши творения даже в самый неподходящий момент, надо их выявить, побеседовать и пожать руку, не так ли делают кандидаты в президенты, заручаясь поддержкой своих избирателей, к тому же их не так много, как избирателей, потому, тут придется потрудиться не так много, но дело стоит того. Врагов надо держать при себе, не давать им волю.

И наконец, последний шаг 13 – большое шоу, условно назовем его: «Король умер, да здравствует король»...

Тут нужна какая-то грандиозная новость о вашей ориентации, рождении внебрачного ребенка от президента Обамы. Ну на худой конец о заказном убийстве, которого чудом удалось избежать, потому что киллер взял и промахнулся, влюбившись в вас с первого взгляда (даже если вы мужчина-так еще круче получится в итоге.

Прием старый, но очень действенный, сама не проверяла, но, сколько таких было в нашей жизни, а сколько еще будет при современных нравах, торопитесь, пока вас не опередили конкуренты.

Вот и все, пожалуй, этого достаточно, для того, чтобы убить в себе талант и писателя раз и навсегда.

А если, исполняя последний наказ, мы покалечимся или не дай бог помрем случайно, рекламная акция будет высшего класса. И в этом случае

мы можем еще вернуться к своим читателям, а может и по-настоящему засветиться.

Вы хотите сказать, что от первого гола-фантома до липового чемпионства очень далеко, от первого липового голосования на литературном конкурсе до премии «Русского букара» тоже?

Но это только кажется на самом деле, путь может оказаться стремительный, если вы летите на гоночной машине, а то и личном самолете. И не случилось аварии, ничего не поломалось внезапно, никто вас не остановил (гаишник или ангел-хранитель)

И потом, у всех всегда начиналось с гола-фантома и липового голосования, заканчивалось не всегда Нобелевской премией, в литературной ценности которой усомнились многие, но уж в том, что талант был убит, можно не сомневаться.

И ведь самое главное для каждого из нас даже не проголосовать липово, кто без греха, пусть бросит камень, а понять то, что произошло и отказаться от подставы.

Когда меня уверяют, что ничего страшного нет, ну подумаешь статуэтку получил, подсутившись, я вижу лицо нашего любимейшего финского тренера Раймо Сумманена, который так и не выучил русский язык(и правильно сделал), но он второй год не понимает, как можно проиграть, ведя в счете 3:1, а самое главное – ЗАЧЕМ проиграть?

100 тысяч болельщиков прекрасно понимают, как и почему это делается, а один странный финн не понимает, и мы не можем ему объяснить, он русского языка не знает, а англичане не придумали таких слов и понятий, как административный ресурс – уже сто лет нам родной и действующий безотказно во всех сферах.

И у нас появилось еще одно веское доказательство того, что не могло быть поражения ястребов в этом финале. Спасибо, чемпионату мира и тренеру сборной, который после всего не побоялся отказать чемпионам, и взять туда наших парней. И вот результат:

На чемпионате мира сборная России провела 5 матчей. Лучшим бомбардиром команды является Евгений Малкин, на счету которого 12 (6+6) очков - лучший результат среди всех игроков чемпионата.

Вторым бомбардиром россиян является Александр Попов, набравший 6 (2+4) очков (9-11 места среди всех бомбардиров), на третьей позиции Александр Пережогин, имеющий 5 (2+3) очков (15-16 места). По показателю полезности (+/-) лучшими игроками чемпионата мира являются Евгений Малкин (+10), Александр Попов и Александр Пережогин (по +8).

А у нас был еще лучший чех Роман Червенка, лучший вратарь Карри Рамо (не в обиду Еременко будет сказано)

Я не говорю об Антоне Белове и Сергее Калинине, которых устранили физически, как потенциально опасных для финала.

Но brutальный финн Раймо Сумманен не понимает нашего менталитета и языка, а мы писатели, понимаем, что порой творим? Какими путями идем к своим кубкам, что готовы сделать для того, чтобы вырваться вперед.

Но если душу можно продать «за ночь с тобой», то за приличный тираж, за то, чтобы стать «властителем дум», сеять разумное, доброе вечное - да легко.

Кстати, все конкурсы, о которых речь выше, они, как правило призывают к миру, свету и добру.

Иллюзия, что мое произведение принесет добро и свет, и только надо немного подтолкнуть чашу весов, она остается в душе. А победителей, говорят, не судят. А потому желание убить и талант, и ту самую душу неистребимо...

Сразу возникает резонный вопрос.

ЗАЧЕМ МЕФИСТОФЕЛЮ ДУШИ? – и он не такой простой, как кажется на первый взгляд.

Какие будут варианты ответов?

Глава 36 Зачем Мефистофелю Души? Мифомистика 21века

(Старинные свитки)

1

Сначала была тьма.

Ей не было конца и края.

Не было солнца на небесах. Не было огня костров на земле, даже еще ни одного пожара не случилось.

Тогда появился Властелин тьмы со своей свитой темных духов.

Он был изгнан из какого - то другого мира.

Они нашли этот пустынный мир и поселились тут, решив, что не допустят света и огня сюда, чтобы жить и не тужить вечно.

2.

Но однажды сюда долетела Жар-птица.

На какой-то высокой горе, невидимой во тьме, она оставила золотое яйцо.

Сколько не пытались добраться до него воины тьмы – ничего у них не получалось.

Они были упрямы, и решили погасить ослепительное яйцо или отнести его подальше, только гора оказалась неприступной.

Так в мире появился свет, и покой хранителей тьмы был нарушен.

А уж опасность стала очень зримой.

Они по очереди следили за золотым яйцом, чтобы не прозевать чего-то важного, не допустить рождения огненного мира.

3.

Самый хитрый и коварный страж Золотого яйца Мефистофель, не выдержал и заснул в тот миг, когда из Золотого Яйца на свет появились Лада и Род.

А когда проснулся он, то свет лучезарной богини ослепил его и всех, кто вышел к ним навстречу из Пекла.

Воинство тьмы взвыло от ужаса и бессилия.

Они бросились в пещеры под землю, туда, куда не доходил ослепительный свет, там и спрятались от этого огненного кошмара.

И только Мефистофель, знавший, что Властелин его по головке за такое не погладит, остался на земле.

Его глаза стали привыкать к свету, он больше не пугал духа тьмы.

В душе же его жила только одна мечта - забота.

Ему хотелось исправить сотворенное при его участии - погасить свет...

Вместе со всеми тяжело вздыхал он о временах, когда царила тьма, и хотел только одного – вернуть их назад. Он торжественно обещал, что сделает все для того, чтобы прошлое вернулось.

4.

Из небесного пламени родился бог огня Сварог.

Лада и Род радостно приветствовали своего огненного сына. Зная о том, что свет слаб и мал, они думали только о том, как сохранить и умножить его, чтобы отступила тьма.

Боги охраняли огонь в небесной кузнице, зачаровав это место так, что туда не мог пробраться никто чужой.

Но ведь мало только небесного огня, надо, чтобы он появился на земле.

Мефистофель первым поднялся на небеса, только сразу же в плену у чар онемел и не мог и приблизиться у священному огню.

- Плохо дело, - тяжело вздохнул он, - видно тут он и останется навсегда, ладно, надо хотя бы не допустить его дальше, на землю, мы погибнем, если он окажется еще и на земле. Его и без того слишком много в мире.

5.

А тем временем хранитель огня Сварог, все делал для того, чтобы огня становилось больше и больше.

Неустанно трудился он в своей небесной кузнице, так появлялись боги, волшебные предметы, чудесные животные, сотворенные из небесного пламени.

На небесах появились звезды, на которые в ярости взирал Мефистофель – Это было уже страшной наглостью огненных пришельцев. Да как они смеют так издеваться над тьмой.

Когда появились звезды, отступила тьма, свет завоевал этот мир, если не полностью, то большую его часть.

Но и это не стало пределом творений для солнечных, огненных богов.

Еще во время творения звезд и других огненных стихий стали на землю падать искры из небесной кузницы.

Из этих искр на земле появились духи - хранители.

Расселились они по лесам и равнинам и стали хранить мир, наполненный светом.

6.

Кто-то из молодых богов, оказавшись на земле, увидел духов, стал творить создания по их образу и подобию.

Так появились первые люди.

Только пока они были неподвижны.

Не знали боги, как их оживить, сидели они перед своими творениями в грусти, когда вдруг одна из небесных искр упала прямо на это творение.

Встрепенулся и ожил человек. Вторую искру духи-берегини принесли сами и оживили второго человека.

Когда Лада спустилась на землю и увидела первых людей, она похвалила молодых богов:

- Они станут хранителями небесного огня на земле, он никогда не погаснет, пока живы люди, - улыбнулась богиня.

Мефистофель видел и слышал все, что творилось на земле, и понял, что это конец тьмы.

Когда люди стали рождаться и множиться, Мефистофель окончательно приуныл. Он боялся даже показываться на глаза Хранителю тьмы.

Но все время думал о том, что же можно сделать, чтобы как-то исправить все и избавиться от света.

Ведь теперь тьма ему могла только сниться.

7.

Звезды в небе, духи, люди, не слишком ли много на земле огня и света, - размышлял хранитель ускользящей тьмы.

Нет, конечно, со всем вместе ему не справиться, только с чего-то надо начинать, не мог же он сидеть без дела, и даже не попытаться вернуть тьму.

- Начнем мы с людей, пока их развелось не так много, а потом до духов и до звезд доберемся, - решил он.

Только после всего этого осмелился он вернуться к своему Властелину.

- Явился, не запылится, - усмехнулся тот, - только не говори мне, что все это допустивший, ты знаешь, что теперь можно сделать.

- Знаю, - упрямо заявил тот, хотя остальные хранители либо хихикали, либо тяжело вздыхали за его спиной.

- И что же мы с ними делать станем?

- Для начала их души отнимем, без душ люди останутся только мертвыми куклами - закинем их во тьму, пусть наш огонь пользу приносит, но это будет темное, фиолетовое пламя, чтобы никакого золотого блеска и в помине не было.

- А не слишком ли нас мало, чтобы с людьми справиться, а ведь есть еще и духи, и звезды? - засомневался Властелин тьмы.

- Ничего справимся, надо хотя бы попробовать, - упрявился Мефистофель. Властелин хотел отправиться в странствия, чтобы найти новый мир, где бы царила тьма. Но, видя такой напор своего любимчика, он пока решил подождать и посмотреть, что же тот делать станет. Уйти всегда можно, а вдруг у него что-то получится.

8.

Вот с той поры Хранители тьмы и бросились на землю.

Они хотели только одного - отнять у людей их огненные души.

Чего только они не делали, как только не соблазняли людей, чего только им не обещали, чтобы забрать душу и погасить небесное пламя, дар Сварога и Лады.

И надо сказать, что порой у них все получалось, тогда белые волки несли души во тьму, а люди умирали в тот же миг, получив иллюзию того, о чем говорил Мефистофель и его братья.

Те, кого они никак не могли уговорить и соблазнить, отправлялись в заповедный лес к берегиням, и те помещали их в деревья на хранения до определенного срока, пока они снова могли понадобиться, чтобы оживить новых людей.

Почему Берегини не боролись с Мефистофелем и его помощниками и встречали их благодушно?

Потому что они были уверены, что те, кто окажется в их руках, испорчены, и самое место им оказаться в Пекле, пусть перепекаются, нельзя их снова людям отдавать.

Так им Яга и объяснила, когда они узнали о том, что на людские души объявлена настоящая охота хранителей Тьмы.

- Берегите настоящих, тех, кто стоит того, а в этих и огня с гулькин нос, никакого от них нет прока.

Наверное, Мефистофель даже не догадывался, что, борясь с духами и солнечными богами, на самом деле они даже помогали им и делали доброе дело, иначе бы не было им так легко и вольготно в новом мире.

Недаром потом он изрек:

- Я часть той силы, которая вечно хочет зла и вечно совершает благо.

Страстно желая вернуть тьму, они хранили свет, стирая, словно ненужные черты, мертвые души.

9.

Не сразу понял Мефистофель, что людей значительно больше, чем ему того хотелось.

Но ему казалось, как Сизифу в Аиде, что еще немного, и он закатит камень на вершину, и избавится от труда своего мучительного.

Но все мы знаем, что в последний момент камень неизменно падал вниз, и ему приходилось снова бежать назад, и все начинать сначала.

Так и нашим борцам с небесным огнем. Трудам их не было конца и края.

Людей меньше не становилось. Хранители тьмы подозревали, что их было даже больше и больше.

Но и они сами уже не могли остановиться, все забирали, покупали, гасили новые и новые души.

Фиолетовый огонь в Пекле согревал землю в лютые морозы, немного освещал тьму, так что и там она не была уже кромешной. И даже радовал обитателей подземного мира этот мрачноватый свет.

10

Но были такие темные и бедственные времена, когда Хранителям тьмы помогали голод, мор, пожары, войны. Тогда им казалось, что еще немного и свет отступит, и они, наконец, вернут кромешную и такую для них желанную тьму.

Берегини в тревоге доставали последние души из деревьев, тяжело вздыхали и наказывали Домовым и Кикиморам получше их ранить, не дать погаснуть небесному огню.

- Мы все не можем допустить того, чтобы погас огонь, и миром завладела тьма, не бывать этому.

И как - то им все-таки удавалось спасти этот мир.

И в очередной раз отступала тьма... Светили звезды, трудились духи, сохранялись люди.

О духах и звездах на небесах Хранители тьмы вместе с Мефистофелем уже и не думали, они хотели только справиться с людьми и погасить хотя бы этот свет.

Иногда люди и сами помогали им так яростно, что берегини с ужасом говорили, что никакого Мефистофеля не надо, если они так стараются себя истребить, и так радостно бросают чужие, а часто и свои души во тьму, погасив небесный огонь.

Казалось, еще немного и нарушится равновесие, и Хранители Тьмы победят... Тогда снова наступит тьма.

11

А Пряхи небесные говорили о Последней битве, когда вырвутся погруженные во тьму мертвые души – их там было слишком много, и погасят тех, кто горит и сверкает, и хранит небесный огонь.

Но в последний момент кому-то из богов удавалось спасти этот мир.

Не только Велес, но и вечный его противник Перун выходили на сражение с Хранителями тьмы и побеждали, понимая, что мир без солнечного света и огня погибнет.

А в самый критический момент, когда огонь был погашен, и лютые морозы сковали весь мир льдом, появилась вдруг снова Жар - птица, когда ее уже и не ждали.

Сияние ее и растопило лед, и бежали в ужасе в Пекло Хранители тьмы, понимая, что и на этот раз они не вернут свою любимую Тьму.

Сами едва отогрелись у подземного огня.

Но как только поняли, что не погибли, не заморозились совсем, снова принялись за старое.

Пошли они по миру гасить огонь наших душ, и забрасывать их безжалостно во тьму.

И всегда находились те, кто с радостью, а кто с яростью бросались в их объятия и радовались, что избавились от огня и от света.

Разве мало тех, кому никакого света не надо, только тьму подавай?

Берегини называли их мертвыми, пропащими душами, и, махнув на них рукой, хранили тех, в ком не гас огонь, кто готов был передавать его другим.

12.

Вот и сегодня борьба Мефистофеля с Духами и Берегинями продолжается, и с того момента, когда отступила тьма, и им и нам всем покой только снится, а

кому-то он и не снится вовсе.

И смысл нашей жизни – это хранение небесного огня и борьба с тьмой, хранение огненных душ столько, насколько хватит сил.

Но даже когда огонь в душе гаснет, человек не бессмертен, главное, куда отправится душа – на небеса, чтобы не погасли, ярче светили звезды, Лада там стала селить наши души в звезды, чтобы их свет был ярче, или в Пекло, чтобы он превратился в мрачное фиолетовое пламя, которому уже не суждено стать тем ослепительным светом, без которого не может существовать мир.

Иногда мы сами зовем Мефистофеля или все делаем для того, чтобы он явился, и погасил огонь, порой так получается случайно... Легкомыслие, капризы, безрассудство – разве не это часто руководит нашими действиями. Не надо искать оправдания и на Мефистофеля пенять, Хранители тьмы вовсе не так сильны, как кажется. Мир устроен так, что с ними по силам справиться самому человеку, да и берегини придут на помощь, если мы этого страстно хотим..

Но если человек этого не хочет, если он все делает для того, чтобы оказаться во тьме, вот тогда никто, кроме Мефистофеля, ему помогать не станет.

И унесет его белый волк в Пекло, куда ему и дорога.

13.

Проснувшись ночью где-нибудь в чистом поле в теплую летнюю ночь, человек видит россыпь звезд в небесах.

Почему так долго и пристально смотрим мы на эти дивные огненные узоры? Потому что это тот божественный небесный свет, то яркое пламя, которое светило и согревало нас на земле, позволило нам появиться в этом мире в назначенный срок и светить какое-то время, порождая новую жизнь.

А когда «звезда с звездой говорит», то это огненные души наших предков, которым никакая тьма не страшна, пытаются до нас докричаться, дотянуться, и напомнить о себе.

Когда прекрасные люди покидают мир, то зажигаются и ярче светят звезды. Они дарят нам надежду на то, что тьма отступила навсегда, что никогда не наступит конца света.

Только всем нам надо быть осторожнее и осмотрительнее. Хранители тьмы надеются ее вернуть. Они все время где-то рядом, и с радостью готовы погасить наши души.

Битва между светом и тьмой продолжается. Ей нет конца и края.

Человек находится в самом центре этой битвы. От него не так уж мало зависит.

Свет или тьма, тьма или свет? Берегиня или Мефистофель? – это решать каждому из нас...

ГЛАВА 37 Лолита торжествует

ЛОЛИТА ТОРЖЕСТВУЕТ. ДУРНАЯ СЛАВА МАСТЕРА

Сколько раз вы, дорогие авторы, встречали на страницах странных наших дам-психологов с мировым именем (поди, проверь, что там за университеты они заканчивали), писульки о том, как стать популярными, написать гениальный роман за пару дней, прославиться на весь мир. И самое главное – попасть на передачу Андрея Малахова да главной героиней – пик этакой популярности, перед которой наш рейтинг просто детская забава. Да, еще есть «Поле чудес» с его бесплатным сыром, и для особо одиноких «Давай поженимся», уж после той популярности мир у ваших ног навсегда.

При том, что сами писательницы ничего кроме дурной славы не заработали, но все туда же, хотя если взглянуть на их популярных собратьев на голубом экране – то все, то же самое и там - шоумены торжествуют. Они заменили поэтов и артистов (я помню времена, когда целые часы эфирного времени были отданы писателям, и вовсе не на канале «Культура»), и веселят нас так, что впору в истерике разрыдаться, а потом оказаться уже у настоящих врачей по психам, а не самопровозглашённых.

Но эти дамы (мужчин почти не встречала, они посерьезнее и поглубже капают), выпишут Вам рецепт популярности, а потом тихонько признаются, что Вы уже стали их пациентами и теперь они вас лечить будут за очень приличную плату, а то у них работы не было.

А так как в пациентах оказываются все нормальные люди, то невольно возникают сомнения в их здравом рассудке...

Но самое главное, что они кажутся себе самим страшно оригинальными и новыми, и просто первооткрывателями в области популярности, к которой многие из нас стремятся все душой.

Но так ли все это ново и оригинально, как им кажется?

Мне вспоминаются многочисленные мемуары о писателях и поэтах, оказавшихся в эмиграции после жутких событий октябрьского переворота.

Опубликовано их было в пору моего студенчества огромное количество, читали мы их очень много и увлеченно

И те творцы в чужой стране (чаще всего это была Франция) тоже ломали голову над тем, как пробиться на литературный Олимп, стать популярным.

Согласитесь, что их задача была сложнее нашей в разы, хотя бы потому, что французы да и остальные иностранцы мало интересовались русской литературной. И тогда возникала странная идея, оставить свои рукописи, перед тем, как исчезнуть и там и тут, хотя бы нам с вами, потомкам в России, к которым они могли вот так вот вернуться только метафизически, с помощью своих книг.

Тогда и возникли «Темные аллеи» Ивана Бунина, ведь он прекрасно понимал, что эротика будет жива всегда, ею не перестанут интересоваться люди, какие бы пожары и бунты не случились.

Правда, не мог он предугадать, что какая-нибудь заслуженная учительница в стране, где нет секса, назовет его всякими нехорошими словами и обвинит бог весть в чем, а потом темной ночью все равно будет перечитывать книгу и наслаждаться, мечтая о том же самом.

Не мог он предвидеть и того, что в начале 21 века наша эротика, смахивающая на порно, получит такое развитие, что у него там особенно продвинутые и не найдут ничего такого.

Но все равно и в том, и в другом случае будут читать – не это ли главная составляющая популярности писателя.

Темные аллеи, они и на Марсе темные аллеи, потому автором одной классической и классной книги он все-таки стал.

Но что было делать его младшему современнику Владимиру Набокову, принадлежавшему уже к третьему поколению авторов серебряного века.

И на самом деле он был хорош и в поэзии, и в прозе, какие только жанры не освоил – почти во всем оказался новатором, на английском, как на русском писал. Хотя везде ему доказывали, что он то скучен, то слишком стилистикой увлекается, то вообще уходит в такие высоты и глубины, что собратьям-писателям не дотянуться, а что про остальных читателей говорить?

Наверное, роман «Дар», где и стихотворения и проза великолепны, и образ Чернышевского колоритен – выше всяких похвал, но вызывающий скорее зависть у собратьев по перу, и он не прижился, не был оценен. А потому страшно критикуемый, он вряд ли принесет ту самую популярность, которая дарит хотя и дурную, но все-таки славу.

И что же делать тогда великолепному В. Набокову, когда, как Демон, все перепробовал, а на небеса (в мир популярности) все равно не пускают, как вернуться в Россию, как потрясти весь остальной мир, когда живы еще и Бунин, и Бальмонт да и многие из корифеев?

Уже и «Темные аллеи» написаны, и Нобелевская премия получена, а «Приглашение на казнь», скорее отпугивает, чем привлекает ценителей и просто читателей.

В. Набоков слышит историю мистификации о поэте В. Травникове (только что ее поведал его любимый В. Ходасевич). И он пишет своего «Василия Шишкова», поэта которого не было. Но сначала при помощи стихотворений, которые подписывает его именем, заставляет критика Адамовича волноваться и поверить в его поэтический талант, разыскивая неведомого поэта.

Кстати, на заметку нашим авторам, которые сомневаются в своем таланте – вот верный способ проверить – объективна ли критика – создайте свою мистификацию – и явите миру найденную тетрадь неведомого поэта. И все про себя узнаете.

Ж. Сарамаго пошел еще дальше, он написал целый роман о поэте Рикардо Рейсе, которого никогда в реальности не существовало, и роман стал одним из лучших творений живого португальского классика.

Но что же было делать Набокову, когда главному критику пришлось взять свои слова обратно, и подтвердить, что он классный поэт.

Вот тогда всю свою творческую жизнь игравший в литературные игры, чего только не творивший, он, вероятно, вспомнил одну странную деталь из вымышленной биографии В.Травникова, о которой вещал В. Ходасевич, а В. Набоков внимательно слушал и улыбался.

Этот самый господин, как и его отец когда-то, был влюблен искренне и страстно в 14 летнюю девочку, и когда эта девочка внезапно умерла, он бросил свет, удалился в деревню, откуда уже не возвращался. В свете его считали даже мертвым, хотя умер отец, к тому времени уже сошедший от такой страсти с ума.

Такая вот уникальная история, каждый слушатель нашел в ней что-то свое, В. Набокову вероятно запал в душу факт странной любви русского барина и его сына к подростку. Да так, что из-под пера его появилась Лолита.

А так как все, что творил Мастер (в мастерстве ему никто никогда не отказывал) делал он добротнo и более чем убедительно, а тема оказалась более актуальной, чем могло ему в запале игры показаться, то именно этот роман и всколыхнул всю мировую общественность.

И остался он чуть ли не единственным творением автора десятков более глубоких, интересных, оригинальных творений, чем «Лолита».

Но эта книга оказалась по-настоящему скандальной и популярной, уж чего –чего, а дурную славу автору она принесла самого крутого замеса.

Такая популярность никому больше и не снилась.

Наверное, оставалась надежда у В. Набокова, что после «Лолиты» прочитают и другие его программные вещи, и изящные, великолепные стихотворения тоже, но, увы, судьба сыграла с ним злую шутку, была, есть и остается одна только «Лолита» во всей ее зловещей красе.

И та же самая учительница, объясняющая странности жизни Бунина(своими ушами слышала, чуть в обморок не упала, когда поняла, как же мы понимаем классиков), и генерал, и профессор филологии и кто угодно другой купит и будет читать «Лолиту».

Обидно было слышать от умной и образованной дамы о том, что Булгакова она забросила после первых двух глав, а весь Набоков – это о разврате, да еще с малолетними.

Вот и получил сверхталантливый автор то, что получил – дурнее славы нет, вероятно, ни у кого из Мастеров.

Доказательство того, что эта тема популярнее любой другой нашла и наша современная писательница Полина Дашкова, написавшая немало довольно приличных книг, по крайней мере, читабельных точно.

Но вот вышла ее «Вечная ночь», сотворенная явно не без влияния «Лолиты», и все остальные романы как-то померкли, забылись.

Хотя в своем творении П. Дашкова подчеркивает ужасающую паутину этого вида преступности, там, в любви к Лолитам замечена и старый дипломат, и профессор – светило в психологии, но с темным прошлым - тот самый Гумберт, шагнувший в нашу реальность, да и много кто еще, прикрывающих их, пока не грянула беда. Там есть и учитель литературы, видевший, что творится в мире, и попавший под подозрение следователей, но в итоге он помог раскрыть преступление.

Частный случай становится чуть ли не мировой катастрофой, но факт остается фактом – Лолита - тема, которая принесет популярность еще не одному автору, но конечно, выше Набокова никому уже не прыгнуть.

Но для этого надо быть еще таким же талантливым и неповторимым автором, чтобы убедить нас в происходящем.

Остается очень простой вопрос, обращенный к каждому, кто не просто взялся за писательство, но не считает себя графоманом – это один из самых

важных моментов, потому что с убежденными графоманами говорить не о чем.

Так вот вопрос такой. Стоит ли трудиться годами, создавая что-то на самом деле стоящее, но не получать при этом заслуженного признания. А потом, чтобы как-то исправить положение, иронично играя, создавая мистификации и дуря всех вокруг, вдруг выдать роман на скандальную тему, получить все, чего так не хватало для обсуждения, и остаться автором только этого романа?

Ваша «Лолита», как компьютерный вирус, уничтожит все остальные ваши творения, но останется, и будет тиражироваться.

И помню, как один из моих любимых учеников, прочитавший и Гессе, и Кафку, и Камю, «Доктор Фаустус» Т. Манна был его любимым романом. Но в шутку или в серьез на экзаменах заявил, что В. Набоков получил Нобелевскую премию за «Лолиту», потому что и тем, кто голосовал за роман, ничто человеческое не чуждо. Надо было видеть лица заслуженных литераторов, все это слышавших – эпатировал он их на все 100.

Размышляя о любимом Владимире Набокове, мне порой кажется, что это был тот самый дьявольский подарок, от которого он все-таки не смог отказаться.

Вот и стал роман его визитной карточкой, хотя вряд ли мог предвидеть писатель, что все так повернется.

Нам же всем надо помнить о том, что как роль героя-любownika для молодого и красивого актера, роман «Лолита» будет торжествовать над всеми другими творениями, и что бы гениального потом не написалось, он все это перекроет и оставит далеко позади. Это аналог водородной бомбы в мире литературы. И как и опальному академику, нам бы надо остановиться и подумать, стоит ли его писать, так ли важна популярность и дурная слава лично для вас?

Ну, если без нее никак не прожить – тогда вперед и с песнями, читатели всегда найдутся. А если все-таки есть вещи поважнее, чем стать популярным по писулькам наших консультантов, тогда может быть взяться за дело и как-то обойтись без «Лолиты», потому что учиться все-таки лучше на чужих ошибках.

Мнения могут быть разными, но я считаю этот роман любимейшего писателя все-таки роковой ошибкой, изобретенной и брошенной в мир водородной бомбой. Скажете, что она не так сокрушительна, как та настоящая.

Но если учесть ее воздействие на наши души, на то, скольким людям он дал свободу действовать, и черные страсти, таившиеся глубоко в душе, вырвались наружу. Ведь как рассуждают порой маньяки - если об этом так ярко и убедительно пишет такой писатель Мастер, как Набоков, то может быть это не так и страшно, и я не один такой испорченный. У такого читателя появится свой адвокат, да еще какой. Но не станет ли он вольно или невольно адвокатом самого дьявола.

От «Лолиты» до «Вечной ночи» прошло почти 80 лет, мы смогли убедиться, насколько эта раковая опухоль распространилась в нашей стране, и то ли еще будет...

Но если представить себе на что ради дешевой популярности идут сегодня богатые и странно знаменитый шоумены – то творение В. Набокова покажется милой забавой, игрой смыслов, ассоциаций и сюжетов, в которой он всегда был большим мастером.

И уж невольно остается вспомнить вечное: «Нам не дано предугадать, как Слово наше отзовется». Предугадать не дано, конечно, но перед какой-то жуткой пропастью всегда можно остановиться, и просто спросить себя: «А оно мне надо?»

Но остановиться очень трудно, тем более, каждый из нас уверен, что это другие падали, мы-то туда точно не упадем. Но такое редко случается.

Лолита торжествует. А так как презумпции невиновности для нас нет, то и подозреваем мы его во всех смертных грехах, забыв о дивной Музе и романе длиною в жизнь. Ведь говорят, что дыма без огня не бывает, не так ли, и пусть докажет, что не было Лолиты.

Мы знаем В. Набокова лучше, чем его современников, во многом благодаря ей, так что же это - неужели литературная игра стоила свеч?

*Никогда нельзя отождествлять автора и его творения,
Герой и автор - это почти всегда разные стихии, тем более, если писатель
или поэт гениален.*

*Как критики злы, нет, сердиты,
Отправив в сердцах их к чертям,
Набоков сжигает "Лолиту",
Предавшись забытым страстям.*

*Жена улыбается рядом:
-Ну что ты, мой ангел, оставь.
Да ну их, какая отрада,
И сам, мой родной, не лукавь....*

*И все-таки зло и сердито,
Отставив о милости бред,
Набоков сжигает "Лолиту",
И знает - прощенья нет.*

*И все, что в западе забыто,
И больше вернутся невмочь,
В камине сгорает Лолита,
На мир надвигается ночь...*

*Герой, он не автор, пустое,
Они никогда не поймут,
Огонь все горит за спиною.
А критики спят или пьют*

*С чужими, любовниц ласкают,
Уносятся яростно прочь.
Набоков Лолиту сжигает,
На мир надвигается ночь.*

*Жена у окна виновато
Стоит, словно Лота все ждет,
За творчество грянет расплата,
Никто ничего не поймет.*

*Из пепла она не восстанет,
И рукопись эта сгорит.
И автор злодеем предстанет,
В огне своих вечных Лолит.*

Ночь черным крылом закрыла половину Любинского проспекта, словно старалась отрезать его от остального мира.

Только силуэты людей и призраков появлялись то там, то тут. Луна осветила начало проспекта, скамейку на которой по-прежнему, несмотря на такой поздний час, сидела с раскрытой книжкой стихов девушка в бальном платье...

Наверное, от яркой луны она прикрывалась зонтиком и грустила. Любаша, жена генерал губернатора была грустна, ей хотелось отправиться туда в парк, затеряться в тенистой аллее, хоть недолго побыть в одиночестве. А вот приходилось день и ночь, что за странная причуда, сидеть на железной скамейке и ждать, ждать чего-то...

Может быть Афродиту, которая должна была воскресить ее, но это при условии, что скульптор влюбился бы в нее так, что жить без нее бы не смог.

Но могла ли она на такое рассчитывать? Скорее всего, нет. Судьба ее была печальна с самого начала, такой она и осталась в своем бессмертии.

Скульптор был счастлив, доволен жизнью, творческим взлетом, своей веселой женой поэтессой – душой их компании, ему не о чем было жалеть и не о чем мечтать – удача не отступала от него, наверное, родился в рубашке.

Заказ на скульптуру он принял скорее чтобы доказать своему сопернику – неудачнику, что получит его он, а не тот, кто может быть и сделал бы работу лучше, да кто же ему даст эту работу.

И он сотворил чудо, превзошел себя...Его работа стала знаком – символом города, связала воедино разные времена...

Он не подумал только о грустной девушке, обреченной сидеть под дождем и холодом, грустной улыбкой встречая и провожая прохожих.
№№№№№№№№

Дружная толпа живописцев вывалилась из мастерской, расположенной как раз напротив знаменитой скульптуры, они остановились перед ней, каждый что-то попытался сказать:

-Бедняжка, муж вздорный старик страшно ревновал, и вот теперь такая участь, сиди и любуйся на мир

- Говорят, она ему не изменяла, да и теперь ей не изменить даже позы, намертво к скамейке прикована.

- Такая молодая и такая печальная, бедная, бедная Любаша.

- Но Мишель хорошо постарался, она прекрасна.

Веселье куда-то улетучилось, и творцы поспешили каждый в свою сторону, пора немного передохнуть.

Скульптор Мишель Сергеев задержался в своей мастерской. Он долго беседовал по телефону с какой-то Незнакомкой.

Она просила его о чем-то, а он никак не мог понять, что собственно нужно этой даме, которую он в глаза никогда не видел. Но вечером она набирала его номер, говорила о памятнике мужу генералу, и когда он назначал ей встречу, все время уклонялась от свидания.

- Но как же я смогу исполнить заказ, если вы не видели даже эскизы? – удивлялся скульптор.

В этом месте видно села батарея в телефоне, и он с чувством исполненного долга, вырвался на Любинский, отметив, что в мастерских нет ни одной живой души, на него как-то печально взирали только скульптуры...

На этот раз стало немного жутко от этих взглядов, и он рванулся на воздух, вспомнив, что там непременно столкнется с главным своим творением – Любашей...

Ему все время казалось, что она просит его о чем-то, и он даже догадывался о чем, но не хотел думать о том. Это все иллюзии, сны, фантазии, мифы о Пигмалионе.

Мишель любил живых, капризных и непокорных женщин, и не представлял себя, что слепил бы ее такой, какой хотел, а потом бы жил маялся.

Мишель не мог отвечать за всех мужчин, но не сомневался, что сам он никогда не знал, чего именно хотел, даже когда это касается полотен, а что говорить о людях, да еще о женщинах, вечно изменных и непостоянных.

Нет, тут он всегда отдавался в руки судьбы – какая женщина будет, такой пусть остается.

№№№№№№№№№№

Луна блестела яростно...

Наверное, древний бог Див решил ослепить его и заставить забыть обо всем, что было... А это значит.

Но Мишель не успел подумать о том, что это могло значить, и дорогу перейти не успел.

Навстречу ему порхнула Незнакомка.

Она была так легка и прекрасна. Она именно летела к нему... А наряд, что за наряд. Неужели снимали какой-то исторический фильм. Странно, что не было съемочной группы и режиссера, и всех тех, кто должен быть на съемках, но ничего удивительного, ведь фильмы часто снимают ночью, чтобы

не останавливать движение. А Любинский даже менять не нужно, конец 19 – начало 20 века во всей красе, бери и снимай фильм...

Но как он оказался на съемочной площадке? Какой черт его сюда толкнул?

- Отпусти меня, мой друг, - услышал он голос, от которого кругом пошла голова, - я твоя пленница, но ведь это невозможно, это такой кошмар.

- Но разве я держу тебя? - просто спросил он.

- Даже Атланту захотелось немного побыть свободным, и он пытался переложить свою ношу на плечи Гераклу, а я только слабая женщина. Мишель, наконец, посмотрел в прекрасные печальные глаза Незнакомки. Родинка на правой щеке, ямочки, как долго он возился с ними... Но ведь он сам придумал Любашу, не было портретов, это творил он сам. Неужели в реальности была дама, которую он придумал и сотворил сначала из глины, а потом из металла?

- Пообещай мне, что ты меня отпустишь, ведь ты даже не любишь меня, так зачем же мне томиться под дождем и солнцем. Я не хочу такого бессмертия... Никакой съемочной группы не было.

Мишель оглянулся на то место, где в начале проспекта, с раскрытой книгой сидела его любимое детище.

Железная скамейка была пуста.

Незнакомка в старинном наряде рассмеялась звонко, словно несколько колокольчиков сразу зазвенели.

- Я так долго ждала, пока ты появишься один, без своих друзей, чтобы не наделать шуму. Я смогла на несколько минут вырваться на свидание с тобой, но мне уже пора возвращаться. Ведь я обещала вернуться.

На щеках ее появились слезы, и смех преломился в плач. Пустая скамейка, а если она и утром останется пустой? Что будет тогда с городом и с Любинским проспектом?

- Я не в силах чего-то изменить, - бормотал Мишель. Незнакомка в тот же миг исчезла.

Под ослепительным блеском луны он стоял один.

- Приснится же такое, - бормотал Мишель.

Мимо пронесся какой-то лихач на невероятной скорости, еще бы шаг, и он оказался бы под колесами. Но удача и на этот раз не изменила ему – он остался цел, только протрезвел окончательно.

Уж не предупреждение ли это ему?

Когда он перешел дорогу и медленно остановился перед скамейкой, железная Любаша в бальном платье взглянула на него с сочувствием.

Он присел на скамейку.

- И что же нам делать, Любаша?

- Ничего, все обойдется, не печалься, я уже привыкла, - услышал он тот же голос рядом.

Незнакомка в бальном платье за его спиной закрыла ему глаза ладошками.

- Кто вы такая, откуда вы,

Ах, я смешной человек,

Просто вы дверь перепутали,

Улицу, город и век

- бормотал художник любимые строчки Окуджавы.

Ему показалось, что та, за его спиной склонилась и поцеловала его, да и это железная Любаша не скрывала сочувствия.

- Это я твой пленник, ангел мой, - пробормотал художник, - и мне не вырваться из этого плена. Но ведь не моя вина в том, что ты стала женой старика губернатора, что рано умерла, а потом родилась эта красивая легенда о любви и печали. Люди в любые времена любят такие легенды, и мне придется трудиться, а тебе напоминать им о вечном и прекрасном...

Мишель очнулся, он по-прежнему сидел на железной скамейке перед своей скульптурой. Давно надо было отправиться домой. Ночь откровений закончилось.

- Пошли, я провожу тебя, - шепнула Незнаком, раз уж я сама назначила тебе свидание, какая непростительная дерзость.

Они дошли до набережной Иртыша, до его дома.

Он простился и торопливо ушел домой.

Дева в старинном бальном наряде еще стояла на набережной и смотрела в темные воды Иртыша.

Это был ее город, и ее мир...Она хранила его,

и будет хранить вечно...

А плен, да что плен, все мы пленники любви, власти, страсти...

И никуда от этого плена не сбежать, не укрыться.

Вот так и сидит, опаленная солнцем апрельским,

А дождик прольется, и зонт не успеет раскрыть.

Моя Незнакомка, ты дивный цветок эдельвейса,

В просторе незримом тебе Вдохновенье хранить.

А Любинский шумный проносится мимо куда-то,

Веселые стайки студентов и гости, и тени,

Забыв все балы, и едва ли припомнив утраты,

Ты в век двадцать первый вживаешься так постепенно.

Отложена книга, в ней все уже было когда-то,
Былая интрига не трогает этих парней,
Ты так одинока, печальна и все же крылата
И в тихую полночь, в мерцании ярких огней,

Поднимешься вдруг, но останется зонтик и книга,
И в эти просторы отправишься снова парить.
Моя Незнакомка, в стихии у дивного мига,
И «Лунной сонаты», в мой город окно отворить

Еще суждено тебе там, где пространство и время
Сойдутся на миг в эту полночь у всех на виду,
И замер художник – пустая скамейка, не верит,
Что стало с Красавицей, снова попала в беду?

Да нет, не исчезла, к рассвету, не бойся, вернется,
Присядет на миг, а останется здесь на года.
Замрет от печали, и только апрельское солнце,
Ее ослепит, как прекрасна и как молода,

Да только печальна, но ветер уносит печали,
И надо б узнать, чем закончился этот роман,
А мир просыпается, птицы во мгле закричали.
И смотрит она удивленно – все сон и обман.

Глава 39 ЗАКРУЖИЛИСЬ БЕСЫ РАЗНЫ

(А.С.Пушкин)

Полночь. Город спит. В тишину его кварталов врывается рыжая красавица осень.

Бездунная полночь – это время, когда те, кто особенно яростно любили и ненавидели, могут вернуться в мир живых, для того, чтобы доделать какие-то важные дела, приобщиться к нашему миру, вдохнуть его музыку, радость, ароматы, их не может быть ни в каком раю.

Многие из ушедших рано или поздно понимают, что в мире нет ничего прекраснее, чем жизнь, никакой рай или ад не сравнится с тем чудным мгновением, которое отпущено каждому из нас, и было у них когда-то.

Над городом витают души тех, кто был и остается здесь навсегда, они возвращались и всегда возвращаются туда, где были счастливы или несчастны.

Медленно поднялась с железной скамьи и спешит на осенний бал вместе со своим генерал - губернатором Любаша.

Она не может пропустить этого события, оно бывает только один раз в году вот в такую вот осеннюю полночь, распахнулись двери их дворца, и он встречает своих гостей.

Туда же устремился и наш адмирал, ему просто хочется покружиться в танце с очаровательной незнакомкой...

Только об этом осеннем вальсе или мазурке он мечтал почти целое столетие, пока, наконец, не вернулся со своего корабля призрака на землю, и сегодня у него есть последняя возможность остаться на берегу, если юная и прекрасная дева влюбится в него и спасет...

Если бы сам он не влюбился в чужую жену, то все так и было бы, вероятно.

Но стоило только ее увидеть и все забылось, все исчезло. Он готов пожертвовать своим спасением ради этого осеннего вальса.

Хмурится генерал, но разве может его юная жена отказать адмиралу, да она еще и не ведает, что губит обоих. Но только страсть, только музыка, только танец волнуют ее в этот час.

Не ведает, не знает, ей просто хочется танцевать. А он так молод, так красив, что все остальное уже не имеет значение.

И в залу, заполненную лунным светом, в самый разгар бала врывается темная фигура арестанта, бунтовщика, гения. Он освободился, наконец, из гранита, и словно Атлант, сбросил всю тяжесть, которая была на его каменных плечах все эти годы... Как его любимый черт, он мечтал только об одном, чтобы воплотиться, и вот в осеннюю полночь свершилось...

Его глаза сверкают праведным гневом, но звучит музыка, и кружатся пары, каким чужим и далеким он должен казаться в этой веселой и радостной толпе призраков...

Если бы молодая и прекрасная Незнакомка не бросилась к нему с восторгом:

- Федор Михайлович, дорогой, я так долго ждала вас, я должна была вас увидеть и спросить о многом, неужели это свершилось.

- О чем же, милостивая сударыня

- О бесах, конечно о бесах, у меня докторская диссертация, и как прекрасно будет, если я услышу обо всем из первых уст.

Елена, меня зовут Елена, какая радость увидеть вас, услышать

Писатель отпрянул от Елены, пытаясь понять, о чем она говорит

- Но какое отношение имеют бесы к городу, к балу?

- Но это же ваш роман, самый скандальный, самый таинственный...

- Роман? Мне бы хотелось романа с таинственной незнакомкой, а вы, как я погляжу, о писательстве, можно отдохнуть от каторги хоть единственную ночь, может быть мы потанцуем? Ну их, бесов, разве стоит на них тратить единственную ночь?

Он с завистью наблюдал за тем, как адмирал обнимает нежно и трепетно тонкий стан жены генерал-губернатора.

- Танцевать? Но я не умею, не могу, у меня диссертация, я должна, - Елена лепечет что-то, все еще не отходя от писателя. Но он уже шагнул вперед, подхватил какую-то даму, и закружился немного неуклюже, но получая от танца невероятное удовольствие.

Кружились пары, Елена не могла пробраться к своему кумиру, и только слышала:

- Единственная ночь осени, когда мы можем освободиться от пут, вырваться из гранита, хочется только танцевать, танцевать до самого рассвета, все остальное потом.

- Не может быть, - шептала Елена, - разве творчество, разве то, как мы его воспринимаем, принимаем, не самое главное? Ладно, адмирал, но Федор Михайлович, не может быть, чтобы он так легкомысленно относился к своим гениальным романам.

И тут она услышала странный хохот рядом...

- Неужели тебе никогда не хотелось жить и любить? Только жизнь, реальность, а не книги и не исследования, это чудное мгновение – единственное сокровище, которое у нас есть. Из-за Елены началась война, а ты никак не можешь чужих бесов оставить в покое и просто жить. Смотри, как прекрасна осень, даже твоему гению хочется танцевать, а ты еще жива, у тебя еще ничего не потеряно, или на самом деле оценить можно только когда все потеряешь?

- Я еще жива, - повторила Елена.

В тот момент мимо скользнул адмирал с Любашей, потом гений с какой-то дамой. Они смеялись над ней и таяли в тумане.

Распахнулись шторы и желтые листья кружились в заполненной музыкой бальной зале.

Елена взглянула в старинное зеркало, около которого она невольно остановилась, и с ужасом заметила, что она там не отражается...

Но кто-то уже подхватил ее, словно осенний листок, и закружил в вальсе, она пыталась, но никак не могла рассмотреть лица незнакомца.

Ночь заканчивалась, начиналась обычная жизнь

Осень вырвалась из плена грез и облачного сна,
И легко самозабвенно, обнимает мир она.
И кружится легкой птицей над туманной мостовой
И в окно твое стучится: просыпайся, что с тобой?
Скульптор снов моих печальных, ты в тумане снова нем,
И с любовью и с отчаяньем, мир свой лепишь, но зачем.
Твой угрюмый Достоевский город милый мой клянет
И устало так по-детски, он во мрак его идет...

Пьедестал был пуст, я знаю, только там, в пылу страстей
Снова где-то возникает странный, страстный и ничей.
Говорят, что просто осень наши души бередит,
Первый лист, он красный очень на плече его лежит.

Ходит зол и неприкаян, и узнать не может мир,
Каторжанин, и властитель душ, и музыки и лир.
Так уж вышло, что, страдая, он искал назад пути,
Осень в тишине витая помогла тот путь найти.

Говорят, что снова видят, то на Любинском, то там,
За чертой. О, мрачный витязь в темных водах Иртыша,
Ермака ли он спасает, ищет золото во мгле,
Вот в тумане возникает адмирал мой, как во сне
Осень кружился над ними и зовет куда-то в даль.
Мир ночной душа покинет, и останется печаль.
Адмирал спешит к Любаше, знает, им еще на бал
Достоевский зол и страшен, мимо, мимо пролетал.

Глыба мрака, и пугая, мир, разбуженный грозой,
Он по городу шагает, вслед рычит Иртыш седой.
А к нему спешит Елена, завернувшись в синий плащ,
Как легко и вдохновенно говорит, и слышит плач,
Завтра новая стихия озаряет зеркала,
Снова в ярости мессия, снова дева так светла.
Город спит, встречая осень, ветер за окошком стих,
Адмирал счастливый очень на мазурку пригласит.

Губернатор за женою так ревниво вновь следит,

Страсти ярости волною окрылен во мрак летит.
Гений, плен свой не приемля, и в тумане сентября
Первый лист летит на землю, осень дивная, царя,
Души нам иные бросит, и пугает и манит,
- Не грусти, здесь просто осень, просто Омск устало спит.
Обнажено, окрылено, утопая в мире грез,
Грозный гений даме черной листьев золотых принес.

И присел уже устало, и ревнует и молчит.
Рядом профиль генерала, и в мазурке мир затих.
Пусть покружится Любаша над опавшею листвою
Как тревожно, дивно, страшно жить в тумане, город мой.
Этот свет и тот мешая, нам таинственно твердит:
- Просто осень золотая многим душу бередит.
И кружится легкой птицей над туманной мостовой
И в окно твое стучится: просыпайся, что с тобой?

Глава 40 ЭТО ПРОСТО ПЛАГИАТ. Турнир поэтов

Кот Бегемот пришел к Алине и заявил, почесывая когтем свой черный высокий лоб:

- Знаешь, что дорогая, я нынче с Баюном и Чеширом приглашен на телевидение.

- В передачу «Пусть говорят» или «Давай поженимся»?- спросила та, стараясь скрыть усмешку.

- Не мявкай, и не шути так глупо, конечно на Поэтический турнир, все же знают, что Баюн «пойдет налево песнь заводит, направо сказку говорит», разве тебе гений о том не говорил?

- Да это-то я помню, а ты там каким богом поэтом заделался? Массовку будешь изображать, восторженных зрителей?

- А я просто хороший кот, знаменитый, на радио меня даже президентом страны чуть не сделали, профессора Преображенского обошел легко.

- И это помню, только наша бедная Поэзия тут при чем?

- Да при том, что президент один, поэтов пруд пруди, и я обаятельный, знаменитый, за меня проголосуют, меня вся страна знает, а Баюна кто теперь вспомнит, его песни и сказки давно мхом поросли.

- И что же ты читать собрался? - поинтересовалась осторожно Алина

- Вот и я о том же, за этим к тебе и пришел мне надо дюжину стихов, а там я выберу, что читать.

- Хочешь, чтобы я тебе написала их прямо сейчас?

- Вот еще, да ни за какие коврижки.

Кот смиренно взглянул на сказочницу.

- Нет, у тебя там есть, конечно, что-то такое, но мне нужна классика, так, чтобы все остальные коты и слушатели выпали в осадок. А все зрители поверили, что я гений и проголосовали. 80% меня не устроит, только 105, ни одного процента соперникам.

- Ну то есть, взять и украсть что-то, чужое выдать за свое да на телевидении, а это не перебор, детка?

- Ты брось словами - то кидаться, киска, позаимствовать, а может и спасти, вырвав из забвения, вернуть народу так сказать хорошо забытое старое, а то сразу воровство, уголовщина, самой - то не противно такие слова произносить.

- А если разоблачат, вдруг не все такие наивные и доверчивые, опозорят на весь мир, а то и в суд потащат.

- Так и ищи такое, чтобы больше никто не отыскал, хотя они может быть и «Незнакомку» твоего Блока не помнят, но мы не станем рисковать, что-нибудь совсем неизвестное, но классическое, я позориться не собираюсь.

Отказать Бегемоту было невозможно, легче сразу согласиться, чем потом, когда он душу из тебя вынет. Да Алине интересно было взглянуть на то, как этот орел чужое делает своим, и что на это скажут критики и другие коты, как он потом оправдываться и выкручиваться будет, когда на воровстве попадетя, а ведь попадетя, она свято верила в то, что тайное станет явным.

№№№№№№№№№№

Поэты серебряного века были разбросаны по всему ковру, кот уже вчитывался, вгрызался, страстно листал страницы, желая чужое сделать своим.

- Вот, - наконец крикнул он, - я нашел то, что искал, а ты не останавливайся одного мало, там надо больше.

Кот уже читал, закатив изумрудные глаза к небесам, и слегка покачивая хвостом в такт музыкальному тексту.

Он сделался весел, неповторим, неподражаем.

Алина была почти уверена в том, что слышала текст в первый раз, и что сочинял его кот Бегемот прямо сейчас, потому что он почти не заглядывал в открытый том.

*Как сладко мечтать одиноко,
Забывать все сердечные раны,
Умчаться далеко, далеко -
В волшебные, чуждые страны.*

*За морем заря погасает,
Сливается с синюю далью,
Последние искры бросает
С какую-то тайной печалью.*

*Пред вами картина такая,
Что с уст не срывается слово, -
И белая пена морская -
Как кудри царя водяного,*

*И брызг серебристых кристаллы,
И путь ваш в пучине безбрежной -
Как будто бы в царство Валгаллы
Вы мчитесь с валькирией нежной.*

*А синее, бурное море
Вам шепчет какие-то сказки;
В его переменчивом взоре
Вы видите страстные ласки.*

*И в ропоте водной громады
Вам чудится дальнее пенье:
Слиянье небесной отрады
С тревогой земного стремленья.*

Бегемот, наконец, остановился, замер и выдохнул:

-Ну как?

- Убедительно, - только и произнесла Алина.

Он потянулся к другим книгам, она ловко выхватила у него из-под носа сборники Блока и Гумилева:

- Это не получишь, даже не проси.

- Ну и ладно жадина-говядина, хорошо, что там еще поэтов достаточно. Вот этот пойдет. Только надо что - то такое про бабу Ягу поискать, чтобы Баюна лягнуть хорошенько.

- Там есть о старой генеральше, ищи хорошенько, - подсказала Алина.

- Нашел, - радостно взвизгнул кот,- сам нашел, даже ты не понадобилась, я сам все могу.

И он стал читать:

Чем больше дней за старыми плечами,
Тем настоящее отходит дальше,
За жизнью ослабевшими очами
Не уследить старухе-генеральше.

Да и зачем? Не более ли пышно
Прошедшее? — Там двор Екатерины,
Сменяются мгновенно и неспешно
Его великолепные картины.

Усталый ум привык к заветным цифрам,
Былых годов воспоминанья нищет,
И, фрейлинским украшенная шифром,
Спокойно грудь, покашливая, дышит.

Так старость нетревожимая длится —
Зимою в спальне — летом на террасе...
...По вечерам — сама Императрица,
В регалиях и в шепчущем атласе,

Является старухе-генеральше,
Беседует и милостиво шутит...
А дни летят, минувшее — все дальше,
И скоро ангел спящую разбудит.

Алина усмехнулась, ей хотелось только угадать, узнает ли хоть кто-нибудь это стихотворение, читал ли его кто-то до Бегемота, запомнил ли, хватит ли мужества обвинить его в плагиате. В том, что кот так же выразительно самозабвенно на всю страну прочитает этот текст, она не сомневалась ни минуту, да и кто бы в том усомнился.

Сколько она не уговаривала самого упрямого из всех котов, Бегемот не хотел исправить, менять ни одной строчки, ему нравилось так, как было написано, и хоть ты его режь – никакие разумные доводы его не касались. Но при такой-то наглости ему ничего не страшно, кто бы сомневался в том.

- А ты ищи, ищи дальше, - требовал кот

Алина раскрыла ему книгу, и он пробежал глазами текст:

-Про волчонка не хочу, волков не люблю даже в стихах, а вот это пойдет.

И он начал читать:

Как призрак я иду, и реет в тишине
такая тающая нега,--

что словно спишь в раю и чувствуешь во сне
порханье ангельского снега.

Как поцелуи губ незримых и немых,
снежинки на ресницах тают.
Иду, и фонари в провалах кружевных
слезами смутными блистают.

Ночь легкая, целуй, ночь медленная, лей
сладчайший снег зимы Господней, --
да светится душа во мраке все белей,
и чем белей, тем превосходней.

Так, ночью, в вышине воздушной бытия,
сквозь некий трепет слепо-нежный
навстречу призракам встает душа моя,
проникшись благодати снежной.

- Но с этим текстом ты и завалишься быстро, я его с ребятами на уроке анализировала, да не один раз, выбери другой

- Хочу этот, - топнул лапой кот.

- Позора хочешь на весь мир?

- А давай поспорим, что ни один из твоих учеников ночью стихи слушать не будет, а все остальные все одно не узнают, я кожей чую....

- Ну, смотри, я тебя предупреждала.

- Нет, мне нравится, для первого тура пойдет, только на листы перепечатай, не поволоку же я книги с собой.

- Значит, я становлюсь соучастницей явного плагиата.

- Игр разума, - поправил ее кот, - а я никому не скажу, что ты мне помогала, пусть сначала поймают, а там отобьемся от всех злобных критиков, кого не задушим - покусаем.

Аккуратно сложив листки с ворованными у поэтов стихами, кот исчез.

Не без волнения ровно в полночь Алина врубила телевизор, там она и должна была наблюдать тот самый поэтический турнир.

Кот Бегемот был великолепен, Баюн и Чешир скромно стояли в стороне. Как знаменитый профессор, они должны были признать, что он первый, что Бегемот впереди планеты всей, и такой разный, такой многогранный.

Критики, правда, слегка его журили, говорили, что в 21 веке так никто не пишет, он просто опоздал родиться, а так бы в 1912 году с самим Блоком поспорил.

Об итогах голосования и говорить не стоило – у Бегемота было 110 процентов голосов, всех кто его слышал, и даже не слышали, они просто голосовали за Бегемота руками, ногами и всеми остальными частями тела, кто-то умудрился и не один и не два раза отдать всем свои бесценные голоса.

Нашелся один маленький котенок, который мяукнул о том, что стихи сочинял кто-то другой, а вовсе не сам Бегемот.

Но 110 % восторженных слушателей, многие из тех, кто недавно хотел выдвинуть его в президенты страны, и побежал бы за него и там голосовать, так обрушились на бедного котенка, что его едва спасли от разъяренной толпы фанатов Бегемота или секты свидетелей рождения гения.

Котенок больше ничего не мявкал, просто исчез где-то, а может, вырос в большого и умного кота, и понял, что молчание - золото.

Кот Бегемот обошел всех, кто был в том марафоне, и каждый раз у него были самые лучшие стихотворения – особенно просто ему стало орудовать среди переводных текстов, там вообще проблем не было. Но вот все-таки хочется узнать, у кого из поэтов кот Бегемот украл первые три стихотворения, которые позволили ему подняться потом на Олимп?

Сами поэты молчат, может кота бояться. Но неужели не найдется среди нас тот, кто не узнает знаменитых поэтов и не вернет награбленное?

Наглость, конечно, второе счастье, но и совесть иногда иметь надо. Хотя с этим у кота Бегемота очень трудно, все сильно запущено.

Да и не у одного кота.

Но вопрос остается: кого ограбил кот Бегемот, не моргнув глазом, чужое сделав своим, получив первую премию, и даже подумывая подать свои вирши для рассмотрения в Нобелевский комитет. Деньги ему не особенно нужны, он ими поделится с другими, а вот слава не помешает.

Среди наших поэтов такого, конечно, быть не может или может, чем кот Бегемот не шутит, пока критики и другие поэты спят?

Глава 41 Литературный маньяк. Никаких собак

Женщин обижать не рекомендуется, писательниц - тем более.
(Так говорит кот Бегемот)

Наступил рассвет.

Кончилась водка, а нужно было опохмелиться, чтобы ощутить себя в своей тарелке и дописать юмористический рассказ.

Нет, его никто и нигде не ждал, но рассказ должен быть закончен, чтобы оставаться в тонусе, и чувствовать себя юмористом.

- Писатель, - на разные лады повторял Вит, понимая, что это последнее, что ему еще осталось в этой жизни. Со всеми остальными занятиями и с женщинами, с которым он проводил больше, чем одну ночь, пришлось расстаться по собственному желанию, а вернее, желания – то никого и не было, а все от него что-то требовали, особенно блудливые бабы.

Пить с утра - дурной вкус и последняя стадия алкоголизма, но завтра он бросит, займется делом, вернется в журналистику, станет знаменитым душеведом и напишет шедевр обязательно. Надо только протрезветь.

Когда последняя банка пива была допита, он вздрогнул и увидел оранжевого черта.

- Оранжевых не бывает, - прохрипел Вит.

Черт почесал затылок и ухмыльнулся:

- Если за дело не возьмёшься, то фиолетовым стану, юморист чертов.

- А что делать-то? – спросил Писатель

Черт от ярости, смешанной с жалостью и презрением, усмехнулся.

- Да почти ничего тебе уже не осталось, но вот кое-что я все-таки придумал, маньяка из тебя делать будем.

-Кого? – прохрипел Вит, с чувством юмора у него было в последнее время совсем скверно.

- Литературного маньяка, это что-то новенькое, обычные маньяки, это пошло, кто только не маньяк нынче, ты будешь литературным, знаю, что трудно, но справишься, ты же еще не все мозги пропил.

- С бабами не хочу, - стал капризничать тот, - они все дуры безмозглые, и слишком много требуют, а потом динамят и еще смеются.

- Я из тебя не плейбоя, а маньяка делаю. Вот и выместишь на одной из них всю свою ярость.

- На какой? – вяло поинтересовался Вит, понимая, что кому-то из особенно шустрых графоманок, затмивших от его гения солнце, можно будет отомстить. Это лучше, чем ничего.

Бес врубил комп, полистал страницы и ткнул мохнатым оранжевым пальцем в экран:

- Вот эта?

Вит немного протрезвел от увиденного.

- А чего такая старая и страшная?

-О, дьявол, ты же маньяком будешь, а не Тарзаном, потому и страшная и старая, сказал эта, значит эта. Тебе не жениться на ней, а для этого сойдет и такая.

Но замысел оранжевого беса постепенно стал ясен.

- Эта уже столько написала, издавала, что если ее не будет, то меня заметят, - медленно рассуждал он, решив найти мотив и выгоду для себя любимого.

- Геростратом никогда не поздно стать, - пробормотал бес, но Вит его не услышал.

Он даже не думал о том, что потом бывает с маньяками, попадаться он не собирался, хотя если не попадешься, то как прославиться? Но как Наполеон, он решил сначала ввязаться в драку, а потом разбираться.

- Вот-вот мозги еще не все пропил. Станешь литературный маньяком-завистником, напишешь, как ты убивал главную графоманку, и хотят - не хотят, но они тебя запомнят, издадут, даже с петлей на шее.

- А может не надо? – стал торговаться гений.

-Надо, Вит, надо, - черт говорил убедительно, - это твой последний шанс взойти на Олимп или Парнас, потом посмотрим, куда всходить, но по трупам конкурентов, а как нынче по-другому в маньяки, то есть люди выбиться?

В доме Виктории горел свет, она, не разгибаясь, дописывала роман о Мастере, который должен был быть сданным еще вчера, но все никак не могла поставить последнюю точку.

И вдруг на пороге появился белобрысый, мертвецки пьяный тип.

Она привыкла открывать двери даже в полночь, вот и на этот раз не заморачивалась, решив, что кому-то надо помочь. Спасать мир – это было делом ее жизни. И на те самые грабли она наступала снова и снова.

- Вот я до тебя и добрался, графоманка чертова, - зарычал Вит, - из-за тебя меня никто не видит и не замечает, замолчи и за умную сойдешь, чего всякую чушь писать, а потом издавать на деньги своих любовников, не бывать этому...

Вика растерялась только в первые пять минут, а потом, потом она оттолкнула литературного маньяка, - так она сразу его назвала, но он упал на дверь, которая за его спиной и захлопнулась.

Маньяк усмехнулся, бес служил ему верную службу... Окрыленный рванулся прямо на нее, кажется даже немного возбудился –ну настоящий маньяк, даже играть не надо.

А потом он сделал то, что делать не надо было, схватил за горло свою жертву... И возбудился еще сильнее, золотого конька не потребовалось, в первый раз за много дней и лет.

Ярость, бессилие, ненависть, которая могла спалить дотла его исстрадавшуюся душу - все смешалось в пьяном бреду в душе непризнанного гения. Он ненавидел женщин, а писательниц особенно, и самую противную из них наконец можно было реально задушить – это ли не счастье, спасибо оранжевому бесу, что толкнул сюда.

-Вы думали, что убили меня, уничтожили, шиш вам с маком, бездарности чертовы.

Вика подумала о том, что мертвая писательница наверное станет популярнее, чем живая, но у нее еще столько незаконченных рукописей.

Что произошло в следующий момент? Страшная боль, адская боль в том самом месте, которым маньяк должен был орудовать дальше, ну чтобы завершить свое маньячье дело и прославиться на весь мир, хотя бы в этом амплуа.

Откуда, если Виктория не шевелилась, и точно не могла пнуть его? Об этом он позаботился, все сделал правильно.

Но руки разжались тут же, рыжая псица, то ли пит, то ли буль – Вит все время их путал, сцепила пасть на его брюках да так, что ее не разжать и железным прутом.

Он вопил так, что слышали все 9 этажей огромного дома. Теперь и Вика пнула его острым каблуком в живот и прошла к двери, там уже трезвонили соседи, нашлось кому ей на помощь бросится, что тоже было приятно.

Полиция приехала очень быстро, что само по себе удивительно, но это спасло маньяка, кажется, откусить пса ничего не успел, хотя там и кусать особенно было нечего.

- Убейте собаку, она бешенная, - вопил маньяк, когда его отцепили от пса

- Обязательно убьем, - пообещали полицейские, - дай только срок.
№№№№№№№№№№

Рыжий бес присел на нары в обезьяннике.

-Тебе поставили укол, обезболили, это я уговорил их, чего так маяться-то, говорят, это самое болезненное место.

- Ты? А почему ты не сказал, что у этой швабры есть собака?

-Не знал, - не моргнув глазом, соврал бес.

- Не знал...

- Но так еще интереснее получилось, забавнее. Ты же писатель-юморист, что еще можно было придумать, чтобы народ посмешить.

Маньяк готов был прибить беса, но как только дернулся, адская боль уложила его на нары. Укол действовал плохо, было очень больно...

К камере подошел капитан полиции и бросил газету.

Бес подхватил ее еще до того, когда она успела коснуться грязного пола.
- А вот и статья, полюбуйся.

Маньяк впился глазами в текст, где рассказывалось о писательнице, о романе, который хотел похитить и присвоить очередной графоман, о том, что с ним случилось дальше, и как он теперь оказался безвреден для всех окружающих.

- Раньше он писал дрянь, но хотя бы по бабам ходил, а теперь и этого не потребуется. Нет, ходить - то может, но толку от того.

- Что это? – вопил Вит, - ты же обещал сделать из меня литературного маньяка.

-Прости, с литературным не вышло, пса помешал, мы в другой раз попробуем литературного, но вот тут есть и про литературного.

Он развернул газету, там была громадная статья про философа из Казани, опубликовавшего книгу, а потом и совершившим двойное убийство по своей книге. Раскольников наших дней, не больше, не меньше.

- Этот тебя обошел, я же говорил тебе - пиши романы, а не юмористические рассказы, у каждого маньяка свой жанр, тебе одно – ему другое, а я что, я только подсобный рабочий...

Хотелось пить и есть, но , швырнув ему газету, Рыжий исчез. Побежал к своей писательнице или еще какого литературного маньяка творить.

- Упырь, - прохрипел Вит,- осинового кола на тебя нет...

Трудна доля маньяка, но как же тяжело быть литературным маньяком...

Хотя у него все впереди, он выйдет из обезьянника и еще всем покажет, но пока только огромная пасть пса мерещилась гению в полусне, оставалось только благодарить полицейских за то, что они успели вовремя...И надо меньше пить, чтобы фиолетовым, оранжевым, бирюзовым чертям не захотелось использовать тебя в своих целях, твоими руками и другими частями тела творить пиар старухам - графоманкам, будь они неладны, писательницы чертовы.

Только как не запить от жизни такой? Вот и получается замкнутый круг, из которого гению никогда не выбраться, остается только маньяком стать - Литературным маньяком, но в следующий раз надо подумать, как лучше это сделать, и никаких собак.

А потом появилось стихотворение той самой мерзавки, она его посвятила ему, и даже адрес указала, куда обращаться за пиаром...

Ко мне вчера пожаловал упырь,
Он был развязан и мертвецкий пьян,
И разговорчив. Озверев в пустыне,
На теле и душе полсотни ран,
И комплексов там столько, Велес мой,
Какая чушь летела в этот миг.
Мне показалось, что упырь живой,
Но нет, он мертв, и глубоко проник

Осины кол, не шевелиться вновь,
Кикимора могла б его спасти,
Но он отверг невинную любовь,
И чушь свою все продолжал нести.
Я слушала его, еще шутя,
Жаль упыря, мне, правда, очень жаль.
В его душе старик или дитя

Сражались за иллюзии печаль.

Остановиться он уже не мог,
И все вещал наивно, и кляня,
Сюда он все проблемы приволок,
Не оставлял беспечную меня.
«Я улыбаться мог одним лишь ртом,»-
Мне вспомнился Высоцкий в этот миг.
А мой упырь все говорил о том,
Куда мне ехать, как писать, Старик,

Он юношу еще изображал,
Он был безумен и безмерно груб,
Я видела, как от кола страдал,
Но выньте кол, и вырвется из рук.
И вот тогда беды не избежать,
Недаром прикололи упырей,
И Леший мой посетовал: - Опять
Ты с ними носишься, уйди скорей.

- Но как же он? – К Яге перепекать.
- Не выйдет, тут бессильна и она.
А мой упырь все продолжал вещать.
Я думала: - О, бедная страна,
Где столько их сегодня развелось,
Что не увидишь больше и людей.
И вдруг он на меня обрушил злость.
Смеялся Леший: - Ну их, упырей,

Всех не спасешь, и стоит ли спасать,
Оставь его, я приготовил кол
Еще один, - замолк он, благодать,
И дальше пить на сайт знакомств пошел.
Там пыль в глаза пустить всего милей,
А после свой шедевр сюда строчить,
И все же очень жалко упырей,
Которым тяжелей на свете жить.

Ведь Домовой, и Леший начеку,
Никто не хочет больше их понять,
А на болото вновь уволокут,
Запрут в тюрьму болотную опять.
Кикимора смеется, бес молчит,
Никто не пожалеет упырей,

От боли одиночества кричит,
Пристать к кому-то хочет поскорей.

На те же грабли снова наступлю,
Начну с ним так бездумно говорить.
Я на мгновенье даже полюблю
И этот злой азарт, и эту прыть...
Пусть Лада улыбнется с высоты,
И снова расхохочется Ярило:
- Ну ты даешь, куда же, детка, ты
И в этот раз отчаянно вступила.

Купала снова будет защищать,
И лишь Услад махнет рукой устало.
- Что упыри, когда Кащей опять
Там расходился, в Пекле тошно стало...
Да, мир спасать видать настал черед,
Тут не до шуток, осень так уныла.
- Любой упырь к тебе лишь пристаёт,-
Морена рассмеется, и шутливо

Опять мы в хороводе у костра,
В лесу прохладно, и колдует осень.
Ко мне упырь пожаловал с утра,
Он пьян и сир, его мне жалко очень.
Но лучше не жалейте упырей,
Спокойней так и проще, я-то знаю,
И к Лешему пошлю его скорей,
Ни дна и ни покрывки пожелаю...

ГЛАВА 42 Не сотвори себе тирана. Хочу замуж!?

*Тиранами не рождаются, мы творим их своими руками
(роман "Исповедь Музы")*

Все началось с пророчества моей бабушки и приговора деда.

Когда они нагрянули в гости и оценили мое взросление и возмужание – тот возраст, когда каждая нормальная девица должна кричать, вопить просто:

- Хочу замуж, возьмите меня, ну возьмите меня замуж, вы не знаете, какого счастья лишаетесь.

Бабушка была немного расстроена, потому что она не почувствовала во мне этого вечного стремления к семейному счастью (скрытому несчастью), но ее ждало еще одно разочарование: она заметила, что я решила стать не музой для поэта или художника, а сама решила писать и упорно этим занималась.

-Дело безнадежное, - сказала она деду, - она сказочница, и где же ты найдешь такого музона в нашем женоненавистническом мире, который согласится ее терпеть в доме.

Дед очень удивился, слушая жену. Нет, конечно, он не сомневался в том, что мир был женоненавистническим, если женщина высовывала свой нос из кухни или детской, но чтобы так думала, озвучила это его жена, которую он соизволил сделать своей пусть и не единственной, но Музой, и верил, что при этом она была на вершине блаженства. И вдруг такое откровение.

Если бы не проблема со мной и моим замужеством, то бабушка так и унесла бы эту страшную тайну в могилу. А она невольно проговорила. Так и insult любимому тирану получить недолго, а ей вдовой стать. Но он вырвал из нее когда-то клятву о том, что жить они будут долго и умрут в один день, как в сказке, довольно страшной сказке, скажу я вам.

Хорошо, что при ней и при мне осталась еще более страшная тайна – о том, что бабушка успела написать три классные романа, и они были значительно круче писанины деда.

Когда я тайком читала ее рукописи, запрятанные лучше, чем записка у любого из мужей – только мне их и удалось найти, я это понимала, и однажды сказала о том бабушке в пылу нашей ссоры.

Она меня чуть не прибила тут же, за то ли что нашла рукописи, или за то, что прочитала и так оценила? А может за все вместе.

Тогда, помнится, долго она пыталась утюгом, хорошо, что в доме не было паяльника, и требовала, чтобы я никогда, даже если лишусь рассудка, не рассказала деду свою и ее тайну.

- Я унесу их с собой в могилу, пусть он знает, что Писатель он, а я его тень и Муза.

- Ты так любишь Маргариту?

- Я ненавижу ее, но пусть все так останется.

Тогда я сразу насторожилась, понимая, что она унесет рукописи в могилу в прямом, а не переносном смысле, бабушка была способна не на такие жертвы, сканировала тайком, благо, она ничего не понимала в компе, и вернула шедевры в тайник.

На трех дисках, спрятанных в разные места, хранились мои украденные сокровища. Надеюсь, не проклятые, как сокровища нибелунгов, хотя если дед обнаружит их, сможет оценить, то проклянет, обе мы в том не сомневались, хотя не хотели даже призываться в этом под пытками. Такие откровения погубят деда, и они не смогут умереть в один день, а я стану виновницей нарушенной клятвы, можно не сомневаться, я была всегда и во всем виновата.

Вот и теперь, когда мы говорили о моему страстном желании выйти замуж, я была недостаточно убедительна в этой страсти. Бабушка вынесла свой приговор, дед, чтобы заглушить другое разочарование заговорил о своем:

- Она никогда не выйдет замуж по другой причине, потому что никто ее не будет любить так безумно, как ее отец, которого воспитала, кстати, ты, я же в это время творчеством занимался, культуру обогащал своими шедеврами.

Если вы думаете, что произнося эти фразы, дед шутил, то ошибаетесь, он говорил совершенно серьезно, он свято в это верил.

Мне хотелось заступиться за бабушку, сказать о том, что папа – это лучшее, хотя не единственное ее творение, настал мой черед пнуть немного деда, но так ведь недолго было выдать и ее тайну. Потому я медлила, а дед между тем несея дальше в своем стремлении спасти и окультурить мир и выдать меня замуж - это задача минимум на этот год.

- Есть у меня один парень, хороший парень, писатель, правда, так себе, до меня ему далеко (дед не шутил, он в это верил), но тебе сойдет. При одном условии, если ты никогда не скажешь ему, что хоть один стишок и рассказик настрочила, бери пример со своей бабушки, она сразу забросила эти глупости и стала мне служить верой и правдой. Потому всю жизнь пробыла замужем и гордится этим. А я ей роман посвятил и не один.

Я молчала, перебирая в уме трех возможных кандидатов в мужья, рядом с которыми и мой дед может оказаться Пушкиным по меньшей мере.

- Обещай мне, поклянись, что никогда не проговоришься о том, что марала бумагу своей бредовой бабской писаниной.

Я не боялась писателя-тирана (а именно таким он у нас и был), но клятвами разбрасываться не собиралась.

Бабушка тяжело вздохнула:

- Ты не только сына моего испортила, еще из внучки сотворила черт знает что, так в девках, в старых девках и останется.

Чтобы остановить это красноречие пришлось пролепетать, что никогда мой любимый и единственный муж не узнает, что я пыталась что-то сочинять, этим будет заниматься только он единственный, а я ему верно и преданно служить.

Кажется, дед не очень поверил, он вообще был недоверчивым, и себе самому верил не всегда, а непутевой внучке и подавно.

№№№№№№№№№№

Знакомство состоялось ровно в полдень. Напрасно я говорила любимому дедушке, что это не время для такого важного дела, что славяне в это время прятались от Полудницы, и только потом выходили на работу, чтобы не сгореть от жуткого зноя.

- Не забивай мне голову такой чепухой, образованная девица не может погрязнуть в язычестве, совсем рехнулась, мне стыдно за тебя, да мои студенты больше знают, чем ты и лучше соображают, внучка уродилась, чертова, мракобеска, жаль, что я не выбил из тебя эту дурь, все твой отец, помереть был готов, а тебя защитить, и что вышло... Пусть полюбуется с того света, слабак чертов.

Я сразу поняла, почему и душа и все творения дедовы были опубликованы, хотя заранее прокляты и убиты – только такие и требовались издателям, а может он кого с пистолетом в руках заставил публиковать, кто его знает, тиран он и есть тиран. Впрочем, говорить мы ему о том не собирались. Достояние республики надо беречь, чем мы всю жизнь и занимались.

С Мишелем мы познакомились в полдень, он был, как мне и нравилось, светловолос и голубоглаз, дедушке в рот заглядывал и слушал, конспектировал каждое его слово. Настоящий Левий Матвей...

- Зови меня Мишелем, - потребовал этот потомок викингов, который храбростью не отличался, но у него была масса других талантов, которые наверняка помогут ему выбиться в люди, стать таким же успешным и уважаемым писателем, как мой дед.

Он мечтал стать таким же великим писателем, как мой дед. Только мечты эти были бредом, потому что Мишель даже так писать не умел. О чем ему пришлось сказать накануне свадьбы.

Говорила я в надежде на то, что он сбежит, только никогда не знаешь, как слово наше отзовется.

- Но ты ведь поможешь мне, - произнес он, - ведь ты же, как все так хочешь выйти замуж. И твоя мечта сбудется, если ты поможешь мне.

Я не стала убеждать его насколько хочу выйти замуж, особенно за такого гения, как он, и стать его музой, и писать за него романы, а ведь была уверена, что в «Милом друге» все придумано от начала до конца. Но героя хотя бы любили те дамы, которые делали его знаменитым, мне не досталось и такого счастья- слепой и безрассудной любви.

- Я дала бабушке страшную клятву, что никогда ни строчки не напишу, а буду праздною бездельницей, - решила я запугать своего будущего любимого мужа.- А в нашей семье никто не нарушал клятв.

- А мы ему ничего не скажем, - зачем ему знать все наши семейные тайны.

Сколько же лжи должно появиться в нашей дружной творческой семье, и все только для того, чтобы удачно выйти замуж за нового гения, повторить судьбу бабушки.

Но глядя в голубые глаза Мишеля, помня про угрозу остаться в старых девках, я решила, что из худшего выбираю лучшее, и это и есть замужество. Как же я тогда заблуждалась, идиотка.

Вот уж точно, мне придется получить медаль за мужество. Хотя я знала, как бабушка умеет хранить тайны, но даже ей не сказала, какого рода Музой нетрадиционной ориентации мне придется стать.

Зачем ей это было знать, ведь если узнает дед о том, что я вероломно нарушила тайну, то он просто приберет меня.

№№№№№№№№№№

На свадьбе, шумной и помпезной, тосты поднимали за Музу писателя века – именно так именовали Мишеля его собратья по перу. Конечно, издевались, в этом я уже не сомневалась.

Бедный век, если у него писатели такого уровня, впрочем, об этом я ничего сказать не могла и не хотела... Нам надо было еще работать долго и упорно, чтобы заработать себе на хлеб с маслом, да и слава в нашем семейном хозяйстве не помешает.

- Ты будешь собирать материал, писать начну я сам, - твердил Мишель. Он знал, что так я не смогу примазаться и считаться соавтором, а вдруг захочу потом когда-нибудь заявить о себе. Бездарный писатель оказался

хорошо юридически подкованным... Я сделал вид, что ничего в том не понимаю.

В те дни я убедилась в том, что секс его совсем не интересует, наверное, сгорел в пылу творчества, или может быть с женщинами он мне не собирался изменять, не знаю. Да признаться, меня это не сильно волновало, ведь все творчество было на моих плечах, как и язвительные замечание, и желание смешать с грязью соавтора, тут уж не до эротики...

Больнее всего было смотреть на то, как более-менее приличный текст мой гений коверкает, чтобы сделать своим, и превращает его в настоящее г...

- Ты стала писать все хуже и хуже, - говорила мне единственная подруга, знавшая, что я нарушила клятву, данную любимому деду, но и под пытками в том бы не признаваясь, потому что она знала, что дед прибьет сначала черного вестника, а потом за меня возьмется.

Нет, на Ольгу вполне можно было рассчитывать. Она умеет хранить тайны, хотя бы в целях собственной безопасности, да и мстительностью не отличалась.. Она даже моего мужа у меня отбить не хотела...Наверное, знала, что я не была бы против, так зачем в таком случае отбивать, и что с ним потом делать?

Первый роман готов был через полтора года, за такой срок сама бы я уже парочку настрочила, но рядом с таким соавтором работа двигалась так медленно, что можно было свихнуться от скуки, занудства и пустоты. Никогда не думала, что литературное творчество может повернуться ко мне задом, а к лесу передом.

Дед работой остался доволен

- Смотри, он делает успехи рядом с тобой, я уж готов был на Мишеля махнуть рукой, а ведь прорвало, вполне даже ничего.

Мой гений краснел и твердил, что дальше будет только лучше.

- А внучат между делом не успели сообразить? – очень тактично поинтересовался дед.

- Да как-то пока не очень получается, - пробурчал он, по-моему даже не подозревая о том, как они соображаются.

Я хотела ему подсказать, что они в общем-то не могут получиться, если люди спят в разных спальнях и даже не целуются (в детстве я верила в то, что когда люди поцелуются, то аисты видят это и тут же тащат им детей). А потому, что у дедушки был только один сын, я была уверена, что он не любил целоваться.

Но я промолчала, даже не намекнула деду на то, что вероятно, с женщинами мой муж и не будет мне изменять.

Нет, дедушка не понял бы этого намека, он вообще считал, что все мужики живут с женщинами, а по-другому и не бывает, да и быть не может. В этом смысле СМИ и любимые передачи наших бабушек не смогли просветить деда, он их игнорировал так же, как и наши судьбы.

Я промолчала, это потом бабушка спросила:

- Дед все о внуках талдычит, а это вообще реально? Что –то мне кажется, что тебе голубец достался.

Я была поражена наблюдательностью и просвещенностью моей бабушки, только посмела упрекнуть ее:

- А раньше ты этого разглядеть не могла никак, только теперь заметила?

Так я все-таки выдала еще одну семейную тайну, на что бабушка резонно заметила:

- А что бы это могло изменить? Твоего деда, как самолет на взлете, остановить голыми руками невозможно...

- Золотые слова, потому буду утешаться тем, что не старая дева, и что с женщинами он мне не будет изменять, сколько радостей сразу свалилось, ничего проживем долго и счастливо и умрем в один день, - передразнила я бабульку.

Роман, несмотря на то, что изуродован он был страшно, был издан довольно приличным тиражом. Значит, мне еще придется на него натолкнуться и вспомнить о том, что мы творили, как мы измывались в счастливой семейной жизни над литературным творчеством?

Простит ли нас Велес – покровитель художников и поэтов, сможет ли понять, ведь он сам страдал от такого же тирана Перуна. И его судьбу так же исковеркали, изуродовали, а потом швырнули с небес на землю.

Но то, что нас не убивает, то делает сильнее, я просила пощады у Велеса, ведь он, изгнанный тираном - Громовержцем с небес, мог меня понять, только он один... Он даст мне еще один шанс показать свое настоящее лицо, избавит от тирании и клятвы оставаться Музой гения.

А мой гениальный Мишель давал интервью и гордо называл себя писателем.

Он то ласково, то яростно требовал, чтобы мы занялись новой книгой.

Мне ничего не могло прийти на ум, но от этого напора не отстраниться, приходилось о чем-то думать, что-то делать...Отдавать ему что-то свое - выстраданное, да ни за что на свете. А придумать что-то достойное, и знать, как оно будет изуродовано, я тоже не могла. Муж-гений начинал злиться:

- Я обещал деду показать черновики.

- А я решила признаться, - остудила я его пыл, - что не совсем музой осталась, что меня лишили невинности, и просто насилуют...

Тут я поняла, что мой муж может и придушить, такая ярость была в глубине его голубых глаз. Литературный маньяк, не больше, не меньше. Я честно, не знаю, чем бы это закончилось. Но в одно прекрасное, осеннее утро мы с бабушкой осиротели.

Машина, в которой дед и Мишель спешили на какое-то совещание в редакцию (у них там были какие-то неприятности, что помня о крутом нраве моего деда никого не удивило), так вот машина врезалась в огромный самосвал, водитель которого был мертвецки пьян, что сегодня не редкость, и оба они погибли на месте, мгновенно, как говорили очевидцы.

В это нереально было поверить. Бабушка не проронила ни слезинки, что несколько удивило старых знакомых, они не сомневались в том, что это была самая счастливая в мире пара...

На мой счет родные и знакомые такого сказать не могли, им мой брак казался подозрительным:

- Надо же было за кого-то выйти замуж, а этот еще и писатель, - шептались за моей спиной, - да и каждого ли принял бы Старик, бедняжка, выбор ее был не велик.

Бабушка попросила:

- Я знаю, что у тебя есть копии моих романов, но не печатай их, вдруг они окажутся лучше, чем у него?

- Сначала я напечатаю свои, - они лучше, чем у него, потому что хуже уже некуда (я говорила о покойном муже, конечно). А на внуках природа отдыхает, - переврала я знаменитое утверждение.

- И все-таки пообещай.

Я промолчала. Клятвы, которые даешь, надо исполнять.

Прямо на кладбище, ко мне подошел наш общий знакомый Алекс и и игриво- нежно склонился к моему уху:

- Как и всякая настоящая женщина, ты же очень хочешь замуж, не сегодня, конечно, дорогая, пусть пройдет немного времени неделя, месяц, я подожду, я умею ждать...

Мне хотелось громко и яростно послать его подальше, но за спиной оставался мой дедушка и мой покойный муж, не хотелось тревожить их покой, мы же на кладбище все-таки, здесь нельзя шуметь. Они не заслужили счастья, но пусть покоятся с миром.

Не знаю, может быть, все женщины хотят замуж, может быть я не настоящая женщина, но я хочу жить, любить, писать романы, а не творить

тиранов, а потом служить им верой и правдой. Я никогда не повторю судьбу моей бабушки, это я пообещала ей прямо на кладбище, пусть слышат и живые и мертвые.

Прости меня, Алекс, ждать тебе придется долго, может быть не одну жизнь, но если все остальные женщины хотят замуж, может тебе в другом месте поискать желающих? На мне же не сошелся клином свет, да ты меня и не любишь даже...

Свободы никогда не бывает много, как же вольно дышится, как весело становится за оградой кладбища.

Прости меня, бабушка, жаль, что я разочаровала тебя, мне правда очень жаль.

ГЛАВА 43 МЕСТЬ АНГЕЛА ЭГОИСТА УПЫРИ ЗА

РУЛЕМ.

Сегодня ночью на Красном Пути пьяный водитель иномарки сбил двух пешеходов на тротуаре. Девушка скончалась на месте, мужчина в больнице.

За рулем автомобиля Renault Megane, который сбил двух пешеходов у крыльца ночного клуба, находился 29-летний Алексей Никитин, сообщают «Коммерческие вести». О молодом человеке известно, что он работает в одной из нефтяных компаний и живет в элитном доме на улице Волочаевская.

Своей вины в совершении ДТП Никитин не признает. В отделении полиции он заявил, что не знает, как его автомобиль оказался на месте аварии. Никитин утверждает, будто бы он добирался домой на такси.

.Светлая память парню и девушке, погибшим сегодня ночью на Красном Пути из-за пьяного ублюдка...

Среди ангелов есть создания, которым страшно не везет.

Думаете так просто хранить какого-нибудь пьяницу или садиста? А хранить – то все равно надо. Ангелы исполняют свой тяжелый долг, не потому ли те так часто остаются живы и невредимы даже в страшных авариях?

Исключительно такие упыри и доставались нашему старому знакомому, которого звали в ангельской среде Эгоист.

Могут ли быть хранители эгоистами?

Наверное, нет, но этот все-таки был, и своих хранимых он никогда не жаловал. Если суд не мог наказать насильника или убийцу, которого он хранил, за дело брался ангел.

И хотя более осторожные друзья намекали ему на то, что так не годится, не положено по должности, так и крыльев, и работы можно быстро лишиться, но у Эгоиста в одно ухо влетало, а из другого вылетало все, что он слышал от своих более удачливых товарищей. И продолжал заниматься своим делом, то хранением, то наказанием тех, кого отмазывали адвокаты и щадили наши безжалостные судьи.

А что еще делать, если прокурор и судья оказались бессильны? Тут за дело должен приниматься Ангел, больше некому. Один ангел в поле не воин, скажете вы.

- Воин, если он Эгоист.

Еще одна особенность была у странного ангела, он дружил с забавным бесом Тарасом, который часто помогал ему совершать возмездие, и при этом отличался невероятной изобретательностью.

Эгоист любил одно чудное место на Красном пути (так называлась улица в граде, где проживал его последний подопечный – 29 летний клерк «Лукойла», получавший зарплату больше, чем любой министр, а потому совершенно отбившийся от рук).

Но ангелу все равно приходилось его хранить до поры до времени.

Так вот на той самой улице Красный путь был ночной клуб, в котором любил бывать Андрейка, - так звал Эгоист своего непутевого клерка, и название у того клуба было не поверите - «Эгоист».

Место знаковое, ангелу даже казалось, что он сам его привел в клуб его же имени (назвали так заведение значительно позднее), но наш герой и ангел там часто бывали.

№№№№№№

Лексус летел по Красному пути так, словно Андрэ собирался взлететь прямо на небеса, если бы ангел не сомневался в том, что его туда и близко примут, то точно бы отправил, так ему надоел этот безбашенный мажор.

Но Эгоист был уверен, что и в ад его не возьмут, если о том сильно и долго не просить, и если бес Тарас не поможет пристроить по благу. А потому при каждом таком полете по Красному пути приходилось

останавливать эту прыть Андрея, который чувствовал себя князем, и шел прямым путем из грязи в князи.

И может быть дошел бы, если бы вечером в пятницу не понесся к ночному клубу, уйдя от всех гаишников, впрочем, не сильно они за ним и гнались, халтурщики.

От гаишников курьер Лукойла ушел, а вот парень и девушка стоявшие около того самого клуба, оказались в один миг у него под колесами.

Ангел не успел даже глазом моргнуть, зная своего курьера лучше, чем все остальные, и он никак не мог подумать, что тот будет таранить их родной клуб, чтобы затормозить..

Все оборвалось в один миг, современным Паоло и Франческе, Тристану и Изольде, которых не коснулась вражда родов или какая другая беда, проще всего оказаться под колесами какого-нибудь психопата, любящего скорость и алкоголь с наркотой так сильной, что он никак не может разделить одного от другого. А когда хочет попасть в свой любимый клуб, то тормозит, врезаясь в него. А чего не врезаться, если завтра заплатит за все, когда протрезвеет, или новый клуб построит, ему это раз плюнуть.

А если при этом проехался по какой-то парочке, то земля им пухом, не будут у него на дороге стоять, узнают, кто в городе хозяин.

Но не знал наш курьер, что никакой адвокат ему не поможет, если он привел в бешенство своего ангела - хранителя.

А Эгоист на этот раз и на самом деле взбесился не на шутку, как только услышал от врачей, что девушка уже мертва, да и парень больше не жилец на этом свете, вот и нахранил, называется.

Курьер заскочил в свой «лексус», и на той же скорости бросился по Красному пути дальше. Он убегал от полицейских, которые еще и не бросились в погоню, от всех остальных, а прежде всего от самого себя и от своего ангела, почуяв, что тот так его начал хранить, что никаких бесов не надо... Спасаться надо, а жить очень хотелось, больше, чем всегда.

Летел он стремительно, но недолго, на него по встрече летел красный кадиллак, и не было никакого сомнения в том, что они столкнутся в определенной точке, хотя могли бы и уйти от столкновения. Могли бы, если бы грозный Эгоист не следовал за ними и не направил обе машины туда, куда надо.

Они переворачивались со страшным грохотом уже на пустой дороге, когда бес Тарас, наконец, догнал Ангела, он сразу почувствовал неладное, но все-таки не успел.

Да и когда это бес мог угнаться за ангелом, если тот был в ярости.

Машины валялись вверх колесами.

Бес и ангел переглянулись.

- Думаешь, они того?

- Не сомневаюсь, и так будет со всеми, я объявляю им войну.

- Может не надо?

- Надо, бес, надо. Больше все равно некому. Уроды, садящиеся за руль в опьянении, а также уроды, гонящие по улицам города с недозволенной скоростью - врезаются друг в друга (вы этого "достойны"). Омерзительные твари.

Тарас отошел от Эгоиста, ему стало немного страшно, разве мог ангел говорить такое, если у него язык не поворачивался сказать подобное. Ведь оба они знали, что желание Эгоиста сбудется, потому что небесам все равно, какое наше желание исполнять.

- Может не надо всех, сразу? – пытался заступиться за все пьяных курьеров-мажоров бес Тарас.

Но Ангел так на него взглянул, что тот невольно отстранился и решил, что с этим бешеным Эгоистом не стоит связываться.

А потом в разных местах страны стали происходить странные события: летевшие на скорости 150 машины непременно сталкивались друг с другом, и можно было без анализов предсказать полицейским (они стали считать себя ясновидящими), что в крови у каждого из столкнувшихся водил был либо алкоголь либо наркота, а если не было ни и того ни другого, то вместо прав обнаруживалась справка их дурдома.

- Остановись, - просил ангела Эгоиста бес Тарас, - сколько мы их погробили уже, может, хватит?

- Я привык дело доводить до конца, - отвечал тот.

То ли бес рассказал всем мажорам, что судьба их решена, то ли протрезвев, они это сами поняли, но теперь уже встречаются все реже и реже, и никто из них не пытается даже повернуть на улицу Красный путь, такое вот табу у них появилось...

Эгоисту никого больше не доверяют хранить. Но он не обижается, у него и без того дел немало. Своих подопечных, которых поубавилось значительно, он называет теперь упырями.

А что, хорошее русское слово, и очень точное, и где-то в небесах над улицей Красный путь часто звучит:

- Упыри, садящиеся за руль в опьянении, а также упыри, гонящие по улицам города с недозволенной скоростью - врезаются друг в друга, вы этого "достойны", ни дна вам и не покрывки...

И все сбывается, небесам все равно, какое желание исполнять.

Глава 44 Никогда не разговаривайте со злыднями

ЖИТЕЙСКИЕ РАЗМЫШЛИЗМЫ КОТА БЕГЕМОТА

Ох и трудные времена у нас тут, други мои недруги, начинаются или не кончаются, этого не разобрать, без бутылки армянского коньяка, да и с коньяком тоже не разобрать, как мне кажется.

Креститься не стану, не ждите, и вам не советую, толку от этого никакого, потому как злыдням это, как зайцу стоп сигнал. А о чем это я?

Так вот о том именно, что злыдней столько расплодилось, что яблоку некуда упасть, куда бы оно не падало, а все в злыдня попадает неизменно. А среди так называемых авторов еще больше.

И кто же от того страдает? Само собой – хорошие люди, кому же страдать приходится.

А еще доказывают мне тут, что все люди добрые, что злых людей не бывает, даже Марк Крысобой тоже добрый был, царство ему небесное, потому что сейчас, глядя на современных злыдней, убедился в том, что Марк тот, который Крысобой, и впрямь по сравнению с этими добрым покажется. А все познается в сравнении.

Никогда бы не поверил, что такое ляпну, а ляпнул ведь и даже отпираться не собираюсь.

И пока я наблюдал за страницей моей Любашки-милашки-промокашки. Не смей попрекать за слабую рифму, вам же хуже будет, госпожа библиотекарь, я вам не ваш друг Орлов, заступаться не стану, а если его на меня натравите, то тогда и посмотрим, кто кого.

Так, вот, пока меня еще на дуэль этот самый Робин Гуд не вызвал, скажу сразу, что современных злыдней, среди наших авторов любимых, которых, как мухоморов после дождя, несколько видов развелось. И первые из них – те самые мухоморы, - вроде с виду красный-распрекрасный, красавец такой, в

малых дозах из него даже лекарство можно делать, но это только кажется. А как только добычу свою мухомор тот увидел, заморит рассуждениями как он умен, прекрасен, образован, даже мудр, князя Ярослава так братец обозвал когда-то, а этот сам себя величает, мудрец самоварный.

Ну и понятное дело, что все, к кому он обращается – это кухарки и уборщицы, до которых он снизошел, чтобы яду своего побольше излить, убить не убить, но отравить серьезно. А главное своей красной шапкой засветиться, злыдень мухомор уверен, что трава других, он сам сильнее и авторитетнее становится. Но даже имени человеческого не называет, черт знает что придумывает, и уверен, что он от Бегемота скрылся – размышлялся, из-под земли достану и в Пекло запихаю снова.

А что сказать Любашке – милашке, и всем дамам, к которым те мухоморы пристают снова и снова, - Никогда не разговаривайте с мухоморами, хотя раз кота Бегемота послушайте, он вас никогда дурному не научит, потому как очень любит панночек, приятных во всех отношениях.

Но развеялся у нас и другой сорт злыдней, такой обабок ложный, почему обабок? Да потому что без бабок, так он женщин именует, жить не может, а с ними ему еще хуже, чем без них, ну проблемы всякие возникают, разные, и не только творческие.

Побывал он уже у одной из них и с ее собакой встретился, близко познакомился, пасть прутом разжимали трое полицейских. С тех пор ни писать, ни плясать не может, но за все свои беды творческие и житейские мстит всем остальным, и в первую очередь тем, которые ни сном, ни духом не ведают, в чем они перед ним виноваты. К обидчице-то во второй раз сунуться боится, вдруг полицейские вовремя не появятся, не спасут?

Так вот, мой вам совет:

- Не надо у этого обабка спрашивать, чем вы его обидели, да уже тем, что на свет родились прекрасной, и для него практически недоступной богиней, вот за это и мстить будет, пока черви его не сожрут без остатка. И еще раз повторю, никогда не разговаривайте с этими злыднями - обабками.

Есть еще у нас с вами злыдни - поганки, это те, кому просто поругаться хочется, а не с кем, а тут как раз такое раздолье. Вот и начинается все с самого утра. Даже если такой поганец вас с Днем рождения поздравлять начнет, то все равно напомнит о том, что вы на год ближе к смерти оказались, вот и все поздравление. Пока рот открыл, чтобы что-то ответить, он уже на другой странице паркуется, и потирает свои потные ладошки, раздумывая, что бы еще такое настрочить, чем отравить новую жертву.

Есть еще злыдни – ложные опята- это просто обычные завистники, это, конечно болезнь, ничего они с собой поделывать не могут, их только цифры и конкурсы интересуют.

А так как у кого-то все равно больше окажется, и в конкурсе победит чаще всего не он сам, а кто-то другой, то эти опята будут собирать группу поддержки и бороться за правое дело со всем миром, пока какой-нибудь зверь их не растопчет, и правильно сделает.

А то вдруг кто-нибудь наивный грибник за настоящие опята примет, домой унесет, суп сварит, и потравит все свое семейство. Они только этого и ждут, но мы - то с вами такого безобразия не допустим, потому не то, что разговаривать, но и смотреть в их сторону не надо, это вам всем кот Бегемот уже в сто пятый раз повторяет, если бы послушались его, то целее бы оказались.

И наконец, самая страшная порода злыдней – бледных поганок, я их для себя правдорубами назвал.

Все вы знаете, как наказал Велес Илюшу нашего Муромца, когда он с сыночком Бога ветров Стрибога Соловьем Разбойником расправился, убивать не стал, а просто наградил его даром всегда и везде говорить правду такую, какой он ее видит и понимает.

Вот и оказался наш Илюшенка в аду, который страшнее смерти любой станет, только в темнице и мог он покой обрести, а остальные вместе с князем от него отдохнуть на какой-то срок. Потому что от его правды всем тошно становилось, а уж ему самому еще тошнее, кто не верит, попробуйте сами, если живы останетесь, нам о том расскажете. Могу одно сказать, когда Велес хочет наказать человека, он его убивает, а когда он еще больше наказать хочет, заставляет всем правду говорить с утра до вечера.

Но эти вот бледные поганки-злыдни и тут со своей правдой носятся, никому продохнуть не дают. Хорошие люди сами болеть начинают, плохие их изуродуют, толку никакого – бед воз и маленькая тележка. Но не надейтесь, что они изменятся, как сказал мой друг Кастанеда: человек никогда не меняется, и Мессир мой это не раз повторял, так что я запомнил раз и навсегда...

Вот так и получается, что многие из нас любят грибы собирать – творчеством заниматься, но когда вы в лес идете с лукошком, вы ведь не собираете эти все грибы и домой не несете, а почему тут решили по-другому действовать, чем этот лес отличается от того? Или отравиться хотите и героической смертью помереть?

Да и не надо на вкус гриб пробовать, чтобы понять, что он ядовитый, если очень хочется, зовите Бегемота, сам попробую, мне - то эти злыдни совсем не опасны, со мной ничего не сделается, сто раз проверял.

И вообще, зовите, если совсем они вас до белого каления довели.

Что я стану делать?

Песенку спою, колыбельную для них, я тут у кота Баюна один свиток стащил, выучил, теперь петь буду, чтобы они заснули, как король Артур, да и видели сны разноцветные. Буду петь до посинения, зря что ли воровал и учил колыбельную. А вы в то время делом займетесь – творчеством. Каждый своим делом должен заниматься, тем, что он лучше умеет делать.

Да, вот она песенка моя для злыдней всех страстей и мастей, послушайте, только не засыпайте, а то, кто же творить будет, новые песни и романы писать?

Колыбельная февральской метели

Колыбельная песня усталой печали
Снова снежного тигра улыбкой встречает,
И баюкает, и в суете снегопада
Я тянусь в эту вечность, и знаю мне надо

Уходить от вражды и войны и потери,
Только нас убаюкают снова метели.
Тигры спят, засыпают усталые мишки,
Спит лисичка, и волк и веселые мышки,

Только люди ругаться, хамить не устали.
Оттого и метель нынче снова в печали.
Пусть пурга победит, увлечет, одурманит,
И останутся злыдни в узорах тумана.

Вижу капельки слез на щеке розовой-
Это ангел рыдает о нас, виноватых
И страдающих снова, а как вы хотели,
Засыпает мой тигр, растворяясь в метели.

Колыбельная песня усталой печали,
Берегини нас снова с улыбкой встречали.
И с собою туда, в небеса уводили,
Чтобы были спокойны и счастливы были...

Мрак баюкает, и в суете снегопада
Я тянусь в эту вечность, и знаю не надо

Отвечать этим злыдням, но я отвечаю,
И кружусь, и в метели немой засыпаю...

А на последок я в сто пятый раз прошу свою Любашку, Маришку и всех- всех остальных милых моих панночек - русалочек - Никогда не разговаривайте со злыднями, и будет у вас счастье и любовь, а главное ВДОХНОВЕНИЕ

Глава 45 Не ради званий и наград? Народный или настоящий?

Непутевые заметки

Сколько споров в последнее время ведется вокруг званий и наград, которыми награждают поэтов наши руководящие органы тружеников пера, ну или клавиатуры.

Кто-то заикнулся, что он на кнопках стихи пишет. Судя по качеству именно так и происходит.

Но я перефразировала детский стишок о том, что поэты разные нужны, поэты всякие важны. А если это так, то надо находить лучших и награждать....

Но мы все спорим, даже ругаемся порой. И ничего удивительного, ведь поэтов и авторов много, а звание одно «Поэт года», не маловато ли для такого количества пишущих и строчащих свои шедевры авторов?

Недовольными остается добрая половина тех, кто следит за этими игрищами, и что тут поделывать?

Ну да, появился еще «Народный поэт», что стало еще более сомнительным званием, если вспомнить как далеки мы все от народа, да и народ от нас. Конечно, теща, любовница, жена - тоже народ, но ведь далеко не весь?

Тут можно сказать о том, что все мы тоже народ, но тогда уж надо и оговориться о том, что в рамках народа сайта он конечно, народный...

И все три автора получивших это звание в прошлом году, очень даже достойны в этих рамках, а вот если выйти в народ...

Но лучше пока не выходить, а для начала надо что-то совершенствовать пока внутри нашей избы, пусть и большой, но все-таки избышки или замка, если хотите, а потом уже сор из нее выносить – я обо всей скандалах, спорах и критических замечаниях. А то ведь народ нас совсем не поймет...

Так что же не так в нашем королевстве? О чем шумят и спорят наши товарищи, вместо того, чтобы творить или хотя бы работать над сотворенным?

Да о том, что одним по мифическому благу все, а другим ничего. Но реально ли вообще всех сразу наградить, и из всех авторов выбрать одного?

А не вспомнить ли нам про Конкурсы красоты, где все идет примерно по такому сценарию. Но кроме 1, 2, 3 места сколько там дополнительных номинаций, а нам сам Велес велел.

Ну как можно сравнивать Поэта с автором песен к примеру, с сочинителем басен или частушек.

Они не лучше и не хуже, они просто другие, а потому и несравнимы.

Так вот, ради справедливости, обязательно надо одних отделить от других. Тогда получатся примерно такие номинации:

1 Поэт настоящий. (Без комментариев, это Племянник монаха лучше всех знает, какой он настоящий, и многие догадываются)

2. Поэт популярный,(может и не настоящий, но должен получить приз читательских симпатий, по большинству голосов + теща(свекровь) и любовница - эти никогда не солгут, особенно первая, вторые могут корысти ради...

3. Поэт самодеятельный. Вместо пошлого граммофон, которое ничего не значит, это определение мне нравится больше. У нас и театры есть самодеятельные, а одному Омскому потом академическое звание присвоили, так вполне и с поэтами может быть, почему нет. Но Племянника Монаха сюда не подпускать, он ничего в этом не понимает, и все испортит.

4. Песнярь, тот кого поют, кто пишет песни и очень этим гордится, но не может он с поэтами соревноваться, по многим причинам, которые Вам известные не хуже моего. (Сюда всех поэтов не подпускать, только тех, кто поет песни и слушает их внимательно, остальные необъективны, увы).

5 Детский поэт (особое звание и должность, далеко не каждый может написать для детей, но так же они у нас выпадают из общего хора)- Отправить в детские садики и школы - своих детей и внуков не допускать к голосованию...

6. Баснописец – их оказывается немало на сайте, и им не так просто конкурировать с поэтами. Только отдельно от всех, чтобы не пострадали от поэтов и критиков.

7 Пародисты – а куда без них деваться, стараются, напрягаются, и хорошо бы, чтобы их избирали поэты, на которых они пародии пишут, люди заинтересованные и предвзятые, другим это просто не так интересно, они и оценить не могут.

8 Критики – вот обходить стороной этих ребят совсем не стоит, потому что они- то как раз может самые важные деятели, награждать и знать их в лицо мы должны обязательно... Тяжек и неблагодарен их труд, но хватит ругать, пора и награждать.

Вот если бы мы называли таких деятелей с одной стороны, и с другой стороны, должна быть своя Развесистая малина, которую может быть и получать не пойдут, но она должна быть все равно...

Там тоже несколько номинаций надо предусмотреть:

1 Поэт плодовитый – стихоплет – тут все исключительно по количеству стихов обратно пропорциональных качеству – арифметика простая.. Сюда можно смело Племянника монаха ставить, он их всех давно поименно знает, яростно борется, не подведет.

2. Поэт не популярный и нелюбимый – думаю, кандидатур будет море, но выбрать надо самого-самого всесайтовским голосованием, можно и несколько, если определиться не смогут.

3 Поэт самостоятельный, который лучше бы не писал, больше пользы было, но не задвинуть, можно и не стараться.

4 Песняр, от шлягеров которого тошно.

5. Детский поэт, которого к детям нельзя на пушечный выстрел подпускать

6 Баснописец, за которого дедушке Крылову стыдно, нашел бы - убил.

7. Пародист, который жив только по воле случая, но уже нападали поэты и не раз и не два, спасся, но продолжает свой труд.

8. Критикан, которого придушить мало...

Думаю, если у нас будет уже 16 таких награжденных, признанных – то жить будет веселее, интереснее и разнообразнее. И народ пишущий активные к тем премиям потянется...Или наоборот делом займется, серьезнее к текстам будет относиться.

Для этого не мешало бы вспомнить о великой сказочнице Шехерезаде, которая каждую ночь головой (в прямом смысле) за новую сказку отвечала, если бы она была не столь хороша и увлекательна, ее бы просто казнили.

Вот в таких условиях многие бы из нас согласились работать? А девушка выжила, между прочим, а нам слабо вот так писать.

Глава 46 Не кормите троллей, господа поэты. Будни чата

Запомни, человек никогда не меняется.

Дон Хуан

(Карлос Кастанеда)

– Можно сказать, что на матчах "питаешься" энергией зрителей?

– Когда ты выезжаешь на лед, и 7 500 зрителей тебе аплодируют, это не может оставить равнодушным. Когда зрители заводятся, они передают свой заряд хоккеистам, и в моем случае происходит то же самое. Это эквивалентно моей отдаче. Сколько энергии я им даю, столько они мне возвращают

(интервью с хоккеистами)

Обитателям стадионов, где никогда не было и не будет побед, одни только поражения. А если внезапно там и случится победа, то победители будут не обниматься и радоваться, а лупить друг друга с еще большей яростью, потому что человек никогда не меняется. У безымянных не появится имени, у безликих никогда не будет лица.

Мертвецы без имен и без лиц

Не оставят в покое живых,

Снова где-нибудь в чате сошлись

И в экстазе от шуток своих.

Мертвецам все подвластно пока,

Люди где-то пируют и спят,

Только снова стрекочет в руках

Черной клави провал, и ребят

Тормознет ли и совесть и честь?

Да оставьте надежды, Марина,

Мертвецы - им не пить и не есть
Ведь не надо, и брани лавина,

Словно черные птицы в ночи,
Не заметны и ржут неустанно,
Ангел мой, ты их просто прости,
Не от счастья такими вот стали...

Эта если беда за бедой,
Их капризные души мертвила,
Дом пустой, словно космос пустой,
Ничего им не близко не мило.

И уродов парад не унять,
Пусть себе маршируют устало,
Нам простить бы еще и понять,
Вот такая коварная слава,

Не уснуть в пустоте мертвецу,
Черный всадник к провалу несется,
Хам на хама набросится тут,
Хамом хам до рассвета упьется.

И в экстазе утихнут, ведь свет -
Это яд. Как рассвета боятся,
И среди смехотворных побед
Им опять пораженья приснятся.

Вот и будут бросаться на нас,
И рычать в своей сути звериной,
Но за все им мой Велес воздаст,
Пожалей их, мой ангел, Марина

По-моему, точнее о наших троллях не сказать, молодец Игорь
Борисович!

Но главное, это взгляд на некоторых особо одаренных со стороны

Режиссер30 ноября 22:37

Гость, Вы считаете Арутюнова графоманом? Оскорбили, обидели,
ПОЗОРИЩЕМ назвали... А дайте ка ссылочку на Вашу страничку... Давно не
встречался с Гениальными художниками, имеющими моральное право
давать рецензии остальным людишкам!! Обещаю лично Вами заняться дойти
до высших авторитетов, с Вашими произведениями и упасть на колени с
извинениями, если напрасно обидел!!! И дело не в Арутюнове. Его критика

сегодня, пока еще не эфирный формат. И даже дело не в его творчестве. Раздражает то, с какой легкостью вы обвиняете друг друга в отсутствие таланта, с какой злобой вы это делаете!!! А называется это ВАМПИРИЗМ - вот от куда многие из вас берут, так называемую "творческую" энергию!!

Осенних снов туманные причуды,
Осенних слов внезапная возня.
И лишь штрихи забытые повсюду,
Влекут в тот листопад надежд меня,
Остались только странные картины,
Художников, ушедших навсегда
И в вечных масках темные мужчины,
И в мороке надежды города.

А упыри и нервные вампиры,
Заполнили проспекты и дома,
И скор сплошной - печальные картины,
Пусть заморозит матушка-зима.
Как в янтаре застывшие фигуры,
Пугают нас ужасной наготой,
Осенних снов гнетущая натура,
Как упыри просились на постой,

От чаянья беды сжимались души,
От части счастья не было тепла,
Но мир иной безжалостно разруша,
Морена в листопаде все брела,
Морила и легко лишала света,
И мертвечина жизнь одолевала,
И вот когда узнали мы про это,
То кажется что нас уже не стало.

Но это безымянно и нелепо,
Смерть жизнь и свет пыталась уничтожить.
О матушка зима, по всем приметам,
Ты можешь заморозить их, ты можешь.
Пусть вечный лед оставит их в тумане,
Их ад немой лишает жизни нас,
Но никого их подлость не обманет,
Но каждому за злобу так воздаст,

И скрюченные, будут извиваться,
Визжать и плакать, но прощенья нет,
И некуда от упырей деваться,

И не коснется больше их рассвет,
В стране снегов без душ и без приюта,
Пусть мечутся в пустыне и скулят,
Ни дна и не покрывки, почему-то,
Не носит упырей уже земля...

НЕ КОРМИТЕ ТРОЛЛЕЙ... ОНИ ТОЛСТЕЮТ (ЧАТ «ВС»)

Дорогие взрослые, очень взрослые дяди и тети, которые осваивают интернет сегодня и сейчас, я Вас умоляю, вслед за Константином Уткиным, НЕ ВЕДИТЕСЬ, не кормите троллей, они из-за вас так растолстеют, что ни в какие двери не залезут никогда.

И самое главное, как странно, как глупо мы выглядим, беседуя с ними очень серьезно... Вчера просто не было времени - сборная наша со Шведами билась по-настоящему, да еще как, вот и не следила за очень содержательными разговорами

А наши юные создания, взрослые просто не могут такой ерундой заниматься, договаривались о том, кого они пойдут мочить на этот раз. Ничего удивительного, у нас не только дети так выражаются, если у вас не склероз, помните, с кого это началось..

Договорились, сначала жертвами оказались мы с Мариной Шапиро, один у другого спрашивает : - а чего это она не реагирует. Троллям уже грозило остаться голодными и злыми, но напрасно боялись, в их сети попалась вьюга наша пурга...

Самые большие глупости совершаются с серьезными лицами, это уже сколько нам мудрецы объясняли, да кто же их слушает?

Ребенок даже признался в самом главном, когда с режиссером говорил, и по-видимому Игорь Борисович у него вызывает уважение, потому он и признался: " почему? мне забавно например а она ведется как маленькая"

Вот и все объяснение этим крутым замечаниям и глубокомысленным выводам, и так будет до тех пор, пока вы будете вестись...

Ну для этого надо знать общую систему деятельности их в сети, хоккейные чаты, где они просто сидят и ждут пока появятся высказывания Гимаева, Кожевникова, Плющева, особо «любимых» журналистов, а потом до сотни реплик сразу, хотя там они такие смешные , точные, забавные бывают, что и со стула от смеха упасть можно, радуюсь тому, что все-таки с чувством юмора у многих все в порядке.

Здесь, в чате "Вечерних стихов" им особо не развернуться, зная о самолюбии поэтов, на что они бьют? На графоманство, грамотность, отсутствие ума, то на что вы сильнее всего реагируете...

Для сравнения, если бы Гимаев обижался на 100 высказываний сразу, его бы давно уже в больницу увезли, и каждый день по несколько раз возили, а он жив и здоров и улыбается... И даже гордится тем, что в народе так популярен, и правильно делает.

Вот пример того чата, летнего, когда Раймо Сумманен нас внезапно покинул, можете сами заценить, что там творится.

Константин Билан: «Некоторые сами звонят и предлагают свою кандидатуру на пост главного тренера «Авангарда»

<http://www.sports.ru/hockey/141906709.html?comments=1#comments>

8 июля 14:06

Дмитрий Фещенко

Страшно представить кто звонит:Крикунов, Постников, Михалев...

8 июля 14:15

SibiKibi

Во время ПО вел себя необычно...Зачем же вы с радостью контракт подписывали. А теперь человека во всех грехах обвинят и еще сумасшедшим объявят.

8 июля 14:34

бублук !

Ответ на комментарий пользователя Дмитрий Фещенко
причем крикунову пофиг на контракт с барысом

8 июля 14:50

SibiKibi

Я не знаю прокомментирует ли сам Раймо что-нибудь или молча уедет, как в прошлый раз. Очень хотелось бы услышать от него. Но уверена сейчас потихоньку начнут вылазить разные аналитики и поливать Сумманена грязью будут. А правды можно так и не узнать никогда.

8 июля 14:53

маэстрообразный

Я тоже звонил.

8 июля 15:02

Габорик

Плющев хоть не звонил?

8 июля 15:04

Dj FuG@S

Константин Билан: «Некоторые БОЛЕЛЬЩИКИ сами звонят и предлагают свою кандидатуру на пост главного тренера «Авангарда» =))))))

8 июля 15:57

Nick Nichols

Плющев звонит и разными голосами от имени других себя

8 июля 16:55

welzevol

Кто-нибудь отберите у Плюшева телефон.

8 июля 20:29

октябрь

Да, я звонил, признаюсь.

Условия мои были - не меньше миллиарда двести.

В ответ услышал: «Пошёл на...!»

Больше свою кандидатуру предлагать не буду

8 июля 20:49

Liwin69

Откровенно говоря, мы перестали понимать Вас, уважаемый Господин Белан и Ко

9 июля 10:02

Nick Nichols

Просьба постоянно публиковать имена звонящих)

9 июля 10:16

SibiKibi

Вон Плющев не звонил,но кандидатуру свою предлагает.

И чем же мы все сегодня занимаемся.

Ищем того несчастного тренера, который будет принесен в жертву к Новому году, кто бы он ни был, после Раймо у него нет и не может быть никаких шансов, как уже было с чудесным Ростиславом Чадой.

Русский ли он будет, чех, или финн, когда одного заменяют другим – в другой ситуации это возможно, но только не в нашей...

Или наши чиновники хотят, чтобы мы начали болеть за ту команду, которой будет руководить наш Раймо. Вообще трудно понять, чего они хотят и о чем думают.

Но как один из вариантов развития событий есть и такой (не мной первой озвученный).

Вот так примерно это со стороны выглядит. А если бы там оказался любой из нас на месте тренеров, губернатора, руководителей, сколько инфарктов бы уже с нами случилось? А в судах бы они сидели круглосуточно, если бы серьезно относились к этим юмористам.

Я и говорю, что поэты очень нежные создания, но хуже другое, особо активные борцы за справедливость провоцируют не только троллей, но и нормальных людей, и сами потом на нас еще и обижаются, жалуются.

Никогда не забуду, как милая девочка заявила:

-Вы убиваете моего папу.

Удивленно спросила, как я его убиваю.

- Если у меня будет не пятерка, а тройка, он этого не переживет.

Вот так, не больше и не меньше, и что прикажете делать, ставить пятерку?

Но это ребенок, может быть он еще чему-нибудь научится, но нам –то уже учиться надо по ходу действия, чтобы не было так мучительно больно и смешно одновременно...

Тут у нас в чате тоже порой весело и интересно, но не кормите троллей, они толстеют.

Мне это молодые люди, когда начинаю жаловаться, говорят с 2006 года, со времени, когда сеть стала почти родным домом... Вот только сейчас стало доходить, иначе всем нам будет хуже, потому что мы пытаемся в чужой монастырь со своим уставом, а потом еще ноем и жалуемся, когда нас обижают...

А уж упорствуем до предела. А как говорила моя любимая бабушка, в старости приходит не только мудрость, бывает и маразм заглядывает в гости...

Пусть лучше первое, а не второе, и всем не терять чувство юмора, запастись оптимизмом и радостью...

Потому что один Племянник Монаха тут половину взрослого населения в гроб сведет, если ему дать волю... Понимаю, что все мои вопли бесполезны, сколько раз объясняли про Мавроди и остальные пирамиды, как об стенку горохом, и сегодня деньги поволокут, скажите только куда, так и тут хоть говори, хоть не говори, пока до самих не дойдет - бесполезно. А может нам доставляет удовольствие попадать в дурацкое положение? Как еще все объяснить?

Мы вот с Племянником Монаха вчера за нашу Сборную болели и забыли о больших разногласиях, и даже наш литературный чат как оживился, когда он о голах строчил, словно бы свежий воздух там появился.

Но и на Племянника не ведитесь, на него в первую очередь, он уже на провокациях пуд соли съел, тут ему нет равных....Прости, племяш, ведь меня даже твоим родителем объявили, потому несу ответственность за все твои фокусы...

Не теряйте чувства юмора, а уж если над собой посмеяться - это высший пилотаж, но троллей все-таки не кормите. И будет жизнь хороша и жить хорошо. Не стоит оставаться слишком серьезными, вам же хуже будет.

**ТОМ
ШАРП**

Дальний Умысел

Глава 47 Кое-что о плагиате. Дальний умысел

Последние события на сайте Стихи ру заставили задумать о том, а что за зверь этот плагиат и с чем его едят

Как только я о том задумалась, так в руках и оказался удивительный роман самого яркого представителя черного юмора англичанина Т.Шарпа «Дальний умысел», где автор поясняет, почему так случается.

Все началось с того, что Фредерику Френсику, неудачливому литературному агенту и несостоявшемуся писателю, прислали почтовую бандероль с рукописью. Ни имени автора, ни обратного адреса на присланном сочинении не было. На титульном листе значилось: "ДЕВСТВА РАДИ ПОМЕДЛИТЕ О МУЖЧИНЫ. РОМАН".

Так начинается умопомрачительно смешная история о поисках неизвестного автора, история, в которой будут и ожившие трупы, и безумные сыщики, и много чего другого, столь же непредсказуемого и нелепого. Не будет в ней только скуки.

Роман "Дальний умысел" считается одной из вершин в творчестве Тома Шарпа, британского писателя-юмориста.

Но одна из главных тем этого романа - тема плагиата, присвоения чужого, ответ на вопрос: как чужое сделать своим.

Молодой человек мечтает стать писателем, но когда отклонен в очередной раз роман Пипера, он сначала решает вместе с агентом и издателем поставить свое имя на чужом романе, автор которого категорически отказывается себя назвать, а реклама громкая ему нужна обязательно, а потом ему удается заставить издателя издать отвергнутый роман. Но чтобы он оказался веселее, шустрый парень переписывает романы классиков, в частности Т.Манна, Ч.Диккенса, слегка меняя под себя, Пипер уверен, что никто кроме парочки литературоведов читать их не станет, а если и догадаются, то всегда можно выкрутиться, отбиться от палачей молодого гения.

И машина присвоения чужого заработала с невероятной мощью, а известный литературовед, которая и написала тот самый порно - роман, с которого все началось, вынуждена хвалить его детище, чтобы ее имя и репутация не пострадали из-за того, что она написала это творения. Она действует так, боясь разоблачения.

Но там сложная и запутанная сюжетная интрига, дающая зеленый свет многим нашим деятелям нашим Пиперам.

Но в реальности все значительно проще, когда человек хочет слыть писателем (особенно Поэтом), но прекрасно понимает, что до среднего уровня ему не дотянуть, то он начинает действовать. А ведь если нельзя, но очень хочется, то для шустрого и делового Пипера может стать и можно.

И когда начинаешь думать и анализировать, то интересные получаются обстоятельства для плагиата в реальности.

Есть, по крайней мере, три вида присвоения чужого и попытка сделать своим – первый вариант назовем грабежом среди бела дня.

Ситуация такая: встречает наш Пипер (условное имя плагиатора) спившегося, несчастного писателя и обнаруживает у него уникальную рукопись, а может и не одну, он может обнаружить и после смерти этого человека, случайно.

Рукопись стоящая, что делать – напечатать, конечно, лучше под своим именем, а не чужим, потому что так и тебе будет какое-то вознаграждение, а если мечтал о писательстве и славе - тем более.

Это самый безопасный способ стать автором, талантом, властителем дум, да кем хотите. Самый труднодоказуемый, кстати.

Одна только беда, такие вот подарки судьбы редко случаются, а мы еще и забываем высказывание А. Франса, который говорил, что бог исполняет наши желания, если хочет нас наказать.

Второй способ более простой и уже озвученный – переписать Т. Манна или Ч. Диккенса, лучше малоизвестные произведения, заготовив рукописный вариант, но меняя текст минимально, так, чтобы было и круто и в глаза не сильно бросалось.

Но это годится для романа и для усидчивого и настойчивого Пипера, уже приученного писать свои, но плохие романы.

А есть и третий, еще более простой способ, возможности сети безграничны. Найти там можно что угодно и за несколько дней сделаться знаменитым поэтом. Писателем вряд ли, не читают у нас те самые объемные романы, о которых говорили выше, они пылятся сегодня на книжных полках и в рукописях тоже, потому особого смысла воровать и нет вовсе.

А вот стихотворения – совсем другое дело.

И тут была бы совсем жизнь в шоколаде, если бы не появились программы антиплагиата, которые все – таки худо - бедно могут проверить оригинальность текста. И вдруг выбросить точно такой же, как этот, но уже опубликованный до вас, а ведь они есть не только у нашего Пипера, а пользуются ей все, кто угодно.

Тогда и встает дилемма о том, как воровать стихотворения - у одного или у нескольких авторов.

У нескольких вроде незаметнее и безопаснее, но не понимает наш Пипер, что любой мало-мальски обученный филолог, проведя лингвистический анализ текста скажет о том, один человек ли это писал или несколько, а уж если дело до серьезного разбирательства дойдет – тем паче. эксперты тоже будут серьезные, покажут и докажут.

Наглые, но не слишком продвинутые Пиперы не учитывают этого обстоятельства, как и того, что каким-то невероятным путем сам автор, а тем более группа обворованных авторов спокойно могут выйти на ваши тексты, которые на самом деле принадлежат им... С одним бороться проще и легче, а с дюжиной? Это как обиженные девицы могут объединиться и отомстить Дон Жуану, точно так же и тут, а совместные действия всегда весомее и значимее. Можно и жизни лишиться, смотря как повернется дело.

И уж совсем надо лишиться головы, чтобы воровать скажем так, какую-то духовную поэзию, помня, что сегодня она есть и в школьных учебниках, и круг разоблачителей пополняется продвинутыми учителями и шустрыми подростками, которые всегда слывут особенно жестокими, если потребуется

пнуть тетеньку или дяденьку, которые собираются их дурить. Разоблачение доставит им истинное удовольствие, не сомневайтесь, даже трудно представить, что они могут придумать.

То же самое и с классикой, их цепкая память часто хранит полюбившиеся тексты, представляете, сколько радости вы доставите юным дарованиям, которые обнаружат у вас на странице стихотворение Бунина или Набокова или рассказ Чехова.

Нам снова вещают мудрые старцы, что плагиат надо доказать в суде, а если Набоков или Чехов не подали на вас иск, то никто и ничего не докажет. Но стоит ли успокаиваться, ведь есть и высший суд... Оправдает ли он Пиперов? Очень сомневаюсь в этом.

Но у классиков могут оказаться наследники, но самое главное не это, знаменитым писателем станет так же трудно стать, как актрисе, снимавшейся в порно, звездой экрана. Стать-то конечно, можно, только все равно напоминать будут о странных происшествиях, когда-то совершенных, выплывут эти материалы снова и снова.

Сказать еще раз, что плагиат – это скверно, мерзко, ничего не сказать, воровать не перестанут, понятно...

Вопрос только один – а стоит ли игра свеч, даже если рукопись у вас оказалась гениальная, особенно если гениальная, но ведь рано или поздно все тайное становится явным.

Конечно, Пипер надеется, что никогда не попадетсЯ, но такая странная штука, у опубликованной вещи всегда есть возможность подставить своего «хозяина» в самый неожиданный момент.

А если вспомнить о том, что месть – холодная закуска, то момент будет точно самый неподходящий, к гадалке ходить не надо... И вот тогда...

А ведь как просто не брать чужого, даже если оно плохо лежит, даже если вы так сжились с ним, что убедили и себя и других, что оно ваше, оно практически уже ваше?

Разоблачают Пипера по разным причинам:

-Кому-то хочется скандала и сенсации.

-Кому-то хочется прославиться самому.

Но большему количеству авторов, коллег по перу просто не нравится, когда их дурят, и тихонько посмеиваются, видя, что мы все принимаем за чистую монету – это самое неприятное состояние, уж поверьте.. Недаром обманувших доверившихся Данте отправил в 8-ой круг ада. Не слишком ли сурово? А по-моему не слишком, самый раз.

И самый главный аргумент, который должен остановить Пипера – уж если у Остапа Бендера ничего не получилось, и все плачевно закончилось, то почему должно получиться у вас.

А позор остается позором, он долго помнится и заставляет нормальных людей переходить на другую сторону улицы и не подать вам руки.

Но есть и еще одно неприятное обстоятельство – страх быть разоблаченным, даже если Пипер уже успокоился, то тем больше будет удар, просто приговор отстрочили на какой-то срок.

Несколько полезных советов для Остапов от литературы:

- Не воруйте у разных, часто противоположных по стилю и жанрам авторов, показывая свою разносторонность, вы рискуете быть разоблаченным быстрее, чем если станете заимствовать у одного автора.

- Но заимствования у одного автора могут только отсрочить приговор, нет двух одинаковых отпечатков пальцев, и стилей двух одинаковых тоже нет, кто-то окажется не прав, и почему обязательно не вы. Разоблачение, только дело времени.

- Каждый из нас мечтает о творческом бессмертии, но скорее всего вы принесете бессмертие и славу другому человеку, можно не успеть даже попытаться оправдаться, а это совсем уж грустно.

- Не публикуйте книг с чужими текстами, кроме моральной может наступить и финансовая ответственность. А цифры в таких случаях очень велики, работать на потерпевшего придется еще пару жизней, а оно вам надо, содержать другого человека, да еще наследника, скажем?

- Не публикуйте такие тексты в интернете, потому что здесь случайностей еще больше, чем в издательствах бумажных, и слава ваша точно разлетится значительно быстрее, и дольше проживет.

Да просто не заимствуйте чужого, и будет вам счастье, а спокойная жизнь стоит того, чувство страха переходящего в ужас убьет даже тот талант, который у вас есть и ничего не даст взамен.

Как правило, мы живем одним днем, но не стоит забывать и о дальней перспективе, дальнем умысле... Стать героем нового романа Т. Шарпа, наверное, не хочется никому... Хотя кто его знает????

(Страшная сказка, рассказанная котом Баюном, после того, как он случайно оказался в Пекле, когда волк притащил туда Злого Критика. Кот все видел и слышал сам, потому и сказка из первых лап. Вдруг кому-то еще поможет).

Репортаж кота Баюна и Мефистофеля прямо из Пекла.

Все люди умирают, умирают и наши критики. Поэты с бокалом красного вина, прозаики - белого, критики, вероятно, хлебнув варева из мухоморов, если вспомнить, что клин клином вышибают, и хочется, подумав о душе, все-таки яду немного поубавить перед отплытием.

Но умирают все - это единственный их тезис, в который поверить можно безоговорочно.

И их хоронят. Никого на земле не оставят, хоронят даже критиков. Поэтов - юные девицы - Музы, они и сами детьми остаются навсегда. Прозаиков - жены и любовницы. Они люди серьезные и солидные. А критиков коты Бегемоты с Азazelло - потому что больше некому. Если они и с этими своими музами не расплевались, то только парни из похоронной команды и остаются.

Часто коты и парни могут быть в одном флаконе. Потому что кто их котов и чертей знает, в какое тело им переселиться захочется.

А так как Муз у них нет (посмотрите на то, что они строчат), жен и любовниц чаще всего тоже, они давно разбежались, при таком - то нраве, то только коты и ребята из «Аида» и остаются.

Дождь осенний хлещет. Критики всегда умирают осенью. Какое бы время года на календаре не было обозначено, это все равно осень - потому что среди критиканов оптимистов не бывает, одни только пессимисты. Вот и плачут небеса о том, что так долго жили они, да так поздно ушли, да столько всего натворить успели, а может от радости плачут, что одним меньше стало?

Иногда издали наблюдают за ними оставшиеся в живых прозаики, и тайно радуются, что дышать легче. Поэты не смотрят, - боятся заразиться, и тоже вслед за критиками уйти. Они натуры тонкие, беззащитные, и очень суеверные. А что если тени, за критиками спустившиеся, и до них доберутся. А то и волк перепутает, да и прихватит. Вдруг волку стихов послушать захочется. Они натуры очень тонкие, поэтичные.

Нет, поэты в такие минуты прячутся подальше, закрывают окна и двери. И вот появляется тот самый Серый Волк, который во все времена переносил на своей горбушке души из одного пространства в другое. И схватил он эту душу злобную да яростную, и как припустил, что его уже никто догнать не может. И волку хочется поскорее от него отделаться, а то ведь критиковать начнет, прикопается и к волку, ему - то теперь уже и вовсе терять нечего, помер вроде.

Волк и поэтов - то не особенно любит слушать - наслушался уже, а тут критик собственной персоной, если бежать медленнее, то и узнает он, что не с той лапы встал, не туда бежал, не так посмотрел на такую персону, и вообще графоман он и шизик. Хотя волк ничего не написал, ни одной строчки, но критик - то от этого собой быть не перестал. Вот и занят своим важным и очень ответственным делом. А если кроме волка никого нет, то можно и на нем отыграться.

Но чтобы тот не успел всего выложить, что про волка думает, несется волк в два раза быстрее., чем обычно, лап не жалел, но критика все-таки не потерял по дороге. Он вообще никого еще не потерял за время своей службы в Пекле.

Прибежали, сбросил он его под дубом, которому, как и всех критика отдать надо. А тут уже Стрибог его подхватил, да дальше понес. С этим особенно не поговоришь. Как только рот открыл, так закружит, так завертит, что и забудешь свое ремесло уникальное, имя-отчество не вспомнишь.

Вот и до Пекла, до Ния добрались. Суров повелитель подземного мира, смотрит он то на критика, то на Белбога, то на Чернобога, ждет, пока те все грехи предъявят. И вдруг выясняет наш критик, что не только он сам за всеми следил упорно, да все грехи наши и перлы коллекционировал, но и за ним был глаз да глаз.

Молчит Белбог, сказать ему нечего особенно, так пара фраз про то, что парень вроде хотел что-то хорошее сделать, может, и сделал, только не разглядел он тех белых дел.

А тут и до Чернобога очередь дошла. И пошло - поехало. Он охрип, выбился из сил, попросил позволения сесть, потому что стоять невмочь было, а еще и до середины не дочитал всего, что наш герой натворить успел.

Взвыл серый волк. Оказывается, он остался послушать дела того, кого притащил. Зашумели черти, они разбежались подальше в середине приговора, понимая, что кому-то из них наш критик и достанется. А что с ним потом делать, никому не понятно.

Дочитывал свой свиток Чернобог уже лежа, и сидеть бедняга не мог, так притомился он, пот градом льется, а записи все не кончаются. Властелин тьмы, как скала, все это время стоял, но сердился все больше и больше. Даже он не ожидал такого. Вертелся Стрибог, тот то и до середины не устоял.

А критик каменел, потому что ни сесть, ни лечь ему никто не позволял. Это и было настоящее Пекло, других пыток и не требовалось. И главное, винить кроме себя любимого некого. Ни разу не солгал прокурор, он и рад был подсократить то, что записано, да не мог.

Наконец кончилось и это, прав был мудрый царь, все когда-нибудь кончается, даже черным делам критика конец приходит. Один Мефистофель их всех чертей и остался.

Взглянул на него Ний, в первый раз в жизни он и растерялся. - А я говорил тебе, повелитель, что чем раньше мы бы его забрали, тем лучше было, а тебе все поэты, художники и музыканты нужны были, а что теперь с этим делать я не знаю.

И то ли притворно, то ли искреннее главный бес развел руками. - Не мне же самому с ним возиться, а других я что-то не вижу,- дерзко продолжал свою речь Мефи, хотя его никто не спрашивал пока, но он говорил, чтобы не оказаться последним с критиком.

- Понятно, - услышали все обитатели Пекла, - может, в Ирий его отправим? Там у них тишь, да блажь, делать им нечего, вот пусть им и займутся. Их никто никогда не критиковал, почему мы все это терпеть должны, а они отдыхать да радоваться жизни? Делиться с небесами надо. - Да ты что, брат, - взревел Стрибог, - там яблоки молодильные, сопрет одно из них, вечно молодым останется, что тогда с миром нашим делать. Да и не доберется он туда.

Стрибог оглядел хилую фигуру, расширяющуюся книзу, - сорвется с дуба и опять к нам упадет, нет, Ирий, это плохая идея.

- Плохая, - взревел Ний, которому страшно надело возиться со Злым Критиком,- тогда и делай с ним, что хочешь, раз мои идеи плохие, пусть твои будут хорошими.

Мефи потер руки за спиной у Стрибога, бедный критик сжался от ужаса. Он еще не знал, что придумает Повелитель стихи, но то, что он ничего хорошего не придумает, можно не сомневаться.

Стрибог понял, что насобирает неприятностей себе на голову. Но унывал он в отличие от Злого критика, недолго. Схватил его, да только и видели.

По дороге правда он попрекал судьбу за то, что даже Горыныч исключительно девиц ворует и таскает, а ему вот только этот достался, но ничего. Это дело поправимое, девицы и подождут немного. И тут он разжал руки, да и выронил критика. А когда посмотрел, куда тот камнем летел, то понял, что бедняга уже в объятьях Царя Морского. Они над морем пролетали.

- Пусть погостит там, у Царя нет особенных проблем, теперь будут. И умчался Стрибог, только его и видели.

Гостил на дне морском критик наш недолго. Хотя и бескрайнее оно, но там он так быстро всех русалок и остальных обитателей достал, что сам Царь Морской на берег его и вышвырнул. Да еще и припомнил и Ния, и Стрибога, и всех, кто такой подарок ему бросил. И хотя дареному критику в зубы не смотрят, но не знал этого правила Владыка Морей, у него вообще всегда свои законы были. А боги распоясались совсем, то Одиссея ему бросили, стерпел, провел по всем морям и бурям, теперь еще этого - это уже перебор.

Как только Стрибог вернулся на землю, так сразу старого своего приятеля и заметил.

- Ну, ты даешь, - удивился он, - и туда не взяли.

Молчал Злой критик. В первый раз решил не заниматься своим привычным делом. А тут и Горыныч пролетает мимо.

- Тебя нам только и не хватало, - радостно позвал его Стрибог. Горыныч был легкомысленным парнем, и о последних новостях ничего не знал. А ни критик, ни Стрибог его посвящать в них не собирались. Вот и крупно прокололся он на этот раз.

Стали они в кости на желание играть. Проиграл Горыныч, и пришлось ему вместо девицы критика в горы тащить.

Заартачился Горыныч:

- А если он помрет по дороге?

- Не помрет, - заверил Стрибог, - он уже помер, а даже критики два раза не помирают.

Нечего было делать Горынычу. Но по дороге он одумался, к себе в пещеру тащить не стал. Хоть в этом ему три головы помогли. Да еще решил, что Горный дух его не сразу найдет. Можно и передохнуть. Только в последнем мудрый Змей ошибся.

Критика обнаружили почти сразу. И следствие началось, кто его сюда приволок - выяснять стали. Виновника долго искать не пришлось, да и критик Змея сдал, а что ему скрывать было. Надеется, что чистосердечное признание участь его облегчит.

И встал перед Горным Змей, и склонил все свои три головы, и признался, что проигрался он и пришлось платить проигрыш Стрибогу. - Ты проигрался, головы твои садовые, а нам его терпеть. Забирай его к себе и живи с ним, пещера большая, поместится. И пал змей на колени, и стал он просить, чтобы не казнили его, а помиловали - от критика избавили.

- Казнить тебя только Добрыня может, так в Книге Судеб писано, а ты воспитай его, вот и будет у тебя друг - товарищ. Все лучше, чем одному. Трудно сказать, до чего там договорились они, только пришлось Горынычу подчиниться. Забрал он критика к себе, в пещере запер, от скандала подальше, да в путешествие отправился. Теперь ему в любом месте лучше было, чем в пещере родной. И калачом его домой не заманишь. Все скитается где-то. Критик сидит в заточении, и все ждет, пока его освободит какой-нибудь герой залетный, который со Змеем сражаться заявится, а его тут и обнаружит. Только что-то героев пока не особенно находится. Вот и остается ему сидеть да ждать освобождения.

А как только случится такое, вырвется он на свободу, так всем еще покажет, и Змею, и духам, о людях и говорить нечего. Все поплатятся за то, что случилась с ним беда такая.

Вот и ждут все нового пришествия Злого Критика. И хорошо, что пока еще не дождались. А с теми, кто помельче наши бесы как-нибудь рано или поздно управятся. Самое главное, чтобы их хотя бы в Пекло приняли, а то ведь и туда не возьмут.

Глава 49 Кикимора разбушевалась Скандалисты начинают и проигрывают.

Сходства с реальными лицами чата "Вечерних стихов" случайны. Баба Яга и кот Баюн за них ответственности не несут и не надейтесь, господа чатманы и чатманши.

Кот же утверждает, что Елены могут быть не только прекрасными но и ужасными, увы, правда жизни

СКАНДАЛИСТЫ, СПАСАЙСЯ

А ведь были времена, когда на земле и в заповедном лесу не было ни одного скандалиста.

Никто их не помнил, конечно, но были точно. Зато, как это началось, помнили все без исключения. Конечно, с Кикиморы, тут уж к Яге ходить не надо. Никто не знает, с чего начался этот грандиозный скандал в заповедном лесу, но перерос он в стихийное бедствие, это потом помнили все.

А ведь на самом деле, и кот Баюн не даст соврать - все было просто очень, как только попала в лес какая-то Кикимора приبلудная, откуда она взялась, кто ее знает, но скучно ей стало, вот и появилась тут внезапно.

- Я с вами поживу немного, - объявила им она

Духи промолчали. Но предупредили, что живут они мирно, никто и ни с кем не ссорится никогда. Преувеличили немного, но в основном правы были.

- А я еще лучше вас, и уж сама никогда первая не начинаю, - заявила она.

Вскоре они, однако, поняли, что все, что говорит Кикимора, с точностью до наоборот надо воспринимать, но это потом, а тогда поверили, наивные.

Какая она была белая и пушистая, все сразу почувствовали. А как только появилась, так и пошло и поехало, то черту на хвост наступит, то с Лешим поругается, сама не знает из-за чего, то водяной вдруг дорогу ей переплыл, хотя того и в помине нигде не было. Ей не объяснили в свое время, что в любой, а особенно заповедный лес нельзя со своими порядками ходить, вот она и расходилась. Да чем дальше, тем больше.

А уж если кто-то ответит, так как следует, то тут берегись, дубы столетние трещать начинали.

И хотя сначала кто усмеялся, кто злился, но потом все как-то поняли, что надо ее стороной обходить, и лучше послать подальше. Послали, только та Кикимора быстро вернулась, из других мест ее послали еще быстрее, вот и пришлось духам сначала медленно, а потом и быстрее привыкать к тому, что она у них поселилась надолго, не до самой смерти даже, смерть вряд ли грозила, а на всю оставшуюся жизнь. А это еще хуже и страшнее оказалось.

За головы схватились тут черти, волки завыли. Домовые в деревне, услышав их вой, тоже подхватили, думали, беда случилась, а когда от залетного ворона узнали, о чем они воют, так рассмеялись еще громче, потому что они решили, что теперь Кикимору долго не увидят. Рано они радовались, конечно, вороны так им и прокаркали, что хорошо смеется тот, кто смеется последним, а это могут оказаться и не они вовсе. Но в тот момент Домовые им не поверили, и совершенно напрасно. Кикимора просто еще не знала, что если она и может с кем-то ужиться, то только с ними одними это и случится.

Но пока волки выли, Домовые смеялись, а Кикимора думала, как отомстить тем, кто ее обидел.

№№№№№№№№№№

А тут еще как вы помните, решили духи СМИ свое организовать. Кикимора сразу стала толкать их на то, чтобы была у них самая желтая из всех газета, она уже и так и этак на это намекала, но совет редакторский и слушать ее не собирались.

Может упрямство и признак тупости, только Кикимора добивалась всегда своего, и никогда ни перед чем не отступала.

Духи хотели быть вежливыми и терпимыми. Разве не этому учила их с самого начала Яга. У всех нравы разные, и если начать сразу кусаться да пинаться, то что же хорошего из этого получится?

Вот они и помнили эти наказания, и не трогали ее. Да и всем на одну нападать не особенно хотелось. И так уговаривали, и этак. Черт Федор сказал о том, что если над какими-то недостатками посмеяться, то они уже не так страшны, а дух понимает, да исправляется. А еще лучше пародию написать, только писать надо толковую и талантливую, чтобы перекривило ее от зависти. Вот и взялись они за дело, конкурс пародий устроили, кто лучше Кикимору обсмеет, тот и станет победителем. Но никаких оскорблений и матерных слов особенно не допускалось.

- Это трудно! - вопили черти.

- Но разве это не реально?

Им пришлось смириться, но такие слова крутые попадались, что жалко было от них отказываться. Умела она в них вовсе не эротические, как нормальной кикиморе полагается, а самые злобные чувства будоражить.

Может, с чертями его это и проходило, а тут Кикимора была все-таки. Шутили они по-разному. Кто-то добродушно, кто-то по плечу ее похлопывал, а кто-то и зло шутил.

Ни у одной Кикиморы только характер был не простой. Черти хоть и лучше Кикиморы были, но их много, и стоило им только объединиться... Начиналось это по-разному, но заканчивалось всегда одинаково - потасовкой. Бежали все, да разнимали. Конечно, Кикимора в центре любой драки была неизменно. И это ее совсем не смущало, вытаскивали ее, отряхивали, да и снова внушения делали.

Хотя только вздохнул Леший, ей эти их учения, что об стенку горохом, она и не слушала особенно. А если и слово какое давала, вести себя прилично, то тут же его и нарушала, не моргнув глазом. И находила для того сотню причин.

В последний раз, когда у Стаса клочок волос вырвали, и чуть полхвоста не оторвали, приволок леший Кикимору и строго так сказал, что терпит он это в последний раз

- А что будет потом, - живо поинтересовалась она, поправляя всклокоченные волосы.

- К людям отправишься.

- Такого она не ожидала вовсе, все что угодно, но среди людей быть - это уж слишком.

- Да они же меня забьют там, все грехи на меня спишут

- Тогда веди себя тут нормально.

- Хорошо, больше ты меня не увидишь, и не услышишь

- Смотри, ты слово дала - нарушишь, в Пекло провалишься.

- А если не я виновата буду?

- А такое бывало когда-то? - поинтересовался Леший

Кикимора на это ничего не ответила.

Побрела она по лесу, слезами обливаясь, от обиды и несправедливости страшной, а навстречу к ней Серый волк идет. Тот всегда всем помочь готов был, и радовался, когда пригодиться мог. И знал ведь волк, что такая доброта безрассудная для него же плохо и закончится, знал, а ничего с собой поделаться не мог. Черти от страха попрятались, кто куда, и жалко им было волка, только сами они тоже вместе с ним подставляться никак не хотели.

- Хорошо, - согласилась Кикимора, уселась она на пенек и стала рассказывать волку, с кем из духов и что он сделать должен.

Сначала волк слушал ее внимательно, на середине списка вполуха, а потом уже и совсем тоскливо ему стало.

И когда дело дошло до его любимого бога Ния, который, как оказалось, перед Кикиморой тоже очень сильно виноват был, не выдержал тот, схватил ее, да потащил яростно, сам не знал куда, может в горы к Горынычу, а может еще куда подальше.

Только Кикимора вам не Иван царевич, вырвалась она от волка, да в болото и упала.

И потонула сразу.

Волк на кочке уселся, раздумывая, что ему делать дальше, ведь не померла она там, ничего с ней и на дне болота не сделалось. И значит, вынырнет рано или поздно. Тогда ему и достанется за то, что он не утащил ее подальше, они всегда найдут крайнего, особенно если ты был добровольным помощником.

Только опасался волк напрасно, в болоте том злыдни были, да такие лютые, что лучше и не связываться с ними.

Они-то и припомнили Кикиморе все, что она натворить успела и как им насолила, хотя Кикимора и сама про то забыла. Связали ее хорошенько, да и запретили шевелиться.

- Лежи и не дергайся.

А сами отправились к Лешему доложить о том, что по его приказанию Кикимору они изловили и пленили:

-Больше она жизнь вам портить не станет.

Леший удивился тому, что злыдни исполнили даже то, о чем он их и не просил, хотя противиться и не стал - пусть охладится да подумает о том, как жить дальше.

Долго не было Кикиморы в лесу, только сердце у Лешего было доброе, а со временем еще добрее стало. Как услышал он вой со стороны болота жалобный, так про Кикимору и вспомнил, и решил, что она наказана достаточно, можно ее и на волю отпустить, пусть немного среди духов поживет, ведь каждый измениться может после такого сурового наказания.

Тихонько он пару бесов отправил с тайным заданием и приказал:

- Освободите Кикимору, но так, чтобы ни одна живая душа не знала, что я вас к ней отправил.

Все исполнили черти. Нигде они не прокололись. И в одну ужасную ночь. Неожиданно для всех Кикимора вернулась в

заповедный лес. Правда, духи забыть успели, какой она была. Но как забыли, так и вспомнили.

Уже на следующий вечер скандал до небес поднялся, у чертей чубы трещали, камни, куда попало летели.

Все спрашивали друг друга, кто такую глупость совершил и отпустил ее. Пришлось Лешему признаться и повиниться.

- И ты думал, что Кикимора исправится, да и болота и Пещеры огненные ей ничто.

Это была хорошая идея, и как раз тот самый серый волк пролетал с душой заблудшей, он Кикимору с собой и захватил, потому что сразу ее узнал, по воплям, второй такой и не было вовсе.

И хотя оттащил он ее к Нию, и знал, что тот спасибо ему не скажет, но куда ее еще девать было.

И еще одно случилось, клятву она нарушила, и значит, и должна была сквозь землю провалиться, что и случилось тут же. Что было с Кикиморой дальше, сказать трудно, только слова заклятия: «Чтоб мне сквозь землю провалиться», с той поры и остались. Черти там просто в разные стороны разлетались, говорят, и когда начинается земля сотрясаться, это Кикимора за ними гоняется, во мраке натываясь на что попало. Но остановиться она не может, обиды и желание отомстить растут, как снежный ком. А так как чертей много, то и месть становится все актуальнее.

Правда, другие Кикиморы присмирели после этого случая, особенно когда подземный грохот слышат, многие из них спокойными и симпатичными кажутся, кому же охота под землей или на дне болота всю жизнь провести. А может, просто они умнее оказались и на чужих, а не на своих ошибках учатся.

Глава 50 ЗОЛОТОЙ ВЕК НА ПОРОГЕ, СПАСАЙТЕСЬ, ПОЭТЫ

Еще не за горами то время, когда мы с вами дружно, иногда весело, хотя особо доверчивым было не до веселия, ждали конца света.

Как и следовало ожидать, его не наступило, но у нас уже новая беда на пороге – Золотой век русской поэзии вот-вот настанет. Так что не раздавайте, не дарите никому свечи, спички и соль - стандартный набор и для того и для другого вселенского события.

Ну, конец света – это все-таки мероприятие такое туманное, неопределенное, у золотого века поэзии есть свои сроки и свои рыцари – золотистые наши творцы и рекламная кампания, не в пример той, работает продуктивно, потому остается уверенность, что он все-таки наступит. Не дай бог, конечно, пусть минет нас чаша себя, но надо быть готовыми к худшему, чтобы потом не сильно отчаливаться.

Нет, это для тех, кто хотя бы в школе изучал литературу, хотя бы в общих чертах имеет представление, это для них понятно, что золотым век назвали критики значительно позднее, так сказать свершившийся факт обозначили. Вы можете представить себя, что пирует Пушкин с Вяземским, поднимают бокалы:

- Давай, друг Петр, выпьем за золотой век поэзии, который мы с тобой сотворили все, таки.

- Давай, друг Александр, обмоем наше творение, хорошо мы потрудились можно и передохнуть немного.

Ну как, представили себе такое? Круто или все-таки не может быть?

Тогда конечно, быть такого не могло, но в начале 21 века у нас возможно все.

У нас два добрых молодца, которые по возрасту нам в дедушки годятся, они заранее знают, что и когда должно случиться, а потому напевают старую песню на новый лад: «Мы наш, мы новый век построим, кто был ничем, тот станет Поэтом». С рифмой не очень, но у них с ней всегда так, чем хуже, тем лучше и народнее.

А чего мелочиться, их много (или кажется что много, тут еще разбираться надо), они из народа и за народ очень сильно болеют, а тот самый народ смекнул, что поэтом быть может быть и не выгодно с финансовой точки зрения, но с моральной стороны очень престижно, а им морального удовлетворения вполне достаточно, хотя те добрые люди им еще и деньги обещают. А чего не обещать - то, платить ведь не придется...

Слово «элита» для них хуже любого мата, а так как элиты всегда мало (об этом даже они догадываются), то и расправиться с ней не составит труда. Чем они очень последовательно и упорно занимаются.

Они уже выучили слово метафора, и внушают всем нам, и себе в первую очередь, потому что самые доверчивые, что это страшный зверь, как

Волк Одина, она пожрет все, и настоящих Поэтов в первую очередь, а потому забыть о ней надо, как о страшном мне, никогда не вспоминать.

И вот, когда мы забудем даже то, что успели узнать о стихосложении, тогда их поэтический коммунизм и настанет. Писать они будут просто, очень просто, чем проще и народнее, тем лучше, потому что так поэтами легко станет вся масса народа, а что, если не заикливаться на всей этой теории, которую все равно им не одолеть, и снится она им в гробу в белых тапках.

Вот и представьте себе тот золотой век, нам уже обещанный: все - и стар и мал - все исключительно поэты.

Кто там будет мыть, стирать, убирать, даже программы новые придумывать, в сети и на электростанциях работать – не важно, да это их и не волнует совсем, главное ведь Поэзия, массовая, для всех, и чтобы все сами к ней приобщились...

Вот я и думаю, а почему Мастер так не любил поэтов. Может быть, он знал, что наступят времена, когда эти два добрых человека, а злых людей, как он говорил, в мире не бывает, это мы с вами знаем, так вот если это добрые люди и начнут строить золотой век русской поэзии, то для элиты и Поэзии это и есть конец света.

Вероятно, он это знал наверняка, и видел, как во главе с Иваном Бездомным, который теперь сдвинулся окончательно. Они идут строем в свой золотой век, по дороге с радостью и удовольствием растоптав ту самую проклятую элиту.

Вот идут они строем, идут. Никто ничего не делает, весь народ зарос грязью, обносился, от голоду едва ногами передвинет, и только каждый свои стишки плетет, и соревнуются, кто больше наплетет, кто быстрее в рейтинг попадет.

Разве это не похоже на золотой век народной поэзии? Картина с натуры.

А впереди в белом венчике из бабочек, сами знаете кто – вождь конечно, на белом коне. Санчо Пансо за ним на черном осле двигается. У него и штуки все вокруг ослиных ушей вертятся

Дон Кихот так высоко задрал голову, что прямо с конем с обрыва и летит, а за ним летят все обессилевшие, голые поэты, и на лету плетут свои последние стишата... Лебедина песнь, так сказать.

Они не могут остановиться, потому что без вождя и вдохновителя они ничто, потому что они никогда не умели ничего другого только плести свои народные, очень простые стишата. Потому, что еще Пушкин написал для

них сказку про золотую рыбку и бедную старушку, и если бы они ее умудрились почитать, то поняли бы как закончится их золотой век.

Но они же никогда ничего не читали, даже того, что писали сами, потому что если прочитаешь, то мечты о золотом веке рассыпаются сами собой, и превращаются в дым поминального костра... Читать то, что пишут им строжайше запрещено, да и скажу вам по секрету, читать они не умеют, сроду не учились, одно слово народные поэты, прямо от сохи....

В общем, все дружно упали в Пекло, и только одно создание осталось на краю обрыва, и хохот его пронесся над опустевшим миром:

- Все по плану, золотой век канул в Лету, Крысолов, фу черт, Дон Кихот, исполнил свое дело и увел их в долину счастья, которая там называется полями забвения, самый большой пожар погашен, Мессир, - обратился он к глыбе мрака, в которой проступали очертания главного героя романа века. Настоящего Мастера.

- И что нам делать? - спросил Абадонна.

- Мир должен передохнуть, возродиться, твои поэты его так загадили, - отвечал Воланд

- Ну, хоть одного поэта, ну пожалуйста, - умолял ангел смерти

- Да где же его взять?

-И тогда он указал на пустыню, где одиноко брел высокий, очень высокий, худой, очень худой странник в рубище и что-то шептал себе под нос.

- Вот, я его сохранил тогда, он просто не шел с той толпой, - пояснил Ангел Смерти.

- Твое ли дело убивать, а не сохранять, - упрекнул его Воланд.

- Ну, знаешь, это и без меня найдется кому делать, а я для разнообразия решил спасти хотя бы одного, очки вовремя надел, вот он и остался.

- У тебя хороший вкус, - похвалил Воланд

- Я старался, - отвечал Абадонна, - я очень старался, и мне повезло, спасти именно его.

А потом они слушали стихотворение, которое только что сочинил спасенный, единственный поэт:

Не греми рукомойником, Понтий, не надо понтов,
Все и так догадались, что ты ничего не решаешь.
Ты и светлое имя жуешь, как морского ежа ешь,
потому что всецело поверить в него не готов.

Не сердись, прокуратор, но что есть земные силки?
Неужели ты веришь в их силу? Эх ты, сочинитель...

Не тобой были в небе увязаны тысячи нитей –
не во власти твоей, игемон, и рубить узелки.

Ни светила с тобой не сверяют свой ход, ни часы.
Что короны земные? Ничто, если всякое просо
тянет к свету ладони свои без монаршего спроса,
и царем над царями возносится плотничий сын...

Но, к чему это я? С высоты своего этажа,
сквозь окно, что забито гвоздями и неотворимо,
я смотрю на осенние профили Третьего Рима,
на зонты и авоськи сутулых его горожан.

Слева рынок, а справа Вараввы табачный лоток
(несмотря на века, хорошо сохранился разбойник!)
У меня за стеной - или в небе?- гремит рукомойник,
и вода убегает, как время, в заиленный сток...

- А что, может быть, теперь и на самом деле золотого века дождемся?

- Не стоит об этом, мы же не творцы, мы хранители, и хорошо, что нам
удалось сохранить единственного...

- Да случайные черты стерли, поэта сохранили, жизнь продолжается...

Глава 51 О чем говорят в чате. Красавицы - чудовища

Нет, я очень люблю повеселиться и поболтать с нормальными людьми и с ненормальными тоже. Общение в чате в последний месяц - это просто нечто уникально, что должно быть занесено в историю развития современной Поэзии, как нечто из ряда вон выходящее, а может быть обычное явление в тех местах, где собирается литературная братия и околослитературные красотки.

Не помните вечеринку, когда Берлиозу голову отрезали? Что делали эти люди добрые? Да плясали и радовались, что сами живые остались, даже явление Ивана Бездомного их не сильно смутило и удивило. А кто-то с радостью вспомнил о том, что пост большой освободился. А чем мы лучше или хуже татарина, простите, той литературной братии? С полной уверенностью заверяю, что собрались там (в чате "Вечерних стихов") исключительно красавицы и чудовища - в одном кувшине, флаконе, как хотите. А где им еще собираться.

Еще раз хочу напомнить о том, что чат поэтический, ну как бы поэтический, если уж совсем точно. А потому мы обитаем среди СКРОМНЫХ гостей, кто сроду не называет своих имен. Первый вопрос:

- А ты кто, гость?

-А ты кто?

- А это не я, я только что пришел,- может длиться часами.

И чего боятся эти наши гости с большой дороги, может их милиция-полиция уже разыскивает? Судя по стилю, вполне возможно, что давно надо прятаться от остальных.

Видно, им уже является тень Галича, и он грозно говорит нашим чудовищам, простите, красавицам:

- Мы поименно вспомним тех, кто поднял руку.

Вот они и решили в шпионов поиграть, забавники...

Хотя ни для кого эти имена давно не секрет, и знают их с первого рыка и тьяканья все, кто там пробыл больше одного дня.

А еще за это время у нас выработались странные критерии поэтичности, бесспорного таланта одного и бездарности остальных.

- Юля, (Вика) – красавица.

Для поэтессы, это конечно, самое главное, бесспорно, и не важно какой бред она пишет, красавицам прощается любая чушь, а лучше если вообще молчат, мэтры просто любоваться будут в эротическом угаре, вспоминая, то, что было, да в гражданскую сплыло навсегда...

Есть верная примета: если хвалит творец золотого века и его ответственный секретарь, значит пишет еще хуже, чем они сами, потому что они ни разу в своей жизни не хвалили тех, кто писал лучше. Язык не поворачивался похвалить, более того они их травили с завидным постоянством, свято веря в свою гениальность и безнаказанность, вычисляли безошибочно и травили. А раз хвалят, то задуматься надо, если у тебя хоть грамм самолюбия и честолюбия есть.

Вопрос только один, почему эта уникальная красавица тут сидит, а не на королевском приеме, не в ресторане, не на Тверской, ну где еще быть красавицам полагается? Ладно мы страшные толстые уродки тут собрались, а она-то что среди нас делает? Непонятно, господа литераторы... Может такой же старой, страшной и толстой стать хочет? А кто их красавиц разберет.

Вопрос остается открытым – она же тысячу откровений написала. И самое чувственное про сумасшедшего капитана корабля призрака, которого никак не может дождаться, даже этот парень сбежал от такой красоты и не возвращается, вот идиот, он и не представляет, какая красота его тут ждет, знал бы - давно вернулся. Это остальные ее товарки ждут принцев, а она безумного капитана, но результат примерно тот же получается, увы.

Красавица общается исключительно с дамами в чате, ну или с теми, кто позиционирует себя как дамы. Понятно, Марина Цветаева тоже была такой, не она ли воскликнула: « Я полюбила вас, Анна Ахматова». Раз не получается по-другому, так может быть Цветаевой прослыть, а вдруг за такое запомнят, оригинальность оценят. А может она мужик? Так по стилистике и бесконечному хамству и цинизму, точно старуха из Пушкинской сказки.

Правда, А.А. отстранилась и отказалась с ней встречаться, но тоже неважно, у нас в чате встречаются все кому не лень, и перед ними дверь закрыть трудно, хотя и можно, но этого не делается почему-то.

Поэтичная красавица говорит сквозь зубы исключительно о недостатках остальных дам. Сомневаетесь в том, что они все страшные-толстые уродки? Не сомневайтесь, она - то точно знает...

Не сомневайтесь, если красавица она, то все остальные страшнее атомной войны. Да, чуть не забыла, она ж одна университет закончила, а потому страшно грамотная и умная. Вот грамотность - эта мания, да такая, что начинаешь сомневаться в адекватности ее.

Наверное, для этого есть причины, особенно учитывая то, что у нас так плохо в стране с грамотностью, наверное, инопланетянка или засланец от вражеской разведки... Они только так хорошо знают язык, что носители его их просто не понимают - верный признак, кстати, нам еще в студенческие годы это объясняли, чтобы тебя не выслали из страны, в шпионаже не обвинили, не усердствуй в изучении родного языка, лучше -чужого, тогда своим разведчиком, а не иностранным шпионом станешь. Может ли красавица быть еще и умницей?

Может быть и может, но вы часто таких встречали? А мне лично попадались то одни, то другие, но это не про нее, кстати, ум из всех реплик

так и лезет во все стороны. А то, что все они одинаковые и повторяются с завидным постоянством снова и снова, словно созданы под копирку, так тоже ничего удивительного. Вероятнее всего, красавца - блондинка, по всем приметам точно или опять же иностранный шпион, которого встретил Иван Бездомный и на Соловки отправить хотел, а мы просто позабудемся, Соловки пока закрыты..

Вы спросите, а где тут поэзия, при чем тут поэзия вообще. А в том-то и дело, что ее не бывало давно и быть не может, пока все неудовлетворенные бабы из компании берименяшек захватили чат и обсуждать могут исключительно размер чужой фигуры, цвет глаз и длину ног. При чем, не возникает даже сомнений, что со всем с этим, как и с ориентацией, у них большие проблемы, иначе бы ничего этого не было и в помине.

Вы слышали, чтобы красавица, настоящая красавица, называла другую уродкой? Да ей и в голову такое не придет, потому что у нее проблем –то нет, и отталкивать она никого не станет, ну если у нее при этом еще и с мозгами относительный порядок, а не ветер в голове гуляет беззаботно... Ей же хочется выглядеть еще краше, а кто ее оттенять станет? Но наши этого не понимают, потому что сами исключительно в свите той красавицы и пребывали сто лет назад.

Сидеть и шипеть в чате – удел чудовищ, которые считают себя красавицами...

Спросите, зачем я там? А я тут выяснила, что оказывается я была Племянником монаха, Индоуткиным, и самим Уткиным - это наши ясновидящие красавицы так утверждают, колдуньи, одним словом...

Расслабляюсь, развлекаюсь, но иногда, когда красавицы в магазин уходят или на лавку с соседками посплетничать, можно даже с нормальными парнями о поэзии поговорить, хотя случается такое все реже и реже. Красавиц - то прибавляется, как поганок после дождя.

И еще иногда мне очень жаль (но все реже и реже) этих одиноких и несчастных баб (именно баб) даже мадам, не только излюбленное - пани для них ну никак не подходит, потому что нет у них ничего кроме этого чада - чата, потому что больше никто и нигде их слушать не станет. А тут еще в завале рецензиями можно и стихоплеткой прослыть.

Потому они упорно считают читателей и рецензии других. Мания больших цифр - еще одна неизлечимая болезнь, Мастер уверил их в том, что все это настоящие восторги, а не дешевые фальшивки, а они и поверили, как и в то, что он в передаче "Пусть говорят" А. Малахова завтра сменит, уже

записались на любимую передачу. Малахов рыдает где-то на Багамах, утопиться с горя решил.

А вчера я услышала самый классный комплимент в своей жизни, даже два, первый о том, что я толстая уродка, не во вкусе творца золотого века, ребята, мне никто никогда не говорил таких комплементов, есть стимул все-таки с 48 до 46 размера за это лето дойти. А второй комплемент еще круче, что он не возьмет меня к себе домработницей – о, старый шалун, именно об этом я всю жизнь и мечтала. Все бросить и стать хотя бы домработницей в Переделкино, где он, конечно и обитает.

Родилась с мечтой, стать его домработницей и помру тоже с этой мечтой, а еще говорят, что все мечты сбываются. Этой же не сбыться никогда...

Надеюсь, наш Роман, который и не Роман вовсе, а черт знает, как там его зовут, подтвердит эти два комплемента нынче, радости не бывает много, очень хочу услышать их снова и снова. Ведь для счастья совсем не много надо, знать, что ты не во вкусе Мастера и пахать на него не придется. Такие вот они у нас забавные.

Ну а поэзия, она, конечно, живет совсем в другом месте, ну не там же, где тусуются красавицы - чудовища.

Жива ли она? Надеюсь, что да.

Обидно только, что там, где о ней можно было поговорить, живет такой вот бред одиноких, несчастных неудачников, которым и пойти-то больше некуда, только в чат.

И просил же Мастер: Никогда не разговаривайте с неизвестными, просил, но слаб человек, и мне порой кажется, что все люди добрые, что злых, одиноких и несчастных нет...Но увы, и ах...

Мир совсем не меняется, а если меняется, то в худшую сторону... Скорей бы уж осень, хотя бы август, когда, наконец, вернутся наши настоящие любимцы, красавцы, которые только тем и занимаются, что делают нас счастливыми. Наши Мастера - хоккеисты с финскими коучами, те, которые сняты по ночам.

Знаете, что говорят о Раймо Сумманене, что он парень, которого трудно найти, легко потерять, никогда не забыть. Почему же с литераторами все наоборот? Это наша общая беда, люди добрые...

Глава 52 Счетоводы на сайте Стихи ру. Записки кота Бегемота

Записки кота Бегемота о поэтах и попсе....

Так вот, господа хорошие, решил я посмотреть на вас с разных сторон, хотя все тут исключительно поэты, но поэты очень разные. Мне уже попадались красавицы, которые при ближайшем рассмотрении чудовища самые настоящие, хотя они о том не знают и знать не хотят, но есть еще одна категория – счетоводы.

Вам не встречались ни разу? Так может мы на разных сайтах с вами промышляли. А я ткнул когтем в чат «Вечерки» да и читаю, как пишет один такой, баба ли мужик, а Абадонна его знает, ну или узнает скоро точно, а мне с ними чего разбираться?

Так вот пишет этот счетовод моей Любашке, мол, сегодня у тебя за день пять читателей, и ни один не отозвался, не откликнулся, значит дура ты набитая, в отличие скажем от Женечки моей умницы и красавицы, которую посетило 200 человек и сто рецки написали, она на первой странице рейтинга, новых идиотов, простите, читателей привлекает, а тебе их не видать, как своих ушей.

Ну, про манию больших цифр мы все с вами знаем, каким боком она к настоящему творчеству относится непонятно, скорее всего, никаким. А вот изучить творца, которого так хвалят, ну очень захотелось.

Интересно стало, что они там все читают, как на ночной распродаже промышляют, наверное, что-то очень хорошее задешево раздают, не иначе, или у нас весь народ взял, да и в поэзию пошел?

Открываю, читаю, не обманул меня рекламщик бесплатный, и рейтинг, и читатели, и рецки все так и есть, осталось только прочесть, что же там за бриллиант такой?

Хорошо, что шедевр короткий - строк 12, а то кот я ведь старый, хоть и бессмертный, но поэмы мне уже не по зубам, которые наполовину выпали, а остальные болят, да и не по глазам, самое главное, видют они плохо.

Не, все нормально, там строчек десять, и пишет дева непорочная, не поверите, сами прочтите, но, уберите детей, которым 18 не стукнуло, потому как она отдается замку и имеет с ним личные, очень интимные отношения. Мама дорогая, вот крест вам во все пузо - не вру. Ну, думаю, сейчас шуток по этому поводу почитаю, рецензий - то сотня целая, не могут же все пишущие быть такими же, как поэтесса странными.

Где там: десять раз написано, как талантливо и неповторимо сие творение, двадцать, как восхитительно и семьдесят, как гениально, вот не сойти мне с этого места. А депутатша, помнится, орала, что по новому закону даже нормальный секс запретить надо, интересно, не она ли сама этот шедевр написала, прощаясь с молодостью и свободой, закон-то вроде уже приняли.

Но Фагот выяснил, что писала не депутатша, а милая дама, которой только Единорога и не хватает для полного счастья. А пока ее единорог у других пасется, она вот это и пишет, там еще много чего, но перечислять не буду, вдруг какой дитенок до 18 заглянет, и посодют меня за растление малолетних.

Пока я тут возмущался, орал как резаный, хотя на дворе не март, а июнь вовсю хозяйничает, ко мне подошел этакой важный господин с бабочкой на затылке, видать сползла она у него от перенапряжения. Отозвал он меня в сторону, и так ласково-преласково и говорит:

-Ну чего ты реवेशь, как бегемот настоящий, а ведь кот литературный, солидный, а азбуки популярности и не изучил еще. На самом деле все очень просто, входи в круг моих друзей – рыцарей куриного пера, и быть тебе таким же популярным, как наша Маша, Даша, Женя. Мы ребята добрые и дружные, с утра тебе сто рецек напишем, поднимем до небес, ну а ты нам тоже отплати добром на добро, и станем мы все популярными, и побегут к нам читатели, и читать будут, зачитывая до дыр, и монитор от восторга целовать.

- Как на распродажу? – спросил я осторожно.

- Ну что ты там мявкаешь, какая распродажа, я тебе по простоте душевной все секреты популярности раскрываю, а ты издеваешься. Мы трудимся с утра до вечера, в отличие от тех бездельников, которые и сами пальцем о палец не ударят, и утверждают, что им все равно, читают их или не читают. Врут они, как сивые мерины, они нам просто завидуют, кому это читатели не нужны и рецки лишними будут? А ведь все знают, не потопаешь - не полопаешь, не напишешь другим – сам ничего не получишь. Это ведь так просто.

- Только знаешь что, Мастер, - я ядовито фыркнул, - стихи у меня того, ну не очень получаются. Да что там, чаще всего совсем никакие, самому стыдно бывает.

- Да какая разница, как они у тебя там получаются, главное в сообщество вступи, исполняй все его требования и не тупи, свою Любашку потрави немного, да и дружков ее не забудь, за ней только глаз и глаз нужен. А уж гадости ты говорить умеешь, не мне тебя учить, Женечку похвали, ну и о Мастере не забудь, вот и вся плата за твою дикую, страшную твою популярность. Думаю, дело того стоит...

-А если я про замок и девицу хвалить не хочу, то как?
- Хочу, не хочу, кого надо того и хвали, а то так и останешься на задворках нашей поэзии, с этими лентами, которые ни себе ни людям. Ну как мы договорились или не договорились.

Взглянул я на него, да и бросился бежать, как от чумы. И чего испугался, сам не пойму, очень приличный гражданин, ну только бабочка на затылок сползла, а так вполне ничего себе дедушка... И разве не мое это дело что-то такое вот гадкое придумывать, ведь это я ему должен был рассказать, а не он мне...

Значит, прав был другой Мастер, когда с грустью говорил, что чем талантливее стихо-творение, тем меньше у него читателей и отзывов? И теперь даже понятно почему так получается, ведь оказывается популярность и рядом с талантом не лежала. Вот так, господа хорошие.

Это я только первый день по вашему сайту послонялся, а если здесь задержаться, то и не такое еще узнаешь. Но что-то не хочется пока, может быть потом когда-нибудь в другой раз. А то испорчусь окончательно, и вместе Волада, придется мне этого, с бабочкой развлекать и репки на всю дрянь его писать, а там и посадут за особую прыть, ведь закон – то уже приняли, а недаром Аззелло все время твердит, что от суммы и от тюрьмы даже нам не стоит зарекаться.

В общем, прощайте, вы уж без меня задвигайте, выдвигайте всех, кого не лень, а я побежал, там Елисеевский снова горит ясным пламенем, может еще какого осетра спасти удастся, а то отощал тут совсем – кожа да кости...

Ну а вы пишите, спешите, и век вам первой строчки рейтинга не видать, потому что такого позора, как там, нигде нет. А Любашка говорит, что ей и одного читателя - меня, хватит. Может и не врет, но уже и Аззелло читал, и Фагот заглядывал. Вот зарегистрируемся на вашем сайте, и тогда посмотрим, кто кого...

Ну а пока выбирайте сами, быть настоящим или популярным, это каждый выбирает по себе.

Завсегда Ваш кот Бегемот, счетоводов и их клиентов прошу не беспокоить, целее будете...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

А вот высказывания реальных поэтов, которые очень не нравятся счетоводам и рейтингистам, они просто беситься начинают, как только слышат такое:

№№№№№№№№№№№№№№№№

Оно конечно (я про показатель). Но так как я самоуверенно считаю, что мои тексты не самые плохие, то это значит, что причина не в текстах, а в читателях. Аппроксимируя ситуацию можно выдвинуть аксиому: "Количество читателей обратно пропорционально качеству стихов."

Такая вот аксиома Царева :))

Игорь Царев 31.05.2010 16:39

Глава 53 Рейтингисты оборзели. Бегемот против Лаврентия

Рейтингисты оборзели вконец.

Рецензия Лаврентия

Те, кто пишут о мерзости человеческой - мерзавцы.

Кот Бегемот.

Жила я себе тихо и мирно, никого не трогала. Примус починяла, на Стихах ру передачу «Вечерние стихи» смотрела, книгу о великолепном поэте Игоре Цареве писала, и тут вдруг дернул черт поспорить с крутым критиком о том, кто же сегодня такие профессиональные писатели, можно ли прожить на их зарплату (гонорары), и кто прожить может. Обычная рядовая беседа, каких были тьма и тьма, и тьма.

Так как критик мой обитает в любимой Канаде, а вовсе не здесь, то естественно воспользовалась своей страницей для того, чтобы продолжить с ним беседу. Мне показалось, что это может быть интересно еще кому-то из старых моих знакомых.

Кто же думал, что это окажется красной тряпкой для парня по имени Лаврентий, о котором я понятия никогда не имела, да и сейчас иметь не собиралась. И видела я его, сами знаете, где и когда. Но прикопался с утра так этот самый Лаврентий, что любой милиционер, пардон, полицай позавидует. Словесный его п.. так и льется, и нет ему конца и края... С садистским удовольствием в пятый раз свою бесценную рецензиюшку переписывает и все лепит, лепит, борец с мировым злом, писатель человеческих мерзостей.

Правда, предупреждали меня люди добрые, что тут у нас за рейтинг бьются некоторые правдорубы не на жизнь, а на смерть. Но кто же на такие предупреждения внимание обращает, и при чем здесь я, пусть они бьются в другом месте. Фиолетовы мне борцы всех страстей и мастей, потому что все это от неудовлетворенности. Помните, когда герой Маяковского пошел с мировым злом сражаться, когда девица его сказала, что замуж выходит естественно не за него. Тут он уже и бога с небес готов был сбросить, а оказался - то облаком в штанах. Ничего с тех пор в мире не переменялось, только еще хуже сделалось, уж поверьте коту Бегемоту, а то я Абадону позову, а он давно порывался очки снять, да на борцов пристально взглянуть.

Но, увы, этот самый Лаврентий видимо на нашем несчастном рейтинге, вернее на той странице, где он находится, днюет и ночует, и все он что-то там считает да высматривает, врагов народа ищет, а уж как вцепился, так берегись. Про человеческие мерзости у него там целый раздел. Сразу видно, парень очень приятный, слова - то какие...

Хотя нас уверял, помнится, Странник один, что и Марк Крысобой человек добрый, но если этот добрый, то я тогда Дон Кихот собственной персоной к вам заявился.

Ему видно, не объяснили, что пишем мы исключительно про себя, даже если про Наполеона, и те самые мерзости в себе, а не в других искать надо, точно найдутся, а что в стакан налили, то из него и выльется, вот и выливается, все, что там было припасено для людей добрых.

То, что заметки мои прочитал не только мой дорогой Мишель, а кто-то еще и какие-то свои суждения оставил, вроде тоже не преступление, но это только кажется на первый взгляд.

Лаврентий с вами не согласится, не ждите.

Теперь я понимаю, почему прямо слезно просят некоторые авторы наши не ставить им никаких оценок, чтобы с этими Лаврентиями не сталкиваться, да жить спокойно и мирно. А главное в рейтинге и близко с ним не быть - это ведь такая зараза, оказывается неизлечимая... Это же подарок и награда для любого нормального автора - не быть в рейтинге, только не все понимают пока, наивные.

Но ребята, меня и на самом деле давно на сайте не было, откуда же знать про всю эту кашу малу, и что у некоторых правда чесотка начинается, если кто-то где-то в рейтинге оказался, а Лаврентия родимого там нет, да видно никогда не будет. И почему вы его не читаете и не конспектируете, вот что интересно... А причины он своих косяков вовсе не в себе, а в нас родимых ищет. Правильно, атака - это лучшая защита...

Вот и начался допрос с пристрастием и с бесконечными оскорблениями, при том что свою позорную рецензию он опубликовал отдельным литературным творением - шедевр, что скажешь, просто уникальный шедевр, который останется в веках. А потом дальше чесаться у Лаврентия началось, прямо допрос с пристрастием, откуда у меня столько читателей взялось.

Конечно, надо было сказать, что от верблюда.

А я-то блондинка, говорить с ним начала по-человечески. Но не зря говорил маг знаменитый, что не все люди, которые люди, некоторые просто глюки обыкновенные. А уж в сети не просто глюки, а глюки в квадрате - не верите, сами к Лаврентию ходите.

Примус остался непочиненный, само собой. И этот красный командир с револьвером наперевес и погнался за бедным рейтингистом, которым я на пару дней случайно и стала. А егодохлый шедевр оценила только парочка подружек, и опять же на моем горбу он в тот самый рейтинг не въехал, а ведь как старался-то - словоблудничал на славу, а тут облом. Ну не повезло бедняге, а кто виноват? Ищите женщину, рыцари наши самопальные, Сальери вам в помощь.

Это тоже моя вина, кто же спорит, ну если так читателей тех самый хочется, а они никак не появляются, тут уже впору, как говаривал товарищ Маяковский "к штыку приравнять перо", да тот рейтинг завоевывать.

При том, что кроме меня досталось всем, кто что-то посмел мне написать, и просто пришлось вычищать страницу, это тоже не беда, чистота еще никому не повредила. Так я не только котом Бегемотом, но и Чистильщицей бесплатной заделалась.

Куда девать этого самого Лаврентия?

Конечно, в черный список, куда еще отправлял всех правдорубов любой нормальный славянский князь – в темницу, иначе ведь ни то что в рейтинг не попадешь, но и делать просто нечего будет, только с ними бороться. А правда у них странная, косоглазая да кособокая какая-то, им одним только и понятная.

Остается попросить тех, кто за тот рейтинг отвечает отключить лично меня от него, потому что мне он лично не нужен, и тот самый Лаврентий наконец отстанет, отправится других искать. Ведь его интересуют исключительно рейтинги и скандалы, он только ими и питается, и ему становится хорошо, только когда кому-то плохо, бывают такие кадры, особенно поздней осенью...

А еще я очень прошу всех, кто пишет рецензии, милые мои, хорошие, любимые, не выставлять оценки, особенно зеленые, жмите ради всего святого на красные кнопки или не жмите совсем, потому что мне эти Лаврентии с их разборками задаром не нужны, серьезно. Пусть они катятся без оглядки и забудут сюда дорогу раз и навсегда.

Вообще, на других сайтах есть такая кнопка, нажав на которую, я всем объявляю, что в рейтингах не участвую.

Знаете как легко и спокойно жить, ни одного Лаврентия в гостях не появляется. А чем же мы тут хуже, интересно?

Не знаю, как Вы, а я прошу, да что там, умоляю Дмитрия Кравчука для меня лично такую кнопку сделать, и пусть они цветут в чужих огородах, рыцари наши рейтинговые, дети того самого Лаврентия, на которых и природа не отдыхает, увы.

Потому что я теперь понимаю тупых американцев, которым иногда пострелять хочется, ну или кирпич кому на голову бросить случайно... Не доводите до греха, дайте спокойно работать и радовать близких и любимых людей. Разве я о многом прошу?

Ради всего святого, дорогие мои программисты, отключите от рейтинга и дайте коту Бегемоту спокойно работать без всяких Лаврентиев и других обиженных и униженных правдорубов... искателей справедливости и скандала, пока вы сами девушек и любимых женщин ищите, они вот нас тут преследуют с утра до вечера.

Ну что Вам стоит, а нам, котам писучим, которым еще примус надо дочинить, будет и приятно и спокойно...

Скажете, что Лаврентиям скучно станет, но это уже второй вопрос. Коты прежде всего, их покой и воля... Не надо нам суеты, мы творить хотим и только...

А Лаврентий с писулькой своей обо мне любимой, в рейтинг пробрался все-таки, сбылась мечта рыцаря -правдоруба, ну туда ему и дорога, господа хорошие, только не хочу я с ним быть и близко, потому у меня лично самоотвод на всю оставшуюся жизнь... Поместите его в рейтинг пожизненно, глядишь и успокоится, болезный

Люди, вы хуже, чем звери.

Лаврентию писателю "мерзостей человеческих"

Я глупый волчонок, пришедший из дивного леса,
Меня Василиса однажды легко приручила,
А после украла тихонько одна Поэтесса,
И спрятала бабка, на цепь вдруг она посадила.

-Ты будешь собакой, мое охраняй вдохновенье,
Пугай моих злыдней, они одолели внезапно,
И вой на луну, напишу я поэму последнюю.
Сижу на цепи, она пищет и воет с азартом.

И вдруг в тишине пролетает куда-то ворона,
И там Соловей мне поет, разорался повеса,
И смотрит Старуха во мраке легко, удивленно,
И снится мне тайно огонь заповедного леса.

Явился вдруг черт, а чертей она очень боится,
И стал он пугать, и рычать, обомлела старуха.
Он цепи порвал, вместе с ним я тогда растворился,
И больше ни слуху о бабке суровой ни духа.

И дед все визжит, что его языка я не знаю,
А если точнее, что им я совсем не владею.
О, люди, вы звери, какая там жизнь сволочная,
Грызитесь друг с другом, я вас не люблю и не верю.

Мне черт говорит: - Несмышленный и глупый волчонок,
Влюбился в царевну, и что из любви получилось?
И только луна все взирала на нас удивленно,
И раны от цепи чертенка и ведьма лечили.

А после мы шли по тропе заповедного леса,
Туда, где у озера снова была Василиса.
- Куда ты девался, - спросила устало принцесса.
Тебя я искала, наверное, ты заблудился.

Не стал говорить я девчонке о злобной старухе,
Я знал никогда мне не стать ее верной собакой,
И только в лесу заповедном я радостно слушал
Веселые сказки, огонь там мерцает во мраке.

И что вам сказать, о, беспечные люди, вы звери,
И ваши поэты бывают всех прочных страшнее,
Я глупый волчонок, но вам никогда не поверю.
В лесу покусаю, сюда приближаться не смейте...

Орите и спорьте о том, чего сроду не будет,
Я вас не люблю, мне унылых вас вовсе не жалко,
Костер отпугнет, и сюда вы дорогу забудете,
И снова с теньями вам вечно бессильно сражаться.

Вы в лес заповедный вовек не найдете дорогу,
Здесь тише без вас, и уютней, и даже светлее,
Живите с собаками, люди, волков вы не трогайте,
А я убедился, что, люди, вы страшные звери...

2.

Глава 54 Отвечать или не отвечать Лаврентию? Кот Бегемот

ОТВЕЧАТЬ ИЛИ НЕ ОТВЕЧАТЬ ЛАВРЕНТИЮ?

Шумиха вокруг скандалиста Лаврентия на этот раз разразилась не шуточная.

Каюсь, страшно каюсь, сам лапу приложил и ни один раз, и еще приложу, не сомневайтесь, люди добрые. Так приложу, что железные мои когти из задницы Лаврентия выковыривать придется. Я не злопамятный, Воланд не даст соврать, но злой, и память у меня хорошая, просто прекрасная, в отличие от некоторых из вас.

Но молчать я точно не буду, потому что тут уже спорят до хрипаты хуже я Лаврентия, когда стреляю в ответ или лучше...

Может и еще хуже, но тому, кто тебя грязью облил, просто сам Воланд велел ту самую шину проколоть. Сначала по шине стрельнуть, а если не дойдет, то и кое- что еще отстрелить надо в целях профилактики.

Может шина и не виновата в том, что град брызг на кота обрушился, но зато как тот за рулем лбом в стекло вдарится, и пусть потом не вопит за что это ему беда такая - за дело, только за дело. И дальше он однозначно

двинуться долго не сможет, сколько добрых людей от хамства и грязи спасу?

Можно конечно, пойти молча помыться, да хоть в соседней луже искупаться, и гордым из-за того, что не ответил, что выше оказался, двигаться своей дорогой, и сеять разумное, доброе, вечное.

Вот и мойтесь, и двигайтесь, пока Лаврентий, озверев и обнаглев, других грязью заливать пойдет, подставляйте дорогой костюм, вторую щеку, и чувствуйте себя настоящими людьми, пардон, мазохистами.

А кот Бегемот им никогда не был, пусть лучше в садизме обвинят те, у кого язык повернется. А мазохистом точно не стану, Лаврентий не позволит.

И самый главный вывод – разве все мы не дети природы, не звери природы? А в природе, у которой мы дети и звери, на всякое действие есть противодействие, так почему же мы не должны хаму противиться? Из каких таких соображений. Или природа на нас, и на вас особенно отдыхает?

Ну и отдохайте, а у меня работы много, кто-то же должен хоть что-то делать, пока вы упиваетесь любовью к себе и отдыхаете, животы наращиваете, да других учите уму-разуму.

Разве вы не знаете, что если не противиться дитю малому, если все ему позволять, то сядет то дите вам на шею и ножки свесит, а если в класс прийти и все позволять стаду детишек, то что с тем самым учителем будет?

Лаврентий не дите малое, скажете вы, да хуже всякого дитя, в сто раз хуже если здоровый вымахал, а ведет себя нагло и по хамски, добрым людям покоя не дает, грязью поливает, то хуже он дитя... А мы извиняться и раскланиваться с ним должны?

А мы все белые и пушистые, и добрые-предобрые, гнусности его постирали, улыбаемся ему, а главное себе улыбаемся, и дальше пишем о Вере, Надежде, Любви, и весь мир убеждаем, что только они одни и существуют, а злобы и ненависти, если о ней не писать, вроде и нет совсем.

Лаврентий наезжает на слабых и беззащитных, на женщин, а мы мужики-богатыри в сторонке пишем о любви к ним, и чем мы лучше того Лаврентия? Не равнодушных ли и молчаливых бояться надо больше, чем тех самых Лаврентиев?

А не грош ли цена всем нашим писаниям, если в реальности мы тише воды и ниже травы и слово сказать не можем?

Ну люди, они есть люди, много ли с них взять можно, а тут еще и черный список имеется, и молча почистить и страницу и костюм можно.

Вот только скажите мне, а души ваши останутся такими же девственно чистыми, какой бы Лаврентий по ним своими сапогами в навозе не прошелся?

Ну если это так, то кот Бегемот за вас страшно рад.

О себе же могу сказать, стрелял и стрелять буду, по шинам пока, а может и по другим каким частям тела.

Посадят кота за решетку, сбегу, но сначала пусть поймают и статью припишут. А Лаврентий пусть в суде докажет, что кот Бегемот ему шины проколол и яйца отстрелил.

Лаврентию предлагаю доказательную базу собирать заранее, там записи с камер наблюдения переписывать, самому на телефон записывать, как кот Бегемот его преследовал и по нему стрелял, чтобы было что суду и психиатрам предъявить.

Конечно, доктора у нас сейчас не те пошли, может быть его и вменяемым признают, кто их психиатров знает, но комедь эту все рано интересно взглянуть будет.

Не кот Бегемот эту войну с Лаврентиями начал, но не отступать, не сдаваться он не собирается, если большему некому, если у нас все не бойцы, а писатели, то счастливо оставаться. Не по пути мне с вами.

А я пока повоюю, а потом может, что и напишу, если время и силы останутся, но чтобы вы спокойно писали, нужны еще коты с револьверами, иначе ни вам, ни котам, никогда от грязи той не отмыться, и всех в мире бань не хватит.

Согласен с Любашкой, что Лаврентии исчезают без следа, сколько их уже тут было, но ведь заметил и другое, они снова появляются, как поганки после дождя, а значит, хоть мы и мирные коты, но снова придется дать слово товарищу маузеру.

А там в суде разберемся, кто прав, кто виноват.

Но вот почему – то мне кажется, что в суд Лаврентий не пойдет, что он такой беззаветно храбрый и истощно орущий, только пока вы молча стираете грязь, да прячетесь от него, крича о том, что не хотите быть таким, как он...

Прав ли я или нет, время покажет, пишете, господа, и вам зачтется, а я на стражу вашего покоя...

Кот Бегемот всегда на страже, и бронепоезд стоит на запасном пути...

Да, лично Лаврентию, встретите, передайте, ответ наш будет адекватным, или не очень, но противодействие никак не меньше его действия.

И в Лифте тоже порой двери заклинивает так, что не откроет он их вместе со спасателями. И нечего на кота пенять, если на войну собрался, то будь готов во всему.

Писатели – люди добрые и безобидные, они много чего стерпят, но за себя ручаться не могу, не хочу и не собираюсь...

Выходи на бой, Лаврентий, посмотрим, кто кого...

Твой горячо и пламенно любимый кот Бегемот, пока без Аззелло и Абадонны, но еще не вечер...

3.

Глава 55 ЛАВРЕНТИЙ ВЫХОДИТ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

19 ноября - День настоящих мужиков

Кот Бегемот поздравляет всех настоящих, а особенно не настоящих с праздником

Мне тут давеча Коровьев, ну тот, который Фагот, сказал, что у вас в стране, которую умом не понять и аршином общим не измерить, 19 ноября аккуратно День Мужиков отмечают. Надо же хоть один день на них взглянуть пристальнее, и попробовать понять, какие они - настоящие.

Надеюсь, вы их поздравили, тех, кто этого звания достоин, ну вы мне о тех мужиках поведаете, а я вам о Лаврентии, как всегда, не все же о мужиках говорить, еще поэт про моего Лаврентия, помнится, написал:

"Люби меня за то, за что убогих любят бабы, всем сердцем вопреки уму, хотя бы, что никудашней я и слабый и не способный ни к чему".

Как-то примерно так он говорил, хотя могу перевернуть золотые строчки, конечно.

Уже и поэт тот пошел к предкам на вечный покой, а Лаврентии все никудашнее и слабее становятся, кто со мной не согласен, пусть первым бросит камень в кота Баюна, в Бегемота бросить хотите? А отдача не замучает, господа хорошие?

Ну, рискните, рискните, а мы поглядим, как бумеранг действует. Потом не обижаться и в полицию не жаловаться. У них и без вас работы хватит, вон хоккеист девицу велосипедом бил, а второй своему товарищу в кабаке голову проломил - с ними бы разобраться, а тут еще вы, побитые и покалеченные котами или чертями зелеными, что, по-моему, равносильно, психушек на вас не хватит. Не морочьте полицейским головы...

Я вот все думаю, на кого наш Лаврентий так смахивает?

Кто сказал, что на Ричарда Гира, чтобы у тебя, милая моя пани, такой Ричард Гир был на всю оставшуюся жизнь.

Смахивает же он, - кота Бегемота слушать надо, - на того самого храброго генерала и героя. Надеюсь, ни у кого ума не хватило его с Днем мужиков поздравлять, который в Белом доме окапался (в нашем Московском, а не их, американском), а потом выходил из окружения, прикрывшись своей женой, а сам за ее спиной шествовал. Герой, ничего не скажешь. А как вышел, так и бросил ее на произвол судьбы, герой, право слово.

Почему я про этого такие выводы сделал?

А действует Лаврентий точно так же. Любашке моей говорит, что драться он с ней не будет... Вот первый признак героя, представляете если бы войну объявил, а каком он доме бы оказался? Какой бы ему профессор Преображенский понадобился, если орет Лаврентий "Я объявляю вам войну" - храбрый князь Святослав, только наоборот... Еще бы и от князя с небес получил, чтобы не позорил богатырей наших незабвенных.

Кстати, старичок наш без работы сидит и давно ему хочется новомодную операцию провести. А что, только милых дам уродовать можно всем этим чародеям-хирургам? Страшно даже мне представить, чем бы эта война закончилась... Ой, потеряли бы мы Лаврентия, к Бабе Яге ходить не надо, потеряли бы в один миг.

Но есть и еще одно разительное сходство с тем генералом, выбрал себе Лаврентий бабищу скандальную и ею прикрыться решил, и пишет герой мне послание, что эта самая Лариска меня разоблачила, как будто ее мнение мне не фиолетово.

Так разоблачила, что та сразу поспешно страницу закрыла и смоталась в неизвестно направлении, чтобы из-под земли ее не достал даже. Жена генерала пошла свои подвиги напрасные совершать. А Лариска спряталась надежно, беда ее только в том, что ее никто кроме Лаврентия искать не собирался. Мне-то она нужна как прошлогодний снег, я и его - то вспомнил исключительно для того, чтобы остальных мужиков с их праздником поздравить, потому что все они - такие разные, делятся на две части, надеюсь, что не равные части, в одной большинство, а в другой Лаврентии.

Большинство балует, любит, защищает и носит на руках милых дам, а Лаврентии прикрываются ими после того как обделались капитально, и сами без их помощи выйти из окружения уже не могут, тогда им нужны очень большие и очень скандальные бабы, чтобы в живых остаться. Наш такую быстро и выбрал, и размахивает ей, как красной тряпкой перед котом

Бегемотом. Вот вместо джинов они и зовут бабищ тех на помощь, и надежно ими свои пивные животы прикрывают.

Ну а я сам прикрываюсь одним нашим или не нашим, а все равно нашим поэтом Мишелем, который, к его радости, почти всю свою сознательную жизнь в Париже, а не тут провел. И очень даже хорошо потому воспитался. А ведь мог бы еще один Лаврентий получиться, если бы родился он тут, а не там. Но ему повезло больше, чем моему любимцу, он все правильно понимает, и относится к первой части мужиков, настоящих, а не таких вот Лаврентиев....

Да, а стишок Мишеля, который мне ну очень сильно понравился, такой будет:

Нам бы Женщину Таковую

Мишель Де Венсен
М. ТЭТЧЕР

Показала всем искусство
пропахала целину
привела мужчин всех в чувство
а потом, свою страну

Говорит "мужчина в юбке"
пол мужской, скрывая страх
да! бывали остры зубки
было что-то и в штанах!

Чешет пусть теперь за ухом
на земле мужской народ
ну, а ей пусть будет пухом
не земля, а небосвод

Кто же правит нынче нами
и ворует во всю прыть ?
нам бы Женщину-Цунами!
стали б точно лучше жить

Я серьёзно вам толкую
что с правителем -беда
нам бы Женщину Таковую
мы бы жили хоть куда

Хоть и кажется, что хрупки
но пришел к решению я
лучше быть "Мужчиной в Юбке"
чем мужчиной без **я

Вот такое странное у меня получилось поздравление с Днем мужиков, ну а что Вы, добрые люди, от кота Бегемота хотели?

Уж простите, какое есть, конечно, настоящих больше, чем злых и убогих, потому убогие и виднее...

Да и как бы мы все настоящих увидели, если бы эти не нарисовались. А потому желание только одно, носите милых дам на руках, но не прикрывайтесь ими, не позорьте их, они радость ваша, а не щит и не меч, не для этого они сотворены были, тогда может к следующему 19 ноября и я по-другому говорить стану. А милым дамам хочу пожелать, чтобы не любили они всем сердцем вопреки уму тех, кто ни к чему не способен, только ими манипулировать, вам же легче буде. А пока, то что есть, и нечего на кота пенять если рожа крива...

С Днем настоящих мужиков!!!!

Глава 56 Пенальти для Лаврентия. Критикана на мыло

Женщин обижать не стоит, вам же хуже будет

Кот Бегемот лапу прилОжил.

Любил Лаврентий женщин, но странную любовью. Да и какая еще она будет, если выискивал он их в рейтинге на литературном сайте, а потом начинал со своей вечной и огромной любовью приставать.... Настойчиво так приставать. Дамы не уходили от него, они убегали без оглядки. Покинутый в очередной раз очередной рейтингисткой, Лаврентий садился писать свои

доносы-мерзости... Писал с упоением и публиковал, поджидая свои верных читателей, их было много-много, кот Бегемот двоих насчитал.

Ничего личного, он так и называл их мерзости человеческие, сам называл, так что же нам - то стесняться.

А потом ждал Лаврентий, пока сбегутся подхалимы, чтобы похвалить его труды тяжкие, исключительно для того, чтобы к ним Лаврентий не привязывался, и про них свои оды не строчил. Именно они должны были и двинуть его в тот рейтинг, иногда получалось, чаще обламывался наш писец-борзописец, но считал, что игра стоит свеч. Осечки-то случались не всегда, иногда хоть получалось.

И все бы было ничего, если бы однажды он не попал в Лифт, в котором двери открываться перестали, и так Лаврентия нашего прокатили, что земля из-под ног ушла, а голова кружиться начала так, что он забыл где верх и где низ, совсем ориентацию в пространстве потерял.

Когда из железных объятий того Лифта вырвался наш злой критикан рейтингистов, то отдышался он, да снова в рейтинг, как в дом родной и бросился, чтобы праведный гнев на новых рейтингистов излить. Больше ничего не умел, ничего не хотел Лаврентий, не было у него других желаний и стремлений.

И тут какой-то черт, а если быть точным, кот Бегемот, что еще хуже или лучше черта будет, и подтолкнул его к своей Любашке, Любушке, Любане, ну в общем хоккеистке яростной, влюбленной в могучего Дена, который только что мировой рекорд побил по силе удара шайбой по воротам.

Да так побил его Ден наш могучий, что американские рейтингисты - рекордсмены бунт подняли страшный, а с нашего Дена, что с гуся вода, бьет он себе и бьет и только усмехается. Но особенно хорошо это у него получалось, когда сидела Любашка в 5 ряду на 13 месте за теми самыми воротами, куда Ден исправно бил и ни разу еще не промахнулся. Вот его оружием мщениия для Лаврентия и избрал добрый кот Бегемот. Но

пока Лаврентий стал преследовать с маниакальным постоянством ту самую Любушку-голубушку, насвистывая что-то типа «Пруся, пруся, пруся к ней, пруся к Любушке своей и фиг вы меня остановите" и дальше по тексту. А бедная девица сон и покой потеряла, на хоккей свой любимый не пошла, чтобы этому Лаврентию ответить достойно, и отвадить его раз и навсегда не только от себя, но и от всех ретингистов..

А кто сказал, что зло не должно быть наказано? Кот Бегемот так не считает и никогда не считал, а он был ее любимым героем.

Но что из этого вышло? Не увидев своего талисмана на арене в 5 ряду на 13 месте за воротами соперников, богатырь Ден в первый раз в жизни промахнулся, по пустым воротам не попал. И хотя команда в очередной раз победила, но за свой минус за игру богатырь решил отомстить жестоко. Кто сказал, что наказание должно быть соразмерно преступлению? Ден этого сроду не знал и не ведал, прямо на коньках с клюшкой наперевес и с шайбой в кармане и отправился он искать того, кто его Любашку задержал, а ему, доблестному капитану ястребов, так напакостил. И нашел быстро, потому что сам черт, а вернее кот Бегемот вел его именно туда, куда надо, и привел к дому Лаврентия, который в это время с цепным псом гулял на улице и людей пугал, и со всеми ругался, кто смел на него косо посмотреть.

- Это он, -мурлыкнул Бегемот над ухом Дена.

- Этот? – удивился Ден, - да она с ним на одном гектаре рядом не сядет...

-А я тебе не о любви, а о ненависти твержу.

Ден больше ничего не стал выяснять, шайба полетела туда, куда надо, Ден в тот вечер побил свой собственный рекорд и не промахнулся. Жаль, что американцы об этом не узнали. Но Лаврентий не мог измерить силу удара, он уже больше ничего не мог. Не плачьте, Жоржеты, Жанетты и прочие подружки на час, наш герой остался жив, хотя вам он уже больше не пригодится точно. Но жив, и то хорошо. В милицию-полицию Лаврентий не пошел, кто же ему поверит, что изувечил его на улице хоккеист на коньках и с клюшкой наперевес. В полиции любили хоккей, и не первый год знали

Лаврентия, а потому койку рядом с Иваном Бездомным у профессора Стравинского или Преображенского ему точно нашли бы... В полицию Лаврентий жаловаться не стал. А тем, кто придет ему на смену и станет преследовать милых дам, хочу посоветовать, да забудьте вы про этот рейтинг, и сдался он вам болезным. Забудьте и здоровее будете, кот Бегемот дурного не посоветует, он же не Лаврентий, а борец с теми самыми Лаврентиями - облаками в штанах.

Ведь если бог хочет лишит человека рассудка и помучить хорошенько, то он его на борьбу за рейтинг отправляет и правдорубом делает, а потом смотрит на этого героя своего, и усмехается.

А если коту Бегемоту вы дорогу случайно перейдете, то он Дена к вам пошлет, вот тогда и посмотрим, побьет наш богатырь мировой рекорд или нет, а он всегда готов позлить тех самых американцев и заступиться за милых дам....А кто же еще заступится, если вокруг столько Лаврентиев развелось? Никакая полиция вам не поможет, не надейтесь.

Не верите, господа критиканы? Дело ваше, конечно, но Бегемот и Ден идут к вам, а наказание у нас часто бывает несоразмерно преступлению, да почти всегда так и бывает. И вот тогда снова посмотрим на пенальти для Лаврентия. А что, зло должно быть наказано, и Дену надо совершенствовать свое мастерство, и кот Бегемот на посту, он тоже за правду борется, говорите, что она у него странная, да ничем не хуже вашей.

Так что сядьте, хорошо подумайте, и семь раз отмерьте, прежде, чем на кого-то бросаться. Вам же лучше будет.

Лаврентий славы не хотел,
Она сама его хотела,
Но есть же край, но есть предал
Иль наглость будет без предела?

Лаврентий женщин не любил,
Да и они его не очень.
Он в рейтинг, с ними заходил
И чаще все в разгаре ночи...

Когда другие крепко спят,
Иль занимаются любовью,
Лаврентий пятый раз подряд
Строчит донос на Машу, Олю.

Он обличитель и палач,
Ему давно не до творений,
Лаврентий в буре неудач
Доносов бесподобный гений.

И если вас не разглядел,
Дела у вас, подруга, плохи.
Лаврентий славы не хотел
Он чистильщик, палач от Бога.

Что-то, ребята, оставил я без присмотра нашего друга Лаврентия, с которыми враги отдыхают, а он уже расходился, разгулялся снова.

Прихожу значит со стадиона, где за ястребов болел до потери пульса, хорошо, хорошо так болел, агрессивно, аж валерьянки пузырь пить пришлось.

Клуб предупредили даже, что если кот Бегемот и дальше так будет болеть и судей извращенцами называть, ну сами знаете как, или догадываетесь, не малые дети, хотя и малые дети, если они были на стадионе, теперь знают, как иногда называют судей. В общем, могут у нас быть большие неприятности, если повторится такое.

И правильно называют, потому что судьи у нас кто? Да те же самые Лаврентии. Не все, конечно, но то, что на Олимпиаду берут только двух из двух десятков, это о чем-то говорит?

Не знаю, как вам, а мне много чего говорит, но я тут поспорил, что и эти двое так насудят, что и там вспомнят про то, кто такие наши судьи. Вслух может быть и не назовут так, как заслужили, перед иностранцами неудобно, но вспомнят мою кричалку точно.

Так вот от судей Лаврентиев, пришел я к своему любимому Лаврентию писателю, и та же самая холера тут творится.

И вот казалось бы, ну тут - то что такого, не игра все-таки, ничего тебе не дадут в награду, сиди, пиши, радуй народ своим трудом приятным, воспоминания строчи, жанры изучай, трудись, трудись и трудись, пока руки не отсохли и голова хоть немного работает, ан нет, Лаврентий прежде всего о судействе думает, а потом о своем творчестве бессмертном.

Сюжетов в литературе один умный дядька аж 36 насчитал, что ты уже все использовал что ли? Вот и осваивай так сказать литературную целину и радуйся тому, что так много можешь.

Но это про кого угодно сказать можно, только не про Лаврентия.

Лаврентий славы не хотел – это я вам ответственно заявляю, совсем-совсем не хотел - не хотел, даже и не думал никогда о ней...Он только упорно следил, и как легавый пес носился за теми, кто этой славы хотел, или ему казалось, что хотел, иначе откуда бы взялась статья «Восходящая звезда? Или жажда славы?» , которая в том самом рейтинге болтается, куда Лаврентия по его же словам днем с огнем не затащишь? И нужен ему тот рейтинг, как собаке пятая нога. Не знаю про ногу собаки, но Лаврентий получает оргазм от пребывания там, не верите? Сами проверьте. Уберите его оттуда, и увидите, как завоюет, заскулит, рвать начнет всех подряд

Угадайте с трех раз, кого преследует наш легавый Лаврентий?

Конечно, какую-то милую барышню, то ли потому что мужики славы не хотят, то ли потому что этому легавому в физиономию сапогом могут заехать, скорее всего второе, потому что, глядя на Лаврентия, поверить в то, что они славы не хотят, ну очень сложно.

А чего же хочет сам Лаврентий?

А вы еще не поняли, - да все очень просто, на тех же самых хрупких женских плечах на Олимп въехать. Ну или хотя бы в рейтинг вляпаться. А так как он пробует сделать это с завидным постоянством, то у вашего любимого кота опадают все сомнения в обратном. Хотя, положив лапу на сердце, он не сомневался в том с самого начала.

Но Лаврентий старается убедить его снова и снова, в том, что бескорыстен он, высокоморален, а чертовски честен. Хотя все черти рядом с Лаврентием ангелами кажутся, это тоже правда.

А если это так, то не только хоккейным болельщикам во главе с котом, но и всем автором стоит вспомнить мою кричалку про судей, которые сами знаете кто.

Правда, перед матчем диктор нас всегда предупреждает, что они все-таки судьи, а потому их так называть нельзя. Мы внимательно слушаем это объявление и даже обещаем так не делать, до первой судейской ошибки – это ласково так называется, ну может до второй, а потом среди 10 тысяч голосов снова и снова повторяют, кто такие судьи.

На сайте так громко и так красиво не получится, наши судьи не поскользнутся и не шлепнутся, и шайба им в то самое место не прилетит случайно, совершенно случайно, и все-таки надо попробовать. Потому что ну достали уже эти легавые правдорубы, у которых на лбу написано, что они хотят, но утверждают то они как раз обратное...

И ведь уверены, что они добро творят... А поговорку не помнят о том, что если не будешь делать добра, то и зла не получишь.

В общем, разговорился я что-то. А хотел ведь сказать только одно: милые мои дамы, как только увидите у себя на странице Лаврентия, так сразу и вспомните стадион. Там кота Бегемота в проходе рядом с ястребом, которые крыльями и лапами махают в нужный момент в двух случаях, в финале, когда по стадиону в случае победы ястребов должна волна прокатиться, и когда судьи косячат.

И стадион выдыхает, чтобы погромче гаркнуть и несется, и вот тогда несется по стадиону: «Судьи п.....»

И иногда очень хорошо получается, судья Б упал и ударился физиономией об лед - лед раскололся, мы этого не хотели, а он сам так упал, а второму прямо в лоб шайба угодила, ей бог не вру, Анатолий не даст соврать.

И такой звон пошел по стадиону, голова - то у него железная (твердый тупой предмет одним словом)..

Если у вас есть другие способы борьбы с самоварными судьями и критиканами, буду рад послушать версию, что еще сделать можно.

Ну а пока знаю только одно - спасание авторов дело рук самих авторов. Ну, или только свистните, и кот Бегемот вам на помощь придет, может и Соловей разбойник подтянется, тогда у нас будет не хуже, чем на стадионе...

Тогда и Лаврентии творчеством, а не травлей авторов займутся, это уж точно, а пока мы молчим да вторую щеку подставляем, и не говорим им в глаза, кто они такие, все так и буде, увы..

Глава 58 Добрый, щедрый, порядочный. Служба знакомств

ДОБРЫЙ, ЩЕДРЫЙ, ВНИМАТЕЛЬНЫЙ Никто замуж не берет

Подлинные записки одного из женихов из Службы знакомств, который никак не может понять почему невесты от него не уходят, а прямо убегают без оглядки.

Желающим представим диктофонную запись, никто ничего не придумал, так все и есть. Адрес и телефон жениха тоже имеется, если у Вас МТС, если нет, купите симку МТС, иначе знакомство не состоится, уввы.

Я, Владимир, молод, щедр до невозможности, профессия хорошая, денежная, хирургом работаю, в морге. Но все-таки хирургом, трудился в обычной больнице, но там меньше платят. А тут по большому благу пригласили в морг. Конкурс был огромен, я оказался победителем, чему несказанно рад. Дела мои сразу пошли в гору - никакого сравнения с прошлой должностью нет и быть не может.

Место хорошее получил, решил, что теперь пора жениться в пятый раз. Почему в пятый? Да если бы я знал почему, бегут девицы и бабы от меня и старые и молодые, так что не остановишь, не догонишь, душой-то молод, а ноги уже не те, подводят.

Бегут, но каждая что-то после себя оставляет, кто сказал, что детей, их только не хватало, никаких детей, это условие с самой первой встречи оговаривается сразу, чтобы и мыслей у них о детях не возникло. Но если возникнут, или они меня обмануть захотят, быстро справимся, я так сказал, и будет только так как мужик – хирург из морга, говорит. Баба должна слушать и молча соглашаться. Но они мне оставляют, первая Светка - машину оставила, от папашки ей доставшуюся, машина дрянь, наверное,

поэтому забирать не стала, а еще она судиться не любила. Вторая - Танька - квартиру бабушкину, квартира маханькая, двушка, Танька судиться любила, но ничего у нее не вышло, а когда я пообещал ей, что встретимся в морге, она совсем отстала, про все свои суды позабыла.

Третья оставила мебель для той квартиры, она у нее в своей лишней была и никуда не помешалась, а в мою двушку хорошо поместилась, что не входило, разобрал, да затолкал, с этим проблем не было, четвертая - Маринка - карточку кредитную оставила. Случайно, а потом забыла за ней вернуться, говорят померла внезапно, но точно не знаю, да и какая разница, хорошо, что за мой счет хоронить не пришлось. Но прибавка к пенсии, а я уж туда собрался в другом году, будет существенная, карточка была платиновая...

И вот теперь, жениться в пятый раз хочу. А что, женщина мне нужна, мыть, стирать, убирать, кто сказал, что для постели? Тут проблемки есть небольшие, вот уже лет 10 мало я что могу, да и спать люблю отдельно, чтобы никто не мешался, потому и не сильно молодая сойдет, пусть ей будет лет 30, а то мода тут пошла на малолеток. Нет, с этой косметику надо крутую покупать, дорожущее нижнее белье, а мне оно надо, нет, пожалуй, 30 сойдет.

На сайте знакомств "Планета любви" знакомиться начал. Но клюнула на меня только парочка теток под 40(считайте 50, от них же не добиться, сколько им на самом деле), в общем, посмотрел я на них издали, по телефону-то поговорить не удалось, у них операторы связи другие, а это сильно дорого для меня. Ни одной с МТС не было...

Нет, пришел на свидание, посмотрел издали, решил, что такие бабки мне не нужны, жадные, страшные, у меня в морге краше лежат, да молчат. А эти еще и трещат, наверное, без умолку.

В общем, сел я в свой автомобиль, который еще и хорош, хоть от первой жены достался, да домой тикать.

Третью искал долго и тщательно, но и оператор сотовой тот самый, какой надо, и сама она точно не старше 30 лет, я проследил за ней раньше, у пацана около ее дома спросил, как ее зовут, все совпало. В общем, судя по всему, она и должна была стать моей женой.

Договорились встретиться в «Ленте». То, что я ее узнал, понятно дело, разведку провел боем, как она меня узнала, понять не могу. Вот и стал я в тележку складывать все, что под руку попадет, так свела эта Алинка меня с ума, потом понял, что у меня и половины денег нет, чтобы за это рассчитаться, а еще ничего к чаю не купил, гляжу, булочки уценённые раздают:

-Бери, говорю, это нам к чаю, на неделю хватит, почти задаром.

Она заметила, что вина нет никакого. Какое вино говорю, у меня дома спирт есть медицинский, уточнять не стал, откуда этот спирт взял, иначе точно, еще вино придется взять, а это же грабеж среди белого дня. Так и жениться опять расхочется, а тетка-то мне уже понравиться успела.

Пока проходил к кассе, прикинул, сколько надо одолжить у новой знакомой, чтобы рассчитаться за все, что там набрал. Радовался, как ребенок. Ведь она и до машины поможет донести, чего самому надрываться. Разве не для этого бабы нам и нужны.

И что тут случилось, сам не пойму, на хурму засмотрелся, которая вообще задаром была, и прощу, значит Алинку:

-Иди, набери, да побольше.

Туда посмотрел, сюда, а ее и след простыл. Как она успела сбежать, не прощаясь, до сих пор не пойму. Да и почему сбежала, когда я был такой внимательный, щедрый, столько угощений для нее приготовил.

В общем, пришлось мне разгружать тележку, осталась только там хурма да булки к чаю, еще на неделю хватит этого добра. Начал невесте звонить, думал, что может ошибка вышла, просто мы потерялись, а у нее сотовый вырублен - ни ответа, ни привета

Значит, не случайно пропала, а сбежала. И чем же интересно я для нее плох оказался, вот скажите, люди добрые. Хотя о чем это я, откуда какие добрые люди могут взяться, человек человеку волк, и никогда никто ничего просто так не даст, не сделает, все от тебя урвать чего-то хотят, ведь деньги правят миром.

Но вот немного отдышусь, пока булки мои к чаю совсем не засохли, да пойду опять себе невесту искать, лет 40, не младше, в 30 –летних я разочаровался навсегда, не годятся они мне, слишком много хотят.

Пожелайте мне удачи, ведь хирург любому из вас пригодиться может, а такой как я хирург и подавно, никто мимо не пройдет...

Но о душе пока рано думать, надо жениться, чтобы было кому стакан поднести если что, на сиделку никаких денег не хватит, а это все-таки жена - и в горе, и в радости. Нет, хочешь, не хочешь, а жениться все-таки придется. Может и такая, кто это говорит дура, женщина найдется, мужиков-то вообще мало, а таких хирургов вообще днем с огнем. Надежда умирает последней, знаю, о чем говорю.

Глава 59 Спасите наши души. Последнее свидание в Старом Кафе

Ванечке с любовью

Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.
В.Высоцкий

Горячая точка. Закат. Сообщение о захваченном в доме, в котором старики и дети. И те, кто меньше всего думал о стариках и детях, у них были какие-то свои высшие соображения о мести, справедливости, власти, собственной персоне, обо всем, что позволяло им расправляться со стариками, детьми и всеми, кто стоял на пути. Парни шагнули к этому дому, но отодвинув их, сам майор пошел первым.

Он всегда и везде был первым, да и как могло быть по-другому?

Тогда и раздались выстрелы, град пуль, озверевший захватчик мазал, но половина все-таки попала в майора, ранило еще кого-то, его смертельно.

Но перед смертью он успел спросить, не пострадали ли заложники.

Заложники не пострадали, они молча стояли перед ним. Да и что тут можно было сказать.

Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.

Да что там - не стало хватать – мир опустел. Но мы, как и спасенные им, продолжали жить в этом пустом мире.

No No No No No No No No No

- Наполним музыкой сердца....- пел ее любимый бард может быть самую главную в ее жизни песню, когда самолет оторвался от земли, набрал высоту.

Алина словно бы вернулась в дни своей юности.

Наполним музыкой сердца...

А что еще им оставалось тогда, и музыка была прекрасная, и стихи проникновенные, но что и когда в их жизни пошло не так. Хотя в небе об этом

лучше не думать, а думать надо о доме, о близких, о том, что любимо и дорого. Двое мужчин – ее самых близких мужчин заключили пари о том, что в первый раз на дюжину лет в этот вечер 22 июня Алина не пойдет в Старое кафе. Просто потому что она была в столице в это время, а там какие-то презентации, конференции и другие важнейшие дела.

- Думаешь, у нее есть более важные дела, чем майор и годовщина его гибели? – спрашивал Олег.

Андрей пожал плечами:

-Может, и нет, но твоя мать достаточно трезвомыслящий человек, чтобы из-за этого не бросать все. Ты же знаешь, как она боится летать на самолетах.

№№№№№№№№№№

- Мы на роли предателей, трусов, иуд,

В детских играх своих назначали врагов, - пел тот, кто перевернул все ее жизнь. Он всегда добавлял сил, даже когда они были на исходе, стоило только услышать голос, эти неповторимые интонации, мощь этих стихов, и усталость исчезала.

- Мы на роли героев вводили себя.

Алина посмотрела на землю - ее совсем не было видно, но тревога прошла. Он, как любимый мим из другого стихотворения, украл все печали и оставил себе

Слишком много он взвалил на плечи

Нашего и сломана спина.

Но почему сегодня она все время переключалась на какие-то трагические и страшные строки.

Нет, надо что-то другое срочно вспомнить.

Внизу не встретишь, как не тянись,

За всю свою счастливую жизнь,

Десятой доли таких красот и чудес...

Но и эти строки куда-то в сторону ее уводили.

Алина закрыла глаза и заснула. Ей снился майор. Он упрекал ее за что-то, он пытался ей что-то сказать или показать. Но она не слышала, не видела того, на кого он указывал. Она смотрела по сторонам на шумной площади, менялись люди, но она не понимала, что он хочет.

В тревоге проснулась, вспомнив, что они все еще на страшной высоте остаются.

Олег промолчал. Когда на его Сотовом загорелся дисплей, он повернул его к отцу.

- «Белый аист» за тобой, я не хочу чего-то более дорогого, этого достаточно.

Тот только пожал плечами. Они помчались в аэропорт. А ведь и сам Андрей чувствовал, что это может случиться, вот и машину он не поставил в гараж, хотя дел больше не было в этот вечер..

По дороге они молчали. Да и что говорить. Это был явно не их день. Интересно, как она смогла от всего там отвертеться, и купить билет на самолет, хотя последнее не так сложно нынче. И снова лететь сюда, для того, чтобы весь вечер просидеть в одиночестве в Старом кафе.

Не могло быть и речи о том, что с ней пойдет кто-то из них.

Они когда-то рвались составить компанию, объясняя, что при живом любящем муже и взрослом сыне просто неприлично оставаться одной в кафе.

Но все напрасно. Она ничего не хотела слушать.

А все потому, что когда-то в юности, однажды они столкнулись в том самом кафе, курсант милиции и вчерашняя школьница, отмечавшая там с подругами свое восемнадцатилетие.

Потом, когда она завалила экзамены на юридический из-за своей первой и неземной любви, она пошла работать в милицию, ни о чем другом отец и слушать не хотел.

Лейтенант оказался в соседнем кабинете. Так они и встретились во второй раз и проработали рядом дружно и весело несколько лет. Она довольно поздно пошла на филологический уже не желая становиться юристом, он стал командиром отряда особого назначения или быстрого реагирования, их по-разному в разное время называли.

Тяжело заболела любимая бабушка, тогда Алина уехала к ней, перевелась учиться в столицу да там и проводила большую часть времени. А майор все чаще был в горячих точках, он все время рвался туда.

Он оставался в своих командировках, пока в такой же вот летний день не привезли его тело в цинковом гробу.

Для него горячая точка оказалась и последним местом службы, он пошел первым в заминированный дом, где были старики и дети, и погиб там первым.

Остальные остались живы, все живы, майор успел об этом узнать, прежде, чем уйти в мир воинов и богов с вечными их праздниками и пирами.

Об этом рае для воинов у викингов, а он был из этой породы, редкой и прекрасной, постоянно ему говорила Алина, и сетовала на то, что из-за этого им в вечности не быть вместе – это страшнее, чем разлучиться на земле.

Впрочем, тогда она была уже замужем, и у нее был сын, которого она назвала его именем.

№№№№№№№№

Алина обняла Олега, прильнула к мужу, пытаясь понять, что же его так волнует сейчас.

- Не говори, что вы меня не ждали, даже не подозревали, что я могу заявиться, - предупредила она.

Но настрой было грустным и у нее и у мужчин. Она рвалась не к ним, когда боролась с обстоятельствами и страхами.

Они не спрашивали, она ничего не сказала, когда накинула бирюзовый костюм, поправила косметику и улизнула из дома.

Что тут говорить.

В Старом кафе на набережной звучала дивная музыка.

Кафе казалось самым маленьким и незаметным среди современной помпезности кабаков, выросших повсюду, как грибы после дождя. Но та публика была так пуста и чванлива, она дико устала от них в столице, и радовалась, что здесь только видит их через стекло и даже голоса не слышит. Сюда бы они и по приговору суда не заглянули, вот и славно.

Столик у стены. Она договорилась еще в самолете с администратором, что его в этот вечер не станут занимать.

Теперь он был свободен.

Алина улыбнулась, когда вспомнила, как сын намекнул, что очень хочет посидеть с ней в старом кафе.

- Сейчас дамам моего возраста модно быть с молодыми парнями, представляешь, что желтая пресса написала бы в столице, но даже ради такого случая, ради пиара не могу и не хочу. В другой раз обязательно, или тебя интересует только этот день и старое кафе? А с матушкой в свой клуб слабо пойти?

- Да не слабо, - как - то не очень внятно заявил Олег. Но она невольно рассмеялась, представив себя там с ними со всеми. Какая пропасть все-таки пролегла. Хотя ведь и они тоже наполняли музыкой сердца....

Алина рассмеялась, в первый раз за этот день. В первый и последний. Она и на самом деле очень боялась перелетов, три часа пытки в воздухе, при ее

перепадах давления. Но когда и что могло ее остановить, если очень хотелось или было необходимо.

Но на этот раз Алина чувствовала и еще что-то, связанное не только с майором, будущее в прошедшем, эта фраза еще в столице не давала ей покоя.

Хотя в старом кафе все было как обычно – этот уголок из ее прошлого никак не вписывался в ту столичную реальность, из которой она выпала несколько часов назад.

Алина подумала о том, что Олег, вероятно, где-то поблизости ждет ее, и даже пожалела, что не позвала его с собой. Но нет, она не могла нарушить традиции.

И вдруг, словно в ответ на ее мысли кто-то плюхнулся рядом на немного оставленный стул.

Вероятно, ее возмущению не было предела, парень-администратор направился к ним, помня, что она просила его, чтобы никто не садился, даже если не будет мест.

Но когда она взглянула на парня, то так и осталась с открытым ртом. Говорил администратор, то ли извиняясь, то ли объясняя ей что-то. Но она жестом попросила его не волноваться.

- Вит, что ты тут делаешь?- спросила она, наконец.

Он не слышал ее, не реагировал на собственное имя, словно бы он был глух, хотя глухой человек смотрит на губы, и пытается понять, что вы ему говорите. Конечно, если он вменяем, если не ушел в свои мысли, а то и иллюзии.

Эти широко открытые глаза, все еще красивые и совершенно пустые, взгляд выше головы. Для него мира этого не существовало, его не было тут, только, как же он дошел до кафе и до столика. Упал, как снег на голову, так говорят о подобном явлении. Только упал, кажется в прямом, а не переносном смысле.

Она не боялась, что он станет разговаривать, как пьяный Мармеладов в кабаке и расскажет ей всю свою историю. Нет, скорее всего, он не скажет ни слова, но как он дошел до такого состояния? Красавец в белой одежде, на которой никогда не было ни пятнышка.

Впрочем, к одежде и нынче трудно придраться, а все остальное.

Если бы она не была с ним знакома несколько лет, то наверное, ничего бы и не поняла. Но они давно общались, сталкивались, с ним дружила дочь ее подруги, и подруга возмущалась страшно. Тогда собственно она и решила с ним поговорить, случайно столкнувшись на набережной. Он был совсем один

в тот вечер, хотя такое при его общительности и круте знакомых даже трудно представить.

Он на самом деле оказался немного замкнутым и одиноким. Хотя был обычным парнем двадцати с небольшим лет, почти ровесник - ее сына.

А вот сейчас ей показалось, что майор где-то выхватил и толкнул его сюда. Не об этом ли он просил ее накануне в странном сне?

Но сил у Вита хватило только на то, чтобы добраться до стула.

Он не слышал даже музыку, хотя у него был абсолютный слух, он смотрел куда-то, и казалось, что на противоположной стене показывали самый захватывающий фильм.

Но там ничего не было, только в его воображении, вероятно, что-то происходило, иллюзии не отпускали ни на минуту.

Когда он немного очнулся, то пристально посмотрел на нее, словно пытался понять и вспомнить, где они встречались. Но память не выдавала ему никакой информации. И все-таки он сказал что-то медленно, словно вспоминая перевод иностранных слов. Так она говорила даже не на английском и польском, а на испанском, которого почти совсем не знала.

Алина слышала, что они разбежались с Оксаной, но чего не случается у молодых, только теперь поняла, почему это случилось. И он остался совсем один.

№№№№№№№№

Вечер оборвался на этот раз неожиданно. Алина успела подумать, что майор защитил стариков и детей, а она нет, и, кажется теперь уже поздно.

Если он не скулил, не ныл,

Если хмур был и зол, но шел,

А когда ты упал со скал

Он стонал, но держал, - предательски звучала песня, от которой рядом с парнем в первый раз ей стало неуютно.

И самый уж горький вопрос из другой песни:

Ты бы пошел с ним в разведку,

Нет или да?

Но вопрос не к Виту, а к ней самой относился в первую очередь. И ответ не был утешительным, увы..

Она вспомнила, в свое оправдание, как в прошлый раз Вит говорил:

- У каждого своя жизнь, оставьте нас в покое. Это вас не касается.

И она подчинилась без всяких слов. Хотя глупо было бы вмешиваться дальше, но кто-то ей хотел показать, что из этого вышло.

И на самом деле, не было никакой явной опасности, никто не минировал, ни стрелял, не захватывал заложников? Тогда она была уверена в этом, теперь начала сомневаться.

Он все-таки вышел вместе с ней из кафе. Шел словно пьяный, но никаким вином, водкой, пивом от него не пахло вовсе.

Олег сразу же шагнул к ним. Он видел, как Вит заходил в кафе и не сомневался, что теперь и она его увидит таким.

Несколько раз, сталкиваясь внезапно то в одном клубе, то в другом, приходилось ему дотаскивать парня до дома. Кто-то стал спрашивать, не принимает ли он дозу и сам. Но может быть, радуясь тому, что с ним такого не может быть, Олег упорно доставлял его в дом на набережной.

Вот и на этот раз, они прошли пешком до того самого дома. Олег попросил мать подождать его на лавочке и поднялся вместе с ним на пятый этаж.

- Ты оставил его одного? - спросила Алина, растерянно. Она никак не могла понять, что же делать.

- Ему давно никто не нужен, никто и ничто, не грузись, мам, поезд ушел.

- Да я никогда не грузилась особенно, знаешь. Может и хорошо, что майор не дождался до этих дней? Он так переживал за них за всех.

- У каждого своя жизнь. Его никто не заставлял это делать. Он видел тех, кто были до него. Они Кастанеды начитались, решили, что магами станут, летать начнут, а летят в сторону кладбища быстрее всех. Их больше нет, хотя они не дотянули и до тридцати, он всегда оставался с ними, а не с нами. Но он не ребенок, не глупый пацан – это стиль жизни...

Она слушала сына, радовалась тому, что он говорил, а не тупо молчал, был рядом. Но глаза того другого, пустые и безучастные, забудутся ли они когда-то?

Мы всегда были так сентиментальны порой, наполняли музыкой сердца, рыдали о прошлом, а когда настоящее отстранилось и уходило в другое измерение, - это вроде нас не касается.

Я пою – и значит, я люблю,

Я люблю, и значит – я живу...

Олег прав, с ним теперь уже поздно что-то делать, но немного раньше, когда он только решил уйти в иллюзии, ведь можно было вырвать его оттуда или это сразу было не реально?

№№№№№№№№

Спасите наши души, мы стонем от удушья,

Спасите наши души, придите к нам...
Наш стон все глуше, глуше...

Алина шагнула на набережную, когда раздался страшный грохот, визг старушек, какие-то истошные крики, лай собаки, переходящий в вой. Тишина нарушилась мгновенно.

Олег резко затормозил на машине своей, но Алина бросилась от него в другую сторону.

Еще до того, когда она это увидела, она поняла, что он шагнул из окна пятого этажа, не понимая, что творит. Решил, что сможет полететь или просто разом захотел избавиться от иллюзий?

Олег сначала не понял, почему она туда, к дому побежала. Но по суете старух и крикам догадался, что там что-то такое произошло.

Окно его комнаты было открыто.

Он видел, когда привел его, что там никого не было. Комната была пуста.

Резко зазвонил телефон. Отец спрашивал, где они так долго гуляют.

- Она прилетела, чтобы увидеть это? – говорил по телефону отцу Олег, - черт знает что творится.

Скорая помощь уехала почти сразу, спасти было некого.

Но почему? Что такое творится в мире иллюзий, и в реальности, которая и ей порой казалась иллюзией.

Лунный свет упал на тело парня, до которого она так и не смогла докричаться.

Машина за ним приехала довольно быстро.

Они молча отправились домой. В первый раз за все время ее мирный город, утопавший в тополином пухе, показался ей горячей точкой, хотя их и грабили, никого не брали в заложники, никому не угрожали. Она просто провела июньский вечер в старом кафе и возвращалась домой.

Будет в старом кафе снова музыка дивная таять,
Это строчки стихов нам напомнят сомненья и чувства.
И какие-то пары кружатся, над прозой взлетая,
Эта юность и радость уже в этот мир не отпустят.

Будет в старом кафе эта женщина плакать устало,
А веселый майор опоздает на целую жизнь.
Он лежит в Каңдагаре, но ждать ли его перестала,
Снова танго стихает, и радостный вальс нас кружит.

И сюда заглянул на минутку отчаянный парень.
Усмехнулся, кому-то махнул и растаял во мгле,
Снова в старом кафе и себе и тебе благодарен-
Тот угрюмый чиновник коньяк проглотил в тишине.

Было все, только было ли, это мужчине не ясно,
И забытая юность несется в объятья, шутя,
Звездопад за окном, понимаем –реальность прекрасна.
За окном тишина, только плачет во мраке дитя.

Этой музыки бред и речей и страстей переливы,
Этот свет или мрак, нам сегодня с тобой все равно.
И какой-то юнец, то угрюмый, то снова счастливый,
Затерялся в тиши, пьет, забывшись во мраке, вино.

Ну а нам танцевать надоест в этот вечер едва ли.
Мы беспечно легки, словно не было прожитых лет,
И в объятиях музыки снова про все забывали,
Задыхаясь от счастья, как бабочки, снова на свет

Мы порхали, смеясь, и любили и песни и грезы,
Хриплый голос певицы, дыхание осени вновь.
И мой спутник сегодня печальный и слишком серьезный...
Нас окутала нежностью эта беспечная ночь.

Р.С. Строчки любимых песен принадлежат перу В. Высоцкого, Ю. Визбора

Вероятно, настало время, когда придется подумать о том, как выжить в этой закрытой банке со змеями, половина из которых ядовиты, некоторые ядовиты смертельно, а осенью их деятельность резко активизировалась, чего и стоило ожидать.

Обо всем этом совсем недавно мы говорили и писали вместе с Ириной Царевой – Маргаритой, Музой, удивительнейшей женщиной, женой первого поэта эпохи (начала 21 века) Игоря Царева, чей уход 4 апреля я, и ни одна только я, воспринимаю как личную трагедию, поверить, что он внезапно умер, просто не реально.

Да на самом деле, никуда он не ушел, как отмечал сам Игорь после смерти М. Анищенко, его творческая жизнь только начинается...

Он был Поэтом, и не просто поэтом, но человеком, остро чувствующим нашу реальность, перемены, которые тут творились, улавливающим последние веяния, пока многие из нас стремились витать в облаках, не хотели замечать кошмара реальности, молчали, отмахивались от того, что видели и слышали. Ведь если не видишь в упор, не озвучиваешь, то этого вроде и нет. Как же долго можно оставаться в своих иллюзиях.

Игорь Царев так жить не умел. Пример тому, пронзительное стихотворение «Бродяга и Бродский». Посмотрите сами, о чем и как он пишет

Бродяга и Бродский
Игорь Царев

Вида серого, мятого и неброского,
Проходя вагоны походкой шаткою,
Попрошайка шпарит на память Бродского,
Утирая губы дырявой шапкою.

В нем стихов, наверное, тонны, залежи,
Да, ему студентов учить бы в Принстоне!
Но мажором станешь не при вокзале же,
Не отчалишь в Принстон от этой пристани.

Бог послал за день только хвостик ливерной,
И в глаза тоску вперемешку с немочью...
Свой карман ему на ладони вывернув,
Я нашел всего-то с червонец мелочью.

Он с утра, конечно же, принял лишнего,
И небрит, и профиля не медального...
Возлюби, попробуй, такого ближнего,
И пойми, пожалуй, такого дальнего!

Вот идет он, пьяненький, в драном валенке,
Намешав ерша, словно ртути к олову,
Но, при всем при том, не такой и маленький,
Если целый мир уместился в голову.

Электричка мчится, качая креслица,
Контролеры лают, но не кусаются,
И вослед бродяге старухи крестятся:
Ты гляди, он пола-то не касается!..
<http://stihi.ru/2010/06/18/3264>

Наверное, никто и никогда, в обозримом времени точно, так не писал о бродяге, хотя сталкивались все сто раз подряд с такими вот героями. Но просто отвернулись, промолчали, сунули десятку, и пошли по своим делам, вполне собой, щедрым и великодушным, довольные. С нами - то такого точно никогда не случится.

Особо доверчивые читатели скажут о том, что Игорь писал о себе, что он и есть тот самый бродяга, иначе как можно было так пронзительно написать. У нас даже писатели доверчивые ребята, они не могут поверить в то, что есть ситуация, лирический герой, а есть сам автор. Разве редко звучит со страниц просьба не отождествлять героя и автора, только кто ее и когда слышит?

А ведь написать другого, как себя, чтобы поверили - это вершины мастерства.

Так вот, спешу вас разочаровать – Игорь Царев был замом главного редактора «Российской газеты», и уж никак не таким вот героем, что и заставляет удивляться тому, как он это видел, чувствовал и сочувствовал. И от этого стихотворение приобретает еще большую ценность для меня лично, потому что его душа никогда не была успокоенной, он видел сердцем даже то, что «скрыто от глаз».

Такова вся его поэзия, потрясая многих, но ведь с таким отношением к миру надо было как-то защищаться от этого самого мира, вовсе никогда не бывшего к нему великодушным и добрым, скорее наоборот, мир к нему был невероятно жесток, и в этом можно было убедиться даже в последние годы, а что говорить о юности и молодости. когда из Хабаровска он дошел до Питера,

а потом и столицы, приходилось просто выживать и бороться. А вот ведь смог он оставаться достойнейшим и в этом мире...

В свете последних событий на сайте - скандалов, драк, выяснений отношений, конечно же, мне приходится обращаться именно к Игорю и к Ирине, которой хочется пожелать крепкого здоровья и мужества и исполнения всего, что она задумала, и что делает для памяти Игоря каждый день с утра до вечера.

И спросить именно у них, так любивших друг друга, как же жить и выжить в этой вот среде писательской, где все еще страшнее порой, чем в реальности, одной из первых у меня появилась Папка с названием «Враги Игоря»- живое тому свидетельство. И материала там слишком много для грядущих глав о поэте и жизни его в сети и на наших сайтах в первую очередь.

А еще есть рецензии самого Игоря на сайте Стихи ру с 2002 года, когда он там появился, которые я за это время очень внимательно почитала, скопировала.

Так как же здесь жить и выжить, остаться, не закрыть страницу, и не послать всех или многих подальше?

Игорь свято верил, что если стихотворения написаны, и они стоят того (а к себе он был очень строг, так, как многим и не снилось), то они должны быть опубликованы, и автор должен присутствовать рядом со своими текстами, пока у него есть такая возможность.

Последнюю рецензию он написал 28 марта, и так получилось, что эта рецензия была написана мне, что меня, конечно, потрясло до глубины души и заставило на многие вещи взглянуть по-другому...Это случайность, но бывают ли в мире случайности вообще?

Но если присутствовать и не хлопнуть дверью, то как же тут выжить и жить?

Только в очень узком кругу людей, которых нужно очень тщательно выбирать, безжалостно закрываясь перед остальными...

Это не мой принцип, это так жил Игорь, и время показывает, что он был совершенно прав, по-другому не должно быть.

Игорь был мягким, добрым человеком, и порой казался беззащитным, но я вижу, как безжалостно отсекал он чужаков, хамов, скандалистов, борцов всех

страстей и мастей... Не общаясь с ними – рецензии так и остались без ответа, хотя он почти никогда их не удалял. Только изредка ставил наглеца на место.

Наше пребывание на сайте подразумевает публичность, это так, но ведь это вовсе не значит, что мы должны быть близки и откровенны с любимым, вести бесконечные разговоры, убеждать, быть с кем-то и против кого-то. А потом жаловаться на то, что они выдают наши тайны, предают... Да и в жизни, много ли у нас настоящих собеседников?

Так, именно так приходится поступать и здесь, отыскивая драгоценности в тоннах руды.

Вступать в дискуссию только по принципиальным вопросам, игнорируя мелкие и мелочные выпады, а самое главное, говорить только по делу, соблюдая дистанцию... И уж точно никаких переговоров с шантажистами, хамами, мерзавцами.

Удивляюсь краткости и емкости его отзывов. Некоторых особенно любвеобильных это раздражало, обижало, но и в этом Игорь Царев себе не изменял. Он всегда был краток и деловит. Наверное, так и должно быть...

Ни для кого не секрет, что порой нам объясняются в любви совершенно незнакомые люди, как с этим быть? Вопрос ведь актуальный. А если вспомнить, что от любви до ненависти один шаг?

Сначала в отдельных рецензиях, а потом и вообще всем дамам, пытавшимся умело и неумело флиртовать, Игорь объявил о том, что у него есть один такой существенный «недостаток», он влюблен в свою жену вот уже почти тридцать лет, и это навсегда.

Нельзя сказать, чтобы особо пылкие дамы оставили свои попытки заполучить поэта, завладеть его вниманием, но они неизменно натыкались на скалу, от которой отлетали, теряя последние надежды.

Признаться, такую вот позицию я видела в первый раз, и она мне показалась очень симпатичной, по крайней мере, многие вопросы были сняты, не успев возникнуть. И лучше печальный конец, чем печали без конца, не так ли, господа писатели?

Потом Ирина рассказывала, как трепетно он берег ее от всей этой публичной шумихи, при том, что человек она здравомыслящий и с чувством юмора все в порядке, и повода сомневаться не было, вероятно, никогда. Но все-таки порой нас могут так ранить какие-то особенно несдержанные проявления

чувств, и чтобы даже подозрения исключить, ему пришлось приоткрыть вот эту завесу тайны личной жизни. Но не более того, об остальном можно было только догадываться. искать в стихотворениях...

Да и о чем можно мечтать, когда такие вот строки написаны не тебе?

Когда объявит белый танец небесный церемониймейстер,
Когда пронзительная нота из-под кленового смычка
Перечеркнет заслуги лета, и дальновидные предместья
Достанут снежные одежды из ледяного сундучка,
Не подводи меня, родная, не разжимай свои объятия,
Какие б трубы ни трубили, не отводи любимых губ!..
И ветер, пролетев над крышей, не руны зимнего проклятья,
А наши имена напишет на свежавыпавшем снегу.

<http://www.stihi.ru/2008/06/02/1521>

И опять же, насколько мы бываем открыты и излишне откровенны, а порой от этого же сами и страдаем, заставляет задуматься именно вот об этой стороне жизни в творчестве.

Еще одна особенность его поведения здесь.

Когда стихотворения удавались на славу, а это было почти всегда, и опять же появлялись восторженные рецензии, вполне, кстати, заслуженные, а не просто потому что хочется пообщаться с человеком, комплемент ему сделать, после таких од, Игорь обычно писал: « Мне неловко слышать такие слова».

Наверное, это самый странный ответ из всех, когда-то прозвучавших...Но это так, и вот это подкупает очень, потому что поддаваясь лести мы начинаем быстро, и сами возносимся в небеса, даже не подозревая о том, как далеко и больно будет падать, а вот всегда трезво оценить то, что творится, с юмором, с иронией – это такая редкость. Но для по-настоящему творческого человека – необходимость. Испытывать неловкость, когда хвалят, это дорогого стоит....

И наконец, нельзя не сказать о многочисленных конкурсах, в жюри которых он был неизменно, не из-за них ли и рейтингов тут идут все войны. А в последнее время просто дикости какие-то творятся.

Насколько трудно было судить именно ему, потому что человеком он был действительно добрым, и не хотел обижать других, прекрасно видя уровень стихотворчества. А такие люди бывают особенно обидчивы и надоедливы, и мстительны, при отказе у них крышу сносит сразу.

Но слышала от совершенно разных людей и критиков в том числе, о том, что люди, им выдвинуты, были всегда достойны, и оценки объективны.

То, что предлагал Игорь, всегда было со знаком качества. Как ему удавалось отсекал остальных, а отсекались они неизменно, останется загадкой.

Кто сталкивался с этим лично, может представить себе, что переживал поэт, прекрасно видя всех своих бесчисленных, агрессивных врагов, толпой валивших на его страницу и в выражениях не стеснявшихся. И все-таки он стоял за свои принципы до конца, пока внезапно не остановилось сердце.

И несмотря на то, что он был страшно занят, что такое выпуск «тостушки», некоторые из вас наверное, знают или хотя бы представляют, так вот когда у него спрашивали, пойдет ли он на передачу «Вечерние стихи», если там будет Г и К – его личные враги, Игорь отвечал, что пойдет, потому что если он этого не сделает, то их окажется большинство, и они победят. И при всем при том, он оставался воином, настоящим воином, никогда не отступавшим и не сдававшимся...

Писал Игорь нам всем кратко и мало, но когда он появлялся на странице, да в разгар рабочего дня, было совершенно понятно любому, кто его знал, что это был не праздный визит, чтобы кликнуть и ждать, когда автор явится к тебе. Это был настоящий интерес, внимание и уважение, именно уважение к автору, и никаких других причин для визита не было.

А для него хотелось писать, чтобы пришел Игорь Царев, что я и делала с момента появления его в «Вечерних стихах», и потом, когда он стал членом Худсовета и знакомил нас с достойными авторами, тогда особенно внимательно читал все, что писалось, как писалось. Вот та самая последняя рецензия, о которой я говорила выше

Рецензия на «Не все коту Масленица. Вечерние стихи 27 марта» (Любовь Сушко)

:) Рад, что мой протеже пришёлся по душе

Игорь Царев 28.03.2013 13:49

И самое главное, я никогда больше не видела поэта, который так радовался бы успехам людей, ему близких, любимых, и тех, чье творчество было дорого по-настоящему. Писал он в первую очередь именно о них, не скрывая своих чувств, следил за тем, как были у них дела дальше.

Сегодня это кажется почти нереальным, невозможным. Хорошо, что у нас есть доказательства того, о чем я говорю – его рецензии.

И так и получается, что с 2002 по 4 апреля 2013 года больше 10 лет Игорь Царев достойно и ярко жил и работал в сети, вопреки всему, что там творилось. Сталкиваясь с большими трудностями, чем мы все, уж поверьте на слово.. Ни разу не ушел, не закрыл страницы, она и сегодня открыта для всех нас.

Не верится, что кто-то из нас способен вот так достойно оставаться в клубке змей, простите, по-другому трудно назвать творческую среду, происходящее. Но если он мог, то почему бы и нам не попробовать?

- Зачем это нужно? – спрашиваю я у Игоря, помня о том, как много страниц было закрыто, и ушли не самые худшие из авторов.

И он мне отвечает, как ответил бы и любому из задавших такой вопрос:

Недописанное

Игорь Царев

...Так важно иногда, так нужно,
Подошвы оторвав натужно
От повседневной шелухи,
Недужной ночью с другом лепшим
Под фонарем полуослепшим
Читать мятежные стихи,
Хмелея и сжигая глотку,
Катать во рту, как злую водку,
Слова, что тем и хороши,
Что в них - ни фальши, ни апломба,
Лишь сердца сорванная пломба
С неуспокоенной души...

<http://stihi.ru/2012/04/06/11665>

И мне тоже кажется, что больше ничего не страшно.

Хамы на сайте Стихи ру называют нас, оставшихся и сегодня с Игорем Царевым, «Царевцами» - высшего звания я лично для себя не могу и представить..

Но хочу пообещать всем, кто рычит, воеет, хамит - ничего у вас не выйдет, не дождётесь. У нас есть такая защита, какая вам и не снилась... Так что зарывайтесь в свои берлоги и норы, и лучше не высовывайтесь, а кто со скандалом придет, от него и погибнет... как говаривал не худший из русских князей.